

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

ОРГАН ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3

1930

Типография
Издательства НКВД
Москва,

Ново-Спасек. п. 16. Зак. 649 л.
Главлит А 68411 ПКЛ 714.
Статформат Б₅ (176 × 250).
Печ. листов 9. Тираж 7000.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТАПАХ НАШЕЙ ЭКОНОМИКИ

Экономика переходного периода, которую Ленин называет периодом большого скачка, является более или менее длительным периодом революционной перестройки одной формации в другую.

«...Люди привыкли абстрактно противопоставлять капитализм социализму, а между тем глубокомысленно ставили слово „скачок“ (некоторые, вспоминая отрывки читаемого у Энгельса, добавляли еще более глубокомысленно: «скачок из царства необходимости в царство свободы»). О том, что «скачком» учителя социализма называли перелом под углом зрения поворота всемирной истории и что скачки такого рода обнимают период лет по 10, а то и больше, об этом не умеет подумать большинство так называемых социалистов...»¹.

Весь этот длительный период, период большого скачка, не является качественно однородным на всем своем протяжении. Весь переходный период состоит из целого ряда переходных периодов, качественно отличающихся друг от друга, но в то же время соединенных единым процессом революционной перестройки. Теория «самотека», которая является своеобразной теорией стихийного развития нашей экономики на всем протяжении или даже на одном этапе, не понимает сущности «революционной перестройки», которая далеко не совпадает со стихийным развитием. С другой стороны, не менее неправильно рассмотрение всего развития нашей экономики, точно так же и переходов от одного этапа к другому как обусловленных лишь нашей волей, исхождение из принципа «мы все можем», рассмотрение царства необходимости как царства прошлого. Революционная перестройка имеет свою железную логику, диктующую не только общее развитие нашей экономики, но и переходы от одного этапа к другому. Говоря о железной логике, мы не выносим за грани этой логики конкретные условия нашей стороны, точно так же не ставим эту логику за гранями условий.

Одной из основных особенностей нашей экономики, как переходной, является процесс перестройки капиталистической экономики в социалистическую в условиях преобладания мелкого товарного хозяйства. Это создавало ряд основных противоречий нашей экономики и определяло условия их разрешения.

О процессом изменения этих противоречий и с различными стадиями разрешения этих противоречий связаны переходы от одного этапа к другому. Эти противоречия связаны и с противоречием между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством

¹ Ленин, т. XV, с. 206.

и с проблемой смычки рабочего класса с бедняцкой-средняцкой частью крестьянства и с своеобразием классовых отношений нашей экономики. Процесс построения социализма, процесс уничтожения классового общества связан с процессом уничтожения этих основных противоречий. «Чтобы уничтожить классы, надо, во-первых, свергнуть помещиков и капиталистов. Эту часть задачи мы выполнили, но это только часть и притом не самая трудная. Чтобы уничтожить классы, надо, во-вторых, уничтожить разницу между рабочим и крестьянином, сделать всех работниками»². «Ее (задачу—М. К.) можно решить только организационной перестройкой всего общественного хозяйства, переходом от единичного, обособленного мелкого товарного хозяйства к общественному крупному хозяйству» (Ленин. Там же).

Эти основные противоречия носили различный характер на различных этапах нашей экономики. Точно так же и на различных этапах носил различный характер процесс разрешения этих противоречий. Эпоха военного коммунизма. Эпоха военного и экономического разгрома помещиков и капиталистов. Каутский и К-о „ставили нам в вину этот „военный коммунизм“. Его надо поставить нам в заслугу. Но не менее необходимо знать настоящую меру этой заслуги. „Военный коммунизм“ был вынужден войной и разорением»³.

Но если „военный коммунизм“ был „вынужден“, то и переход от военного коммунизма к нэпу был также необходимостью.

В эпоху военного коммунизма были национализированы промышленность, земля и т. д., т. е. были сосредоточены в руках пролетарского государства основные средства производства. Был уничтожен рынок, следовательно была уничтожена та связь между отдельными хозяйствами, которая придавала им общественный характер. Частные мелкие хозяйства оказывались вне связи друг с другом. И в то же время мы имели дело с процессом обобществления распределения (конечно с вынужденным обобществлением). Следовательно на этом этапе мы сталкиваемся с противоречием между процессом обобществления распределения и сохранением мелкого частного производства (мелкие хозяйства оставались частными). Это противоречие приводило к сокращению производственной базы в с. х-ве, а следовательно и промышленности⁴.

Но эта политика не могла быть „отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой“. Победа на фронтах гражданской войны создала возможность и необходимость перехода к новой экономической политике. Запоздание было бы губительным. Кронштадт и сигнализировал эту необходимость. Говоря о необходимости перехода, мы ни в коем случае не становимся на позицию фатализма. Противоречия военного коммунизма могли бы быть разрешены и иначе. Но это разрешение было бы не наше разрешение. Возможна была бы попытка другой политики, можно было бы пытаться запретить, запереть совершенно всякое развитие частного, негосударственного обмена, т. е. торговли, т. е. капитализма, неизбежное при существовании миллионов мелких производителей”⁵.

² Ленин, т. XVI, с. 351.

³ Ленин, XVIII, ч. 1, с. 198.

⁴ Я не рассматриваю здесь и других факторов, которые также влияли на сжатие производственной базы. М. К.

⁵ Ленин, т. XVIII, с. 198.

⁶ Ленин, т. XVIII, с. 199—М. Е).

„Но такая политика была бы самоубийством, ибо партии, пробающие такую политику, терпят неминуемо крах“⁷.

Ряд коммунистов стоял на позиции необходимости такой политики. „Нечего греха таить, кое-кто из коммунистов „помышлением, словом и делом“ грешил, впадая именно в такую политику“⁸. Путь предлагаемый „кое-кем из коммунистов“, привел бы к реставрации капитализма, т. е. к ликвидации экономики переходного периода, т. е. к фактическому срыву революционной перестройки. Революционная перестройка имеет свою железную логику, которая жестоко мстит отклоняющимся от нее. Эта железная логика получает свое выражение в железной воле коммунистической партии, которая сама является концентрированной волей рабочего класса, стоящего у власти.

„Наша сила—полная ясность и трезвость учета всех наличных классовых величин и русских и международных, а затем и проистекающая отсюда железная энергия, твердость, решительность и беззаветность борьбы“⁹.

Переход к нэпу был разрешением противоречий военного коммунизма, единственно возможным, единственно „отвечающей хозяйственным задачам пролетариата политикой“¹⁰. Но нэп конечно не устранил основного противоречия нашей экономики, вытекающего преобладания мелкотоварного хозяйства. Задача такого устранения вытекала из сущности экономики переходного периода. Длительный процесс устранения этого противоречия мог совершаться только на рельсах нэпа. В эпоху военного коммунизма вследствие устранения рыночных отношений была разорвана связь между миллионами мелких частных хозяйств. Экономическая связь между городом и деревней шла по линии вынужденного обобществления распределения. С переходом к нэпу рыночная связь была восстановлена, был восстановлен товарооборот. Важнейшей задачей в этот период было восстановление торговли товарооборота. „Самое важное однако—это торговля, именно товарный оборот, который нам необходим“¹¹. Восстановление товарооборота властно диктовалось необходимостью поднятия производительных сил деревни, без чего невозможно было восстановление производительных сил города, восстановление промышленности, транспорта и т. д., улучшение положения рабочих. „Начать надо с крестьянства: кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигание крестьян на первое место „отречение или подобие отречения от диктатуры пролетариата, тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразы“¹². Восстановление товарооборота, торговли было восстановлением стихийных отношений. Но было бы совершенно неверно рассматривать период нэпа как период ничем не ограниченной, никем не регулируемой свободы торговли. Такой „нэп“ ничего общего не имел бы с экономикой переходного периода. Освобожден-

⁷ Ленин, т. XVIII, ч. I, с. 200.

⁸ Там же.

⁹ Ленин, т. XVIII, с. 214.

¹⁰ Ленин, т. XVIII, ч. 2, с. 85.

¹¹ Ленин, т. XVIII, ч. I, с. 197.

¹² Конечно, ни в коем случае из этого не следует, что нэп диктовался исключительно специфическими нашими условиями. Нэп с некоторыми специфическими особенностями неизбежен и в других странах, как это подчеркивает и программа Коминтерна, ибо сохранение на известный период рыночных отношений неизбежно и в других странах.

ные силы стихии уничтожили бы нас, смели бы диктатуру пролетариата. Такая политика была бы также „политикой самоубийства“ для партии диктатуры пролетариата.

„Когда мы вводили нэп в 1921 г., мы направляли тогда его острие против военного коммунизма, против такого режима и порядков, которые исключают какую бы то ни было свободу торговли. Мы считали и считаем, что нэп означает известную свободу торговли. Эту сторону дела т. Бухарин запомнил. И это очень хорошо. Но т. Бухарин ошибается, полагая, что эта сторона дела исчерпывает нэп. Тов. Бухарин забывает, что нэп имеет еще другую сторону. Дело в том, что нэп вовсе не означает полной свободы торговли, свободной игры цен на рынке. Нэп есть свобода торговли в известных пределах, в известных рамках при обеспечении регулирующей роли государства и его роли на рынке. В этом именно и состоит вторая задача нэпа. Причем эта сторона нэпа не менее, если не более, важна, чем первая его сторона¹³“.

Но конечно совершенно ясно, что мы в различных периодах имели различную степень развертывания стихии; различную степень овладения ею, ее ограничения. XI партийный съезд подчеркивал необходимость развертывания товарооборота, в том числе и частного.

Но уже на XII партийном съезде отмечается чрезмерное развертывание частного товарооборота.

В 1923 г. мы сталкиваемся с кризисом сбыта. Процесс охвата, процесс регулирования товарооборота нарастает постепенно. Изменяются пределы, рамки свободы торговли. Вехи этих изменений отмечены целым рядом постановлений, решений наших партийных съездов, конференций, пленумов (XIII партконференция, XIII партсъезд, XVI партконференция и т. д.). . . Нарастание процесса охвата, процесса регулирования получает свое выражение в изменении удельного веса частного сектора, который особенно был силен в различном товарообороте.

Удельный вес частного сектора в розничном товарообороте.¹⁴

1923/24	58,6
1924/25	44,3
1925/26	38,9
1926/27	32,6

Мы имеем дело с плановым нарастанием плановости. Уже из этого одного следует, насколько неверна трактовка нэпа, как отступления, не говоря уже о том, что Ленин, как мы уже указывали, называл нэп единственно правильной политикой, отвечающей хозяйственным интересам пролетариата. Нарастание плановости показывает, что мы достаточно крепко ухватились за то звено, за которое Ленин советовал на определенном этапе всеми силами ухватиться нам, пролетарско-государственной власти, нам руководящей коммунистической партии («О значении золота теперь и после полной победы социализма»).

И мы с полным основанием можем сказать, что «у нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталисти-

¹³ Сталин, О правом уклоне в ВКП(б).

¹⁴ Контрольные цифры народного хозяйства СССР за 1926/27 и 1927/28 г.г.

ческих странах. Мы определяем цены на хлеб в основном. Мы определяем цены и на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства. Разве не ясно, что таких особых и специфических порядков на рынке не бывает вообще в капиталистических странах?»¹⁵. Это показывает, что мы „достаточно крепко ухватились“ за это звено. Ухватившись за это звено мы восстановили производительные силы с. х., и не только восстановили, но и приступили к реконструированию социалистической промышленности и к дальнейшему мощному развертыванию ее.

Основное противоречие, о котором мы говорили выше, противоречие, связанное с преобладанием мелкого товарного хозяйства, получает выражение, соответствующее этому этапу социалистической перестройки. Наше хозяйство развивается на двух разных основах, на самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкого хозяйства“ (Сталин). И это противоречие, противоречие между обобщественной промышленностью и частным мелко-товарным характером с.х. получает свое выражение во всех областях экономики. В товарообороте оно, напр., получает отражение в виде противоречия между процессом обобществления оборота товаров и частным характером его производства. (это относится, конечно, главным образом, к сельскому хозяйству). И это противоречие не могло конечно не получить своего внешнего выражения. Основную массу хлеба напр. мы получали из частного сектора, в том числе и от кулацкой части деревни. Классово-враждебная нам часть деревни не могла конечно не реагировать на все углубляющийся процесс ограничения и вытеснения капиталистических отношений. Классовая борьба обострялась. Особенно острые формы она приняла в реконструктивный период. Кулак, укрепив свою «производственную базу, объявил хлебную забастовку, пытаясь сорвать хлебозаготовки и нашу политику и тем самым нанести удар по одному из самых важных жизненных центров нашего хозяйства. Чрезвычайными мерами в хлебозаготовках, опираясь на бедноту и в союзе с середняком, партия отбила этот удар и выиграла сражение на фронте хлебозаготовок. В ходе этой борьбы нам удалось добиться изоляции кулака, удалось хлебозаготовки истекшего года провести в гораздо более короткие сроки, опираясь на активность и помощь бедняка и середняка, на их организованное содействие хлебозаготовкам»¹⁶.

Но так или иначе, это противоречие, не могло не сказываться отрицательно на развитии нашей экономики. Новый этап нэпа является этапом разрешения этого противоречия, широким процессом обобществления сферы производства в сельском хозяйстве (в промышленности этот процесс охватил преобладающую часть ее, частное производство играет незначительную роль). Таким образом переход к новому этапу явился экономически необходимым, обусловливался железной логикой социалистической перестройки нашего хозяйства. Нарастание необходимости этого перехода проявлялось в целом ряде явлений в нашей экономике, например заминками в хлебозаготовках в 1927/1928 г. и т. д.¹⁷.

¹⁵ Сталин, О правем уклоне в ВКП (б).

¹⁶ „Большевик“ № 7—8, 1930, передовая.

¹⁷ Сталин. К вопросу аграрной политики.

Передовая «Большевика» совершенно правильно отмечает: «Грубейшей ошибкой или попыткой сознательного искажения всей прошлой перспективы нашего движения, линии партии и ее работы являются утверждения, будто это колхозное движение свалилось нам, как снег на голову, нежданно не гаданно вынырнуло из-за угла на крутом повороте истории. Так дело представляется только оппортунистам, которые не верили в силу колхозов и совхозов, считали, что генеральная линия развития деревни в советской стране пролегает мимо колхозов и совхозов, которые больше полагались на развитие индивидуального хозяйства и развязывание капиталистических отношений. Наша партия подготовляла это движение весь предшествующий период».

То же самое относится не только к колхозному движению, но и к процессу реконструкции и к проблеме «кто-кого?» и т. д.

Точно так же является ошибочным сужение значения тех процессов, которые совершаются в нашей экономике, отрыв одних процессов от других: напр. рассматривание процессов, которые совершаются в среде товарооборота, вне связи с теми процессами, которые совершаются в сфере производства. Развертывание товарооборота в первом этапе нэпа являлось и причиной, и следствием развертывания производства. Точно также и процесс обобществления сельского хозяйства, процесс сплошной коллективизации, который является характерным для нового этапа нэпа, не может не получить многообразного отражения во всей нашей экономике. На новом этапе нэпа по-новому ставятся все проблемы нашей экономики.

«По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о классах, о колхозах, об экономике переходного периода»¹⁸.

Мы уже говорили, что переход к новому этапу нэпа диктовался необходимостью, процессом перестройки нашей экономики. Основное противоречие между процессом социалистической перестройки хозяйства и наличием преобладания мелкого товарного хозяйства на предыдущем этапе нэпа вылилось в противоречии между процессом обобществления товарооборота и сохранением частного мелкого товарного хозяйства¹⁹. Развертывание нашего строительства необходимо требовало перехода к широкому обобществлению сельского хозяйства. В нашей экономике уже имелся ряд предпосылок, необходимых для такого перехода: широкий процесс индустриализации, реконструкции промышленности, процесс кооперирования крестьянства, регулирование цен, тяга середняцко-бедняцких масс в колхозы и т. д. Вот почему зиновьевско-троцкистская оппозиция, толкавшая на немедленное наступление на кулачество в 1927 г., не учитывая необходимости известных предпосылок для этого, была неправа. Она толкала партию на авантюру. «Партия не пошла на эту опасную авантюру, ибо она знала, что серьезные люди не могут позволить себе игру в наступление. Наступление на кулачество есть серьезное дело»²⁰. В 1929 г. необходимые предпосылки были.

Переход к сплошной коллективизации властно диктовался темпами нашей экономики. Мощному темпу перестройки нашей промышлен-

¹⁸ Сталин, К вопросам аграрной политики.

¹⁹ Конечно, этим не ограничивался процесс обобществления на этом этапе. Кроме того, конечно, указанное основное противоречие получало и другие выражения в нашей экономике.

²⁰ Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР.

ности не корреспондирует существование мелкотоварного крестьянского хозяйства. Это несоответствие, в котором получает выражение на данном этапе основное противоречие нашей экономики, о котором мы говорили, должно в конце концов сильно ударить по социалистическому строительству и даже сделать его невозможным в условиях сохранения этого несоответствия.

«Можно ли в продолжение более или менее долгого периода времени базировать советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах—на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-либо должно кончиться полным развалом всего народного хозяйства»²¹.

Мелкотоварное хозяйство имеет чрезвычайно узкие границы развития. Производственные отношения простого товарного хозяйства не могут служить формой развития производительных сил (во всяком случае границы этого развития являются чрезвычайно узкими), не перерастая в условиях стихийного развития экономики в капиталистические производственные отношения. Ограничение возможности капиталистического развития без создания другого пути развития является ограничением развития производительных сил. Таким другим путем гораздо более мощного развития производительных сил является путь социалистического развития. «Мы стоим за этот второй путь. Либо один путь, либо другой. Либо назад к капитализму, либо вперед к социализму. Никакого третьего пути развития и не может быть».

Мы поставили преграды для капиталистического развития сельского хозяйства. При этих условиях и при условиях наличия огромных темпов развития промышленности мы имеем дело с большим разрывом между двумя частями нашей экономики, что при длительном существовании этого разрыва должно было бы «кончиться полным развалом всего народного хозяйства». Совершенно ясно, что и все наши темпы социалистического строительства были бы сорваны этим разрывом. Таким образом переход к новому этапу, характеризующемуся широкой коллективизацией сельского хозяйства, необходимо вытекал из всего процесса социалистической перестройки нашего хозяйства²². И этот поворот был сделан под руководством коммунистической партии. Это не значит, что не было другого пути развертывания производительных сил сельского хозяйства. Был другой путь, путь стихийного развития, путь «самотека». Но этот путь, на который нас толкали наши «друзья» справа, был бы путем капиталистического развития и в конечном счете мог превратиться в путь срыва социалистического строительства. Из логики социалистического строительства вытекал только один путь—это путь коренной перестройки сельского хозяйства, «состоящий в насаждении колхозов и совхозов» в сельском хозяйстве²³.

Новый этап нэпа по-новому ставит теперь вопрос о нэпе, о классах и т. д.

Процесс сплошной коллективизации, процесс превращения мелкого товарного хозяйства в коллективные крупные хозяйства есть в то же время процесс не только разрешения, но и процесс ликви-

²⁰ Сталин, К вопросам аграрной политики.

²¹ Там же.

²² Сталин.

дации основного противоречия между социалистическим строительством и преобладанием мелкого товарного хозяйства, процесс выкорчевывания корней капитализма, выкорчевывания корней стихийных закономерностей, которые и на этом этапе еще продолжают существовать.

По-новому ставится и проблема классов. Если на предыдущем этапе нэпа наша политика была политикой ограничения «эксплуататорских тенденций кулачества»²⁴, то на новом этапе нэпа процесс сплошной коллективизации есть в то же время и процесс ликвидации кулачества как класса. Процесс коллективизации в районах сплошной коллективизации необходимо включает в себя и процесс раскулачивания; процесс ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации происходит не только потому, что мы имеем дело в районах сплошной коллективизации с прямым раскулачиванием, но и потому (и это является не менее важным), что уничтожается мелкое товарное хозяйство, являющееся питательной базой капиталистических отношений, порождавшее «ежеминутно, ежедневно» капитализм. Совершенно ясно, что борьба кулачества против коллективизации есть борьба за существование кулачества как класса. Поэтому совершенно ясно, что процесс сплошной коллективизации должен был вызвать обострение классовой борьбы в деревне.

Мы не говорим о «сплошной» коллективизации и об обобществлении на неделю, которая происходила в Московском районе и других аналогичных районах, ибо мы там не имели дела ни с процессом сплошной коллективизации, ни с процессом обобществления, как ошибочно часто называли и называют процесс загоняния в колхозы и отбирания коров, лошадей и даже кур.

Мы имели дело в недавнем прошлом с решительной сплошной коллективизацией в 24 часа и с решительным обобществлением. Невольно вспоминаются слова Ленина по адресу «левых коммунистов» по поводу решительного обобществления. «Милые» «левые коммунисты», как много у них решительности... и как мало размышления! Что это значит: «Самое решительное обобществление»?

«Можно быть решительным или нерешительным в вопросе о национализации, о конфискации, но в том-то и гвоздь, что недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода от национализации и конфискации к обобществлению. В том-то и беда наших «левых», что они этим самым наивным ребяческим сочетанием слов: «Самое решительное обобществление» обнаруживают полное непонимание ими гвоздя вопроса, гвоздя «текущего» момента. В том-то и злоключение «левых», что они и не заметили самой сути «текущего момента» перехода от конфискаций (при проведении коих главным качеством политики является решительность) к обобществлению (для проведения коего требуется от революционера иное качество). Вчера гвоздем текущего момента было то, чтобы как можно решительнее национализировать, конфисковать, бить и добывать буржуазию, ломать саботаж. Сегодня только слепые не видят, что мы больше нанационализировали, конфисковали, набили и наломали, чем успели подсчитать. А обобществление тем как раз и отличается от простой конфискации, что конфисковать можно с одной «решительностью» без умения правильно учесть и правильно распределить, обобществлять же без такого умения нельзя». (Ленин). Мы ни в коем случае не думаем отож-

²⁴ Сталин.

дествлять тех процессов, которые происходили в период, о котором говорит Ленин, с процессами, которые происходили в настоящее время. Мы хотим только подчеркнуть, что и в случае перегибов в настоящем «решительное обобществление» не было действительным обобществлением.

Процесс отлива из колхозов, антиколхозное движение в ряде районов и даже контрреволюционные выступления под давлением кулачества были результатом этой «решительности».

Под руководством партии были исправлены и исправляются отрицательные результаты этой лжесплошной коллективизации и лже-обобществления.

Процесс действительной сплошной коллективизации, процесс перестройки мелкотоварного хозяйства, который является процессом разрешения и уничтожения основного противоречия нашей экономики, вытекающего из наличия преобладания мелкотоварного хозяйства, этот процесс охватил значительную часть сельского хозяйства: на 1 мая 1930 г. процесс коллективизации зернового хозяйства в производящих областях охватил 40—50% всех крестьянских хозяйств.

Таким образом идет процесс уничтожения одного из самых крупных препятствий нашего поступательного движения к социализму.

Переход к новому этапу нэпа и значительные достижения на этом этапе в деле социалистического строительства говорят о правильности взятой линии, еще раз подтверждают, что новый этап нэпа не авантюра, а необходимый этап социалистического строительства, этап, без которого дальнейшее социалистическое строительство было бы невозможным. Вопреки пророчествам наших врагов и «заклинаниям» наших «друзей» справа и слева наш корабль держит твердый путь к социализму. На капитанском мостике опытный, закаленный в боях капитан—Коммунистическая партия.

НЕЗАТУХАЮЩИЕ ТЕМПЫ

1. ПРОБЛЕМА

Мы стоим лицом к лицу с проблемой сводной характеристики происходящего бурного развития страны. Мы стоим, следовательно, лицом к лицу с проблемой нахождения таких количественных показателей, которые дали бы в сжатом, сконцентрированном виде насыщенную характеристику того, что происходит.

Статистика как государственная, так и ведомственная, и особенно так называемая конъюнктурная, дает нам бесчисленное количество всяческих показателей, каждый из которых по-своему говорит о происходящем процессе. И все же яркого, выпуклого, четкого количественного оформления качественного перелома мы не видим в этой гряде показателей, из которых каждый в отдельности нужен или полезен тому или иному ведомственному работнику, но которые в сумме своей являются все-таки набором показателей—не больше. И нет-нет, да и вспомнишь, проглядывая все эти страницы конъюнктурных показателей, то, что Владимир Ильич писал о пензенских статистиках, — какой они огромный труд убили, сколько они цифр насобирали и какая все-таки слабая ценность их работы.

Конечно, как бы ни нужны были отдельные конкретные из этих показателей для отдельных конкретных оперативных работ, перед нами все же стоит проблема — нарисовать обобщающую кривую происходящего процесса, иметь суждение о темпе развития, выраженного в полноценных экономических показателях. Нередко берут у нас в качестве такого полновесного экономического показателя в области развития индустрии так называемую валовую продукцию и рисуют кривую ее развития. Конечно и сам рост объема продукции говорит довольно многое. Особо важно было наблюдать рост этого объема в восстановительный период. И все же объемный показатель, это — показатель на поверхности: он не раскрывает сущности происходящего процесса, не позволяет взглянуть в него с достаточной глубиной, ибо в период реконструкции недостаточно знать, сколько произведено, а надо еще знать, ценой каких трудовых затрат произведено, как росла, каким темпом поднималась или опускалась кривая производительности труда и в связи с какими факторами, могущими влиять на производительность труда, двигалась эта кривая.

Из множества всяких показателей, характеризующих темпы роста промышленного производства в период его реконструкции, наиболее важны те, которые характеризуют эффективность промышленного труда

и производительную силу его. Следовательно, если мы хотим осмыслить пройденный этап, если мы хотим получить наиболее общее выражение самых важных перемен и при этом, как выражается Ленин, „не разменять целостной экономической картины на мелочи“, — мы должны проверить темпы роста производительности труда и установить связь этих темпов с темпами изменения важнейших факторов, влияющих на производительность труда; должны получить такую кривую; которая, абстрагируясь от всевозможных случайных отклонений, неизбежных в конкретной действительности, с ее многогранными переплетениями „единства действительного и возможного“ (Гегель), — показала бы нам пути необходимого развития.

Хорошая статистическая кривая, если она схватывает существо дела, похожа на полет на аэроплане: по ней поднимаешься над тысячами частных и деталей, над миллионами отдельных единиц и фактов и начинаешь видеть жизненные совокупности в их целостном и вместе с тем реальном выражении. Получив такие кривые, мы сможем сказать что-нибудь вполне конкретное о природе переживаемого превращения.

2. ГИПОТЕЗА

Но как получить эту кривую? Как увидеть желанный лес из-за бесчисленного количества статистических деревьев, всех этих твердых, суковатых статистических стволов, которые являются главнейшей продукцией нашей госстатистики и из-за которых советскому гражданину все-таки так хочется увидеть и понять пройденный путь и возможности будущего строительства? И каков должен быть этот путь? Можем ли мы наперед сказать, какова должна быть природа кривой, отдельные точки которой надо получить и вычертить? Есть ли в нашей теоретической экономике что-нибудь, предсказывающее характер развития производительности труда?

В первой части III тома „Капитала“, в XV главе, трактующей „развитие внутренних противоречий закона тенденции нормы прибыли к понижению“, Маркс говорит: „Уменьшение общего количества труда, входящего в товар, казалось бы, должно служить существенным признаком повышения производительной силы труда, при каких бы общественных условиях ни совершалось производство. В обществе, в котором производитель регулирует свое производство согласно заранее составленному плану, и даже при простом товарном производстве производительность труда безусловно измерялась бы этим масштабом“. Но как обстоит дело при капиталистическом производстве?

Анализируя далее внутренние противоречия капиталистического общества, которое самый рост производительной силы труда воспринимает лишь с точки зрения нормы прибыли, Маркс говорит: „Таким образом, для капитала закон повышающейся производительной силы труда имеет не безусловное значение. Для капитала эта производительная сила повышается не тогда, когда этим вообще сберегается живой труд, но лишь в том случае, если на оплачиваемой части живого труда сберегается больше, чем прибавится прошлого труда, как это вкратце было уже упомянуто в книге I, гл. XIII. В этом случае капиталистический способ производства впадает в новое противоречие. Его историческое призвание — безудержное, подгоняемое вперед в геометрической прогрессии, развитие производительности чело-

веческого труда. Он изменяет этому призванию, поскольку он, как в настоящем случае, препятствует развитию производительности. Этим он только снова доказывает, что он дряхлеет и все более переживает себя'.

Это место Маркса дает нам право построить гипотезу. Историческая миссия капитала, сменяющего феодализм, это—развитие производительности человеческого труда в геометрической прогрессии; но эта его объективно-положительная в смысле роста производительных сил миссия впадает в процессе его развития во внутренние противоречия, ибо субъективно для капиталиста целью является не рост производительной силы труда, а повышение нормы прибыли. Сложные взаимоотношения этих противоречивых стимулов приводят к отрицанию исторической миссии капитала, к периодическим кризисам его и наконец к одряхлению. Тогда наступает отрицание отрицания, одряхлевший капитализм „снимается“, и на смену ему приходит плановое начало. И тогда открываются новые возможности стройному росту производительности труда в геометрической прогрессии, и впервые отчетливо выявляется реальный рост производительности труда, выражающийся в незатухающей кривой, которая приближается к геометрической прогрессии. Такова гипотеза, предполагающая то, что должно быть.

С какого однако периода может начаться геометрический рост производительности труда, обусловливаемый соответствующим ростом производительной силы труда.

Очевидно, что мы имеем возможность наблюдать такой рост по завершении восстановительного периода, с началом реконструктивного. Конкретно этот рост начался в наших условиях в 1925 г. с первыми капитальными вложениями, в первый период фиксирования общественного внимания на вопросах производительности труда. Еще в 1924 г. вопрос был поднят покойным т. Дзержинским, живо обсуждался на страницах текущей прессы и на специальном съезде статистиков в декабре 1924 г. Разные статистические инстанции принялись тогда за изучение производительности труда, но немногие сумели справиться с материалом, немногие сумели подчинить его обработку научной гипотезе и получить вразумительный материал.

Демонстрируемая нами в конце статьи пятилетняя кривая роста производительности труда берет своей исходной точкой 1924/25 г. Точку эту можно по справедливости назвать точкой т. Дзержинского, поставленной им на грани двух эпох: восстановительный период приходил в этот момент к своему завершению, реконструктивный—начинался. Быть может в дальнейшем, когда облик реконструктивного периода обозначится ярче, можно будет наметить новую начальную точку второй фазы периода реконструкции. Однако в настоящее время проверку нашей гипотезы лучше начать с 1924/25 г. и закончить 1928/29 г., так как этот пятилетний отрезок был первой фазой реконструкции, первым ее решительным шагом вперед и постольку представляет удачный период для проверки гипотезы.

Конечно со статистико-технической точки зрения можно много и долго говорить о выгодах и преимуществах или, наоборот, недостатках того или иного момента как базы сравнения, как отправной точки. Но статистики—народ педантичный, и для них часто узко технические соображения кажутся более значимыми, чем они являются на самом деле. Может быть знание всех секретов техники ремесла

лишает их необходимой смелости для того, чтобы при использовании материала отбросить в сторону соображения второстепенного порядка, а может быть педантизм—необходимое свойство их профессии. Но... предоставим им спорить о „базовой точке“ и используем точку т. Дзержинского как исторически данную точку, которая дает нам возможность взглянуть на пятилетний кривую роста производительности труда в ее общем выражении, указывающем на тенденцию развития.

В какой мере реальная тенденция развития подтверждает нашу гипотезу? Дает ли истекший пятилетний период право на утверждение, что мы растем в геометрическом темпе? С этим вопросом попытаемся подойти к соответственно обработанному статистическому материалу.

3. МЕТОД¹

Обработка статистического материала о производительности труда и ее факторах представляет собой крайне сложную задачу. Мы не собираемся в настоящей статье заниматься изложением методологии и техники статистических подсчетов, которые имели при этом место или могут вообще иметь место. Мы собираемся остановиться лишь на нескольких крупнейших узловых вопросах этой обработки, представляющих интерес для экономиста.

Прежде всего—вопрос о способе выражения производительности труда. Недоверие к ценовым измерителям, естественное в наших условиях, так сказать самокритика в этой области, началось у нас уже некоторое время назад, и все же эти ценовые измерители упорно держатся еще у нас не только для объемных показателей, как валовая продукция и т. д., но даже и для таких показателей, как производительность труда.

Конечно если не мудрствовать лукаво, не иметь пристрастия к критике и не оглядываться на политическую экономию Маркса, то почему бы и не пользоваться таким простейшим из простейших способом—разделить стоимость реализованной продукции на число рабочих данной отрасли производства или данной фабрики, или данного цеха ... и—готов показател. Фетишизм рынка еще так силен у нас, и в особенности был силен несколько лет тому назад, что всякая попытка критики ценовых показателей встречалась специалистами сего дела весьма недружелюбно: вот, мол, пришли какие-то марксисты, мудрят с какими-то там теориями, а мы люди деловые и работодатели наши тоже люди деловые, нам мудрить некогда и поэтому, не мудрствуя лукаво, мы пользуемся бессмертным ценовым показателем. Мы не беремся здесь установить, какой именно стимул был сильнейшим: фетишизм рынка и веры в бессмертие ценовых отношений или просто неумение справиться с иными, более сложными методами. Но факт оставался фактом: первые попытки оперировать натуральными показателями, а не ценовыми, были встречены не слишком дружелюбно.

Однако марксисты настаивали на своем, исходили из представления о том, что рост производительности труда, приводя к сокращению рабочего времени, затрачиваемого на производство, тем самым понижает ценность и себестоимость его и что, следовательно производительность труда, всегда дает более быстрый темп при рас-

¹ Редакция считает необходимым отметить, что методология измерения производительности труда, является в настоящий момент предметом обсуждения среди экономистов и хозяйственников СССР.

смотрении выработки в натуральных единицах, чем в ее стоимостной форме.

Чтобы отпарировать этот аргумент, выдвинута была идея неподвижных цен. Сначала спасителем фетишизма рынка являлись пресловутые довоенные цены, а потом, когда наше развитие переросло за довоенные пределы, когда стало уже неловко ссылаться на 1913 г., на сцену явились твердые цены 1926/27 г. Как долго они проживут — неизвестно. Но очевидно одно, что для ряда практических целей они может быть и пригодны, но для построения динамической кривой производительности труда нужно конечно искать опять — таки более точного измерителя, застрахованного от всевозможных рыночных колебаний и влияний. Тем более, что очень элементарный алгебраический анализ состава так называемой валовой продукции сразу устанавливает тот факт, что, будучи суммой трех слагаемых, она может расти за счет любого из них.

Валовая продукция, или реализуемая цена произведенных продуктов, состоит из стоимости затраченных средств производства (средств труда, сырья, топлива и т. д.), заработной платы и прибыли. Если растет первое слагаемое и в равной мере возрастает валовая продукция, то очевидно мы имеем дело с повышением производительности труда. Если же валовая продукция растет за счет второго слагаемого, т. е. заработной платы, то мы имеем дело с изменившейся политикой заработной платы, а вовсе не с повышением производительности труда.

Таким образом измерение производительности труда в динамическом разрезе через так называемую валовую продукцию на одного рабочего есть совершенный образец изучения явлений на поверхности, так сказать, проникновение мышления вульгарной экономики в сферу экономической статистики. Конечно при отсутствии иных данных приходится пользоваться этим измерителем, несмотря ни на какие теоретические соображения, но нельзя, по немецкой поговорке, делать из нужды добродетель.

При нединамических сравнениях, при сравнениях выработки на одного рабочего в один и тот же момент в одной и той же отрасли промышленности, но при разных технико-экономических условиях труда, валовой продукцией можно пользоваться. Но это возможно только в статическом сравнении, так как все недостатки валовой продукции как измерителя производительности труда становятся очевидны лишь при построении временного ряда. Однако и в первом случае мы встречаемся с обстоятельством, осложняющим вопрос. Дело в том, что метод выведения валовой продукции, принятый и установленный несколько лет тому назад и все еще ради сравнимости применяемый в нашей промышленной статистике, игнорирует разницу в строении предприятий. Это приводит к тому, что для сложного и комбинированного промышленного предприятия валовая продукция, являясь стоимостью реализованного товара, исключает повторение стоимости материалов, передаваемых из цеха в цех, тогда как в мелких или специализированных предприятиях выпускаемый на рынок полупродукт фигурирует в качестве реализованного продукта. Таким образом суммарная продукция группы мелких заведений может оказаться большей, чем продукция комбината, объединяющего в своих цехах аналогичные предприятия ².

² См. об этом вып. IV изданной ЦСУ СССР серии „Фабр.-зав. промышленность СССР“, с. 19.

Здесь не место останавливаться на всех экономических погрешностях пресловутой валовой продукции, принятой в качестве измерителя производительности труда нашими плановиками по инициативе статистиков еще в первый период планирования. Скажем только, что внимательный анализ этого понятия устанавливает следующий парадокс: рост комбинированности и концентрации производства приведет к относительно сокращению ценного выражения валовой продукции; темп ее роста неизбежно должен отставать только оттого, что сравнение последующих лет и предыдущих оперирует неодинаковыми категориями. Действительного роста объема производства валовая продукция дать не сможет. И наступит момент, когда все деляческие аргументы в защиту ее: удобство, сопоставимость и т. д. и т. п. потерпят фиаско. Делячество в данном случае есть другая форма товарного фетишизма, а он далеко еще не изжит.

Операторы статистической техники пытались внести в дело так называемую „чистую продукцию“, т. е. валовую продукцию за вычетом стоимости потраченных средств производства. Таким образом, получался как бы статистический суррогат экономического понятия вновь созданной стоимости. Чрезвычайно трудно понять, каким образом статистики, выдвигавшие ничтоже сумняшеся и продолжающие выдвигать этот способ измерения производительности труда, не могли заметить такой простой и очевидной вещи, как отсутствие в чистой продукции основного элемента, характеризующего производительность труда,—массы потраченных средств производства, т. е. переработанного рабочим сырья и использованных машин и двигателей, благодаря чему простой рост заработной платы и прибыли уже создавал иллюзию роста производительности труда. Как будто бы такой недостаток мог броситься в глаза даже самому неискущенному в экономике статистику.

Правда, более искушенные пытаются установить связь между размерами валовой продукции и чистой. Но, увы, они игнорируют другой экономический момент, а именно тот факт, что с ростом органического состава капитала доля средств производства в валовой продукции должна повышаться, а доля вновь созданной стоимости относительно падать, ибо количество труда, затрачиваемого на выработку каждой единицы продукта, падает, норма прибыли также имеет тенденцию к понижению, масса же переработанного рабочим сырья и потребленных средств производства—растет. Далее. Условия ценообразования и ценорегулирования создают между чистой продукцией каждой отдельной отрасли промышленности и вновь созданной стоимостью совершенно непроходимую пропасть. Но, увы, товарный фетишизм и привычка к поверхностным операциям цифрами заставляет немудрящих статистиков все еще возлагать какие-то надежды на пресловутую чистую продукцию даже в наших условиях регулирования зарплаты и прибыли³.

Попытка использовать натуральные показатели для измерения производительности труда казалась вначале весьма опасным предприятием. В самом деле, требовалось найти стандартные продукты, дать набор их, характеризующий целое, переводные коэффициенты на случай изменения качества продукта (например уплотнение ткани)

³ Подробно об этом см. статью т. Левик в книге „Динамика производительности труда за 4 года“, изд. ЦСУ СССР.

и т. д. и т. д., а затем найти способ соизмерить рост производительности труда, выраженный в натуральных единицах (например, метр суровья, килограмм чугуна и т. д.), на один рабочий час для различных производств.

Здесь не место останавливаться на технике этой сложной статистической работы⁴. Скажем только вкратце, что вначале удалось лишь наметить сравнимую стандартную продукцию для важнейших десяти отраслей обрабатывающей промышленности; в дальнейшем же, — для 18, включая добывающую. Но даже и первые десять отраслей промышленности по количеству рабочих и продукции охватывали достаточную часть союзной промышленности, чтобы ее представлять. Конечно, при увеличении числа отраслей, а также изменении набора обследуемых предприятий, общие тенденции более ярко сказываются и для отдельных сфер производства; для первоначального набора общие тенденции, наоборот, ясно видны лишь в отношении массы отраслей и предприятий. Но для того, чтобы получить кривые за пять лет, т. е. за достаточно большой для исследования отрезок, можно все же довольствоваться первым набором отраслей. Тем более что в данном случае речь идет не о результатах справочно-оперативного характера, а об изучении общих тенденций первой фазы реконструктивного периода. Для выявления этих общих тенденций, для соизмерения динамики производительности труда отдельных отраслей промышленности был применен метод индексных чисел, используемый статистикой всюду, где речь идет не об изучении абсолютных величин, а об изучении темпов изменения. Опять-таки не приходится здесь останавливаться на технике вычисления индексов⁵. Укажем лишь, что демонстрируемые далее кривые получены этим методом и применены как к динамике производительности труда, выраженной в натуральной продукции, так и к динамике производительности труда, выраженной в валовой продукции, и наконец к динамике заработной платы и некоторых факторов производительности труда.

Каковы эти факторы?

Конечно основным фактором роста производительности труда является рост тех условий, которые Маркс называл производительной силой труда. В порядке статистического приближения к изучению производительной силы труда мы можем в период реконструкции использовать либо данные о капитальных вложениях (работа о влиянии на производительность труда капитальных вложений уже ведется промышленной секцией экономико-статистического сектора Госплана), либо данные о росте вооруженности труда средствами труда, непосредственно материально измеренными. Причем здесь речь может идти о рабочих машинах или о двигательной мощности. Что касается первых, то четкое статистическое оформление роста механизации труда удается до сих пор лишь для некоторых отраслей промышленности (текстильная, каменноугольная). Это объясняется чрезвычайным многообразием рабочих машин не только в разных отраслях индустрии, но и внутри отдельной отрасли. Общую сравнимую единицу—

⁴ См. об этом в изданиях ЦСУ СССР: 1) „Динамика производительности труда за 1924—1926 гг.“ и 2) „Динамика производительности труда за 4 года 1924—1928 гг.“, вводные статьи.

⁵ Большинство кривых получено по методу 2-й производной, т. е. относительных из относительных. Годовые точки взяты как середина квартальных.

стандартный элемент машины удается установить далеко не всегда. Конечно если бы по каждой группе машин удалось найти такой сравнимый элемент и установить коэффициент механизации труда через рост отношения количества таких элементов, находившихся в действии, к количеству рабочих часов (например, число станко-часов на один рабочий час), то задача была бы сравнительно проста, ибо с помощью индексного метода можно было бы сопоставить темпы роста этих коэффициентов в отдельных отраслях промышленности, а также вывести их средний взвешенный темп. Однако вычисления эти представляют такие огромные трудности, (а может быть и требуют нового статистического „изобретательства“), что задача еще в целом не решена. Зато удалось решить другую проблему—проблему исчисления энерговооруженности труда и темпов роста ее.

Эта задача более проста, так как двигательная сила имеет совершенно точную, данную нам техникой, измерительную единицу—так наз. лошадиную силу, а затрата двигательной энергии—лошадиный силочас. После периода критики ошибок и технической безграмотности, которую обнаружил в этой области мировая и отечественная статистика прежних лет, советская статистика разрешила с помощью энерговедов проблему измерения энерговооруженности труда и ее темпа. Достижения советской статистики в этом направлении⁶ признаны не только у нас, но и на Западе, как например в Германии и Америке, где статистика наиболее хорошо поставлена. На предстоящую международную конференцию энерговедов приглашены представители советской статистики, и работа их на эту тему фигурирует в материалах конференции.

И в настоящей работе были приняты те же методы исчисления энерговооруженности труда, как отношения лошадино-сил-часов затраченной энергии к рабочим часам. Дальнейшее исчисление темпа роста показателей и получение индекса этого темпа для всей промышленности было уже делом сравнительно простым. Конечно рост энерговооруженности труда не идеально точно соответствует росту числа машин или элементов их, одновременно обслуживаемых рабочим.

Иначе говоря, затрачиваемая двигательная сила может повышаться в несколько меньшей пропорции, чем рост числа обслуживаемых машин, поскольку такой рост неизбежно вызывает концентрацию двигательной силы и более экономное использование ее. И все же в общем и целом одна кривая неизбежно следует за другой, так как рост числа машин, обслуживаемых одним рабочим, вызывает соответствующий рост затраты силы, приводящей их в движение. Поэтому для исследуемого отрезка времени, для которого мы уже имеем данные о темпах энерговооруженности по отдельным отраслям промышленности и в целом, мы используем кривую темпа роста энерговооруженности труда как важнейшего фактора повышения производительности его. Для этого отрезка времени менее ярко выступают факторы, влияющие на интенсивность труда, как-то: размер заработной платы, сдельщина и т. д. В последующий период факторами, сильно влияющими на интенсивность и организованность труда, явятся социалистическое соревнование, с одной стороны, и рационализация труда, определяющая собою его организованность,—с другой.

⁶ См. вып. II, III и IV серии „Фабр.-зав. промышленность СССР“.

Вопрос о статистическом учете этих факторов также чрезвычайно сложен и в настоящее время еще не разрешен окончательно.

IV. РЕЗУЛЬТАТЫ ⁷

Взглянем теперь на полученные результаты. Каков общий характер полученных для средних годовых величин кривых. Уже первый взгляд, брошенный на диаграмму № 1, обращает наше внимание на плавный рост производительности труда и на регулярный темп нарастания ее кривой. Общее движение этой кривой выражается следующими цифрами:

1924/25	1925/26	1926/27	1927/28	1928/29
100	110,3	119,7	131,8	152,9

Что при определении нарастаний или отношений каждого предыдущего года к последующему даст нам следующий ряд:

1	1,10	1,09	1,10	1,16
---	------	------	------	------

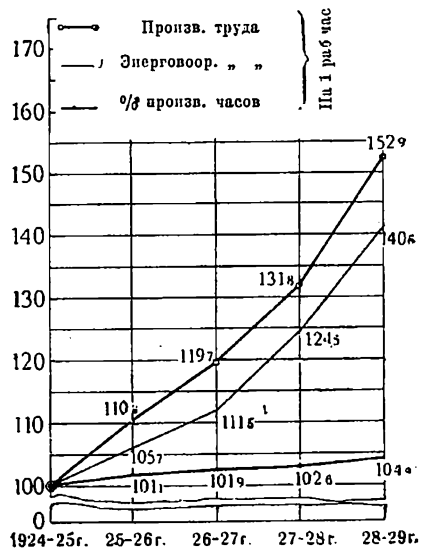
Как видим, все члены этого ряда приближаются к величине 1,1, иначе говоря, мы имеем тут дело с геометрической прогрессией

знаменатель которой $q = 1,1$

Итак, факт налицо. Взятое в наиболее обобщенном выражении движение производительности труда дает значительное приближение к движению геометрической прогрессии. Жертвуя арифметическим педантизмом, беря это движение в округленных цифрах, мы стоим лицом к лицу с явно выраженной тенденцией. Возможно, что последнее повышение прироста, 1,16, есть начало еще более ускоренного темпа новой геометрической прогрессии с более высоким коэффициентом, который будет вполне соответствовать росту интенсивности капиталовложений, процессу их освоения промышленностью и плановым заданиям. Для периода 1925—1929 гг. мы имеем геометрический рост и возрастающий, а не затухающий темп кривой. Затухающие темпы дают кривые совсем другого типа, как мы это увидим дальше.

Если мы взглянемся в другие кривые диаграммы № 1, то на первый взгляд и кривая энерговооруженности труда произведет впечатление прогрессивно-повышающегося роста. При ближайшем же рассмотрении увидим, что здесь на протяжении пяти лет мы имеем уже ускорение темпа, прироста, что впрочем ясно можно видеть и на чертеже В самом деле, энерговооруженность труда для той же группы отраслей про-

Диаграмма № 1

⁷ Все материалы для настоящей статьи были переданы автору т. М. И. Нурпой, руководительницей группы производительности труда в экономико-статистическом секторе Госплана.

мышленности, для которой мы вывели индексы производительности труда, дает следующий индексный ряд:

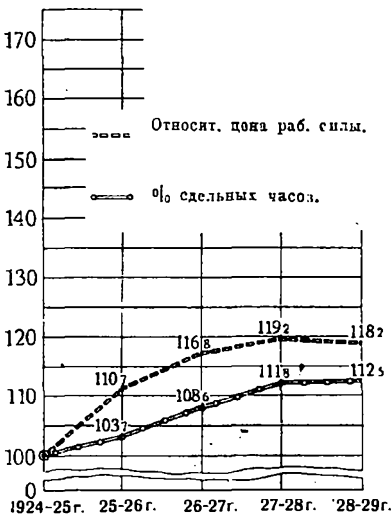
100, 105,7 111,5 124,5 140,6

Отношение же последующих членов этого ряда к предыдущим дает ряд:

1,0 1,06 1,06 1,12 1,12

Итак, в первые два года прирост выражается знаменателем: 1,06, а во вторые два—1,12. Любопытно, что этот рост темпа начинается как раз в 1928 г., т. е. в первый год запроектированного пятилетнего плана. Искусство планирования, как и теория планирования, находится у нас еще в начальной стадии развития. Изучение темпов идет у нас пока что совершенно эмпирически, отнюдь не всегда

Диаграмма № 2

опираясь на четкие, научные гипотезы. Однако в специальной исследовательской лаборатории следовало бы подвергнуть изучению характер темпов в связи с факторами реконструкции. Изучение это следует произвести не только в смысле закономерного ускорения или затухания темпов отдельных кривых, но и в смысле функциональной связи их между собою.

В рассматриваемой диаграмме функциональная связь между индексом производительности труда и индексом его энерговооруженности бросается в глаза. Очевидно, что рост энерговооруженности вызывает ускоряющийся рост производительности. Последний опережает рост энерговооруженности в порядке ускоряющейся функциональной зависимости. Эта функциональная зависимость экономически совершенно закономерна, как закономерен и быстрый

темп роста выработки, ибо рост технического состава капитала, символизируемый ростом энерговооруженности труда, обязательно вызывает ускоряющийся рост выработки на 1 рабочий час, но отнюдь не на 1 рубль вложенного капитала, хотя многие вульгарные экономисты, игнорируя Маркса, пытаются подойти к делу с этим измерителем.

Еще одна кривая, темп которой дает плавно повышающийся, не затухающий, хотя и не строго геометрический рост, это кривая роста процента производственных часов, т. е. отношения часов, проработанных производственными рабочими в строгом смысле слова, ко всем рабочим, включая тех, кто выполняет функции обслуживания. Эта кривая за пять лет дает плавный рост производственных часов, как бы отражая относительное сокращение функций обслуживания. Ряды, характеризующие ее рост, выражаются следующими цифрами:

100 101,5 101,9 102,6 104,4
1,0 1,02 1,00 1,01 1,02

Но два признака, дают за эти пять лет явно затухающие кривые, как это показывает диаграмма № 2. По диаграмме видно, что

период подъема этих кривых уже достиг своего апогея и наступает перемена, повидимому ведущая к затуханию. Каковы же эти две кривые? Первая из них символизирует темп изменения относительной цены рабочей силы, т. е. процентную долю заработной платы в стоимости валовой продукции. Как видно по диаграмме, в первые годы рассматриваемого отрезка времени эта кривая растет в соответствии с тем, что заработная плата росла в данный период в гораздо большей пропорции, чем валовая ценность выработки. И только в самый последний год рост этой кривой затухает, как показывают следующие два цифровых ряда:

100	110,7	115,8	119,2	118,2
1,0	1,11	1,06	1,02	0,99

Второй из этих двух рядов показывает, что приросты одного года к другому году идут все время в понижающемся темпе, т. е. в порядке четко наметившегося затухания. Причем в последние годы анализируемого периода это происходит уже в полном соответствии с уменьшающимся расхождением между ростом валовой продукции и ростом зарплаты.

Что касается до процента сделанных часов, то абсолютный рост его имеет место все время, как это видно на первом из двух рядов:

100	103,7	108,6	111,8	112,5
1,0	1,04	1,05	1,03	1,01

Второй же ряд показывает, что за последние два года коэффициент прироста уменьшается. Сдельщина уже перестает играть роль стимула интенсификации труда по мере разворачивания реконструкции и новых методов воздействия на трудящихся. В результате мы имеем не столь явно выраженное затухание, как в кривой относительной цены рабочей силы, но все же явственные признаки начала этого затухания.

Рассмотрим теперь отдельно кривые роста заработной платы и валовой продукции на один рабочий час (диаграмма № 3). Связь между ними бросается в глаза. До 1928 г. они расходятся правильными ножницами и, вопреки тогдашнему утверждению оппозиции, заработная плата идет далеко впереди производительности труда в обоих ее выражениях—натуральном и ценовом. Дальнейший рост их стоит повидимому в некоторой внутренней связи, судя по поворотным точкам. Любопытно также, что кривая натуральной выработки начинает в последние годы рассматриваемого отрезка приближаться к кривой заработной платы. Ножницы между обеими кривыми заметно сжимаются. На протяжении того же последнего 1928/29 г. валовая продукция несколько отстает от натуральной, что может объясняться и политической снижением цен. А о том, что валовая продукция зависит и от по-

Диаграмма № 3

литики зарплаты, явно свидетельствуют поворотные точки обеих кривых.

Если мы рассмотрим темпы роста валовой продукции на один рабочий час, то заметим, как это показывают два цифровых ряда до 1928/29 г., что здесь намечается затухание приростов и только последний год опять дает увеличенный прирост:

100	114,2	125,3	133,3	149,3
1,0	1,14	1,10	1,06	1,12

Что касается заработной платы, то и здесь мы имеем сначала дело с тенденцией затухания приростов, как это показывают числовые ряды:

100	125,1	141,5	154,6	171,5
1,0	1,25	1,13	1,09	1,11

И лишь самый последний 1928/29 г. дает подъем прироста.

В общем и целом эти две кривые—заработной платы и валовой продукции—не дают однородного характера роста и как бы отражают своими изгибами все пережитые трудности и колебания.

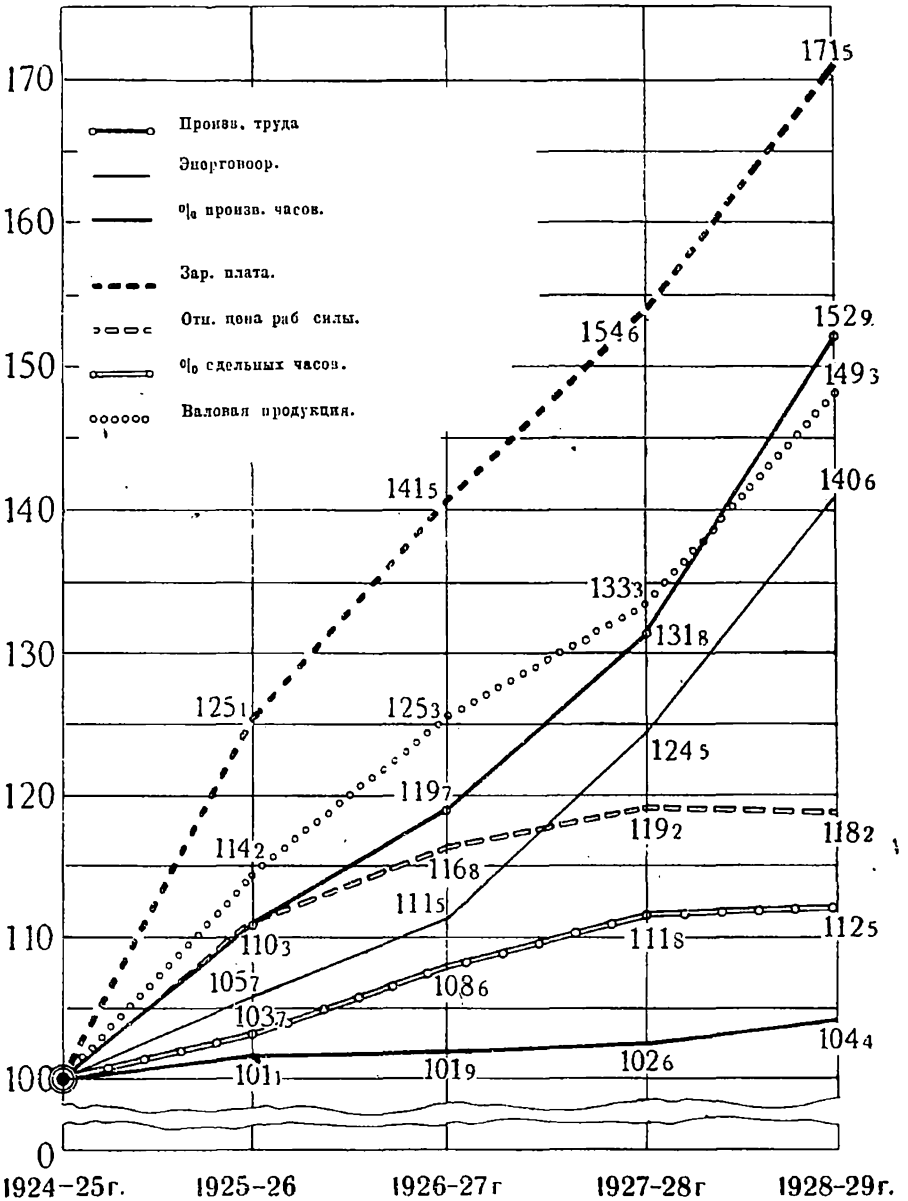
Резюмируем сказанное. Диаграмма № 4 дает общую картину движения всех кривых. Три кривые дают за истекший период ярко выраженный незатухающий темп роста: кривая производительности труда в натуральном выражении, кривая его энерговооруженности и кривая доли производственных часов. Но именно эти три кривые и являются наиболее яркими показателями интенсивности развития производительных сил, характеризующими первую фазу эпохи реконструкции. Две кривые дают затухающие темпы. Это—кривая относительной цены рабочей силы и кривая сдельщины. Затухание обеих является характерным для того же подъема производительных сил и характеризует его опять-таки с положительной стороны. И наконец две кривые имеют переменный характер—кривая заработной платы и валовой продукции, и обе отражают своеобразные условия пережитого периода.

Сформулированная гипотеза оказалась правильной. Если буржуазная революция дала по сравнению с феодальной эпохой геометрический рост производительности труда на основе новых методов производства, то внутренние противоречия капиталистического строя создавали и создают ограничение этому росту. Имманентные противоречия, свойственные хозяйству буржуазии, создают кризисообразный, колеблющийся темп роста производительности труда. В наших условиях революция, уничтожившая эти внутренние противоречия, создала предпосылки для геометрического роста производительности труда, являющейся наилучшим мериллом эффективности капитальных вложений.

И в наших условиях имеется тенденция к измерению этой эффективности прибылью или валовой продукцией на вложенный капитал. Но не говоря уже об экономической безграмотности этого подхода, такой метод измерения эффективности капиталовложений является и по существу глубоко реакционным, ибо может привести к выводам, аналогичным пресловутому „закону падающего плодородия“. Капиталист заботится о высоком проценте прибыли. Пролетариат, планирующий свое будущее на основе расширенного воспроизводства, измеряет рост своей производительной мощи ростом производительности своего труда.

Самые темпы роста или знаменатели прогрессии будут соответственно увеличиваться с развитием реконструкции. Но самая тенденция наметилась вполне четко уже в истекший период.

Диаграмма № 4

Динамика условий производства обрабатывающей промышленности с 1924/25 по 1928/29 г.

С. Михайлович

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ТЕОРИИ БЕСКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА

I

Резкое сокращение производства в основных индустриальных странах, небывалая по своим размерам безработица, необычайно стремительное падение оптовых цен на сырьевые и колониальные продукты, падение курсов акций, банкротства, сокращение эмиссии ценных бумаг,—таковы некоторые из тех явлений, которые быстро развернулись, начиная с последней четверти прошлого года, во всех мировых экономических центрах.

Теперешнее состояние мирового хозяйства можно характеризовать как кризисное со всеми вытекающими отсюда следствиями. И этот кризис все более расширяется: кризис в США втягивает в орбиту своего действия Латинскую Америку, Канаду и Тихоокеанские страны; тяжелая депрессия в Германии, центральной и восточной Европе настолько обострилась, что можно и должно говорить о кризисе и в этих странах; в странах западной и северной Европы (Франция, Бельгия, Голландия, Швейцария и Скандинавские страны), которые переживали в прошлом году полосу подъема конъюнктуры, наступил резкий перелом в сторону ухудшения; в странах с серебряной валютой (Китай, Индо-Китай и Индия) кризисное состояние вследствие падения цен на колониальные продукты еще обостряется обесценением серебра на 25%, что вызвало резкое сжатие покупательной способности всего населения этих стран. Кризис таким образом все сильнее охватывает своими тисками все мировое хозяйство.

Закончив свой восстановительный период после войны в основном в 1927 г., который был годом наибольшего подъема конъюнктуры, капитализм вступил в полосу интенсивной рационализации и расширения производства.

За два года, которые нас отделяют от „восстановительного периода капитализма“, основные противоречия его все более и более назревали, и они обнаруживаются с полной силой в развивающемся сейчас мировом кризисе. Основное противоречие между развитием производительных сил капитализма и ограниченной покупательной способностью широких масс, являющееся следствием этой системы

„производства на антагонистическом базисе распределения“, сейчас сказывается во всех странах с небывалой резкостью.

Картина кризиса (его объем и характер) несколько затушевывается тем фактом, что и в период подъема и высокой конъюнктуры в ряде стран (Германия, Австрия, Англия и др.) после войны мы наблюдаем некоторые моменты отрицательного порядка, свойственные обычно периодам депрессии. Огромная постоянная армия безработных (даже в кульминационные моменты кризиса до войны безработица никогда не стояла на таком высоком уровне, как после войны в периоды „расцвета“), острая борьба за рынки сбыта при расширенном и усовершенствованном производственном аппарате, который никогда не используется полностью (работая подчас с нагрузкой в 75 % и ниже), — таковы те признаки, которые делают высокую конъюнктуру весьма похожей на депрессию. Циклическое развитие конъюнктуры, переход высокой конъюнктуры в кризис и депрессию поэтому часто находят свое выражение только в усилении этих отрицательных тенденций.

Из состояния депрессии с незначительными подъемами конъюнктуры, в котором находилось мировое хозяйство за последние два года, оно перешло в состояние острого кризиса. Это развитие для нас не имеет ничего неожиданного. Еще в конце 1927 г., который был годом апогея капиталистической стабилизации (с 8 млн. безработных в индустриальных странах, что очень скромно для послевоенного капитализма), диспропорция в мировом хозяйстве между развитием тяжелой промышленности и легкой промышленности, отстававшей в своем развитии, указывала на неизбежность кризиса. Если, несмотря на усиленный темп рационализации, чрезвычайное повышение производительности труда и стабильную заработную плату, в 1927 г. в Германии и центральной Европе безработица уменьшалась, то это объясняется тем, что происходивший чрезвычайно интенсивный процесс переоборудования производства благоприятно отражался на развитии тяжелой промышленности. Вполне естественно было ожидать, что как только переоборудование будет закончено и новый производственный аппарат заработает с полной мощностью, он натолкнется на ограниченную емкость рынка, о которой свидетельствовало отстающее развитие легкой промышленности, более непосредственно связанной и отражающей платежеспособный спрос широких слоев населения. Этого следовало ожидать тем более, что рационализация, повышение производительности труда и интенсификации труда происходили в условиях стабильной заработной платы. По мере того, как заканчивалось переоборудование производства, рабочие, занятые при этом, выбрасывались из производства. Безработица поэтому уже в 1928 г. снова начала возрастать.

Сейчас в свете кризиса выступает со всей резкостью и становится очевидным это основное противоречие между расширившимся производственным аппаратом, выросшей производственной мощью и полным отсутствием новых рынков сбыта, поскольку внешние недостаточно расширялись, а внутренние показывали даже тенденцию к сокращению, так как покупательная способность основных слоев населения — рабочего класса и крестьянства (первого в итоге рационализации и безработицы, а второго — в итоге мирового аграрного кризиса) — не только не увеличивалась, но, наоборот, уменьшалась.

Капитализм, вопреки уверениям реформистов, не только не сумел обеспечить улучшения материального положения рабочего класса,

но, пользуясь безработицей и силой своих монополистических объединений, усилил нажим на рабочих, повышая интенсивность и изнурительность труда и снижая заработную плату.

Развитие экономического кризиса вызывает новый нажим на рабочий класс, а резкое падение цен и перепроизводство ряда колониальных продуктов обозначает разорение и нищету миллионов мелких производителей. Нищету, голод, безработицу и закабаление империалистами и туземными помещиками разоряющихся крестьян—вот что несет с собой мировой экономический кризис.

II

Некоторой особенностью настоящего признака является то, что он происходит в условиях изобилия и дешевизны краткосрочного кредита, или, употребляя биржевой термин, в условиях большей ликвидности денежного рынка. Об этом свидетельствует повсеместное снижение учетных ставок эмиссионными банками (в Англии с $6\frac{1}{2}$ до 3%, во Франции до $2\frac{1}{2}$ %, в Германии с 7% до 5%, в США до $3\frac{1}{2}$ %)¹). Капиталы, высвободившиеся от биржевой спекуляции после краха и еще до краха, в условиях углубляющегося экономического кризиса не находят себе достаточного применения. В этом, как мы сказали, одно из своеобразий теперешнего экономического кризиса. Обычно в условиях классических кризисов довоенного времени бывало наоборот. Как только цены начинали стремительно падать и товары не находили сбыта, спрос и стоимость кредита повышались, так как банки в связи с общей неуверенностью, которая создавалась в дальнейшем развитии конъюнктуры, сокращали кредиты, боясь, чтобы их средства не увязли в промышленности и торговле.

„Если мы рассмотрим,—пишет Маркс,—те циклы оборотов, в которых движется современная промышленность... то мы увидим, что низкий уровень процентов в большинстве случаев соответствует периодам расцвета или добавочной прибыли, повышение процента—переходу от расцвета к сменяющему его повороту, а максимум процента, достигающий самых крайних ростовщических размеров, соответствует кризису“¹.

Обилие краткосрочного кредита характеризует все большую паразитарность ссудного капитала. Ссудный капитал, как и всякий капитал, требует своей доли в прибылях. Однако общие условия перепроизводства и ограниченность рынков сбыта в настоящее время не могут дать достаточно прибыльного и верного применения наличным массам ссудного капитала, которые еще со времени инфляции, когда спекуляция на обесценение валюты была верным источником большой и легкой наживы, привыкли к большим прибылям. Не находя себе применения в промышленности, ссудный капитал ищет себе применения в спекуляции на ценных бумагах. Об этом говорят те миллиарды, которые со времен инфляции переходят с одного денежного рынка на другой: из Берлина и Вены в Париж, из Парижа в Лондон и Нью-Йорк и, в особенности за последнее время, обратно.

¹ Маркс, Капитал, т. III. ч. I, с. 34.

Руководя при помощи своих больших капиталов спекуляциями, воротилы финансового мира всегда заблаговременно ликвидируют свои пакеты акций, а жертвами кризиса становятся массы мелких держателей, вовлеченных в спекулятивную игру.

Капиталов много, но кризисное состояние мирового хозяйства удерживает их от инвестиций. Отсюда изобилие краткосрочного кредита в отличие от долгосрочного, спрос на который недостаточен, как об этом свидетельствуют относительная дороговизна и затруднения при эмиссии ценных бумаг частных обществ. Краткосрочный кредит обеспечивает небольшое, но верное самовозрастание стоимости, а акции и облигации могут упасть в цене—такова логика ссудного капитала.

Вот как характеризует положение вещей орган германской тяжелой промышленности „Бергверксцайтунг“ в передовице, написанной „первоклассным знатоком международных финансов“ и озаглавленной „Мировой биржевой кризис“².

„В Париже и Нью-Йорке, в Брюсселе и других биржах мира мы стоим перед кризисом, полный объем которого только начинают подозревать... и понимание которого повсюду отсутствует. Всюду говорят о дешевых деньгах, о состоянии постоянного „изобилия на международном денежном рынке“... Но все забывают при этом о хозяйственных явлениях, которые привели к кризису и воздействие на которые, не говоря уже об их излечении, не находится во власти даже столь могущественных мировых финансов. Жалуются на бастующих клиентов, которые не хотят больше покупать ценные бумаги и в лучшем случае приобретают на свободные средства относительно верные облигации, которые они—впрочем не всегда с достаточным основанием—почему-то считают гарантированными от риска падения курса. Но в этих рассуждениях никогда не упоминают, что нынешнее громадное неблагополучие только в небольшой мере объясняется падением курсов на рынке ценных бумаг, что мы находимся во всеобщем кризисе, осложненном колоссальными сырьевыми проблемами, выход из которого может последовать только постепенно и преодолению которого нельзя содействовать при помощи каких бы то ни было искусственных мероприятий“.

Констатируя дальше снижение цен на хлопок, пшеницу олово, цинк, серебро, начало снижения цен на медь и свинец, „лавирование в кризисе сахара и каучука“, автор продолжает: „Все эти явления являются следствиями перепроизводства... Мировые непроданные запасы пшеницы достигли небывалых размеров 15 млн. тонн. Несмотря на рост производства искусственного шелка и сокращение потребления хлопчатобумажных тканей, мир имеет больше веретен, чем нужно для того, чтобы за год удовлетворить потребление двух лет. Мы имеем запасы каучука, которые самая сенсационная продукция—автомобили—не могла бы потребить и в два ближайших года, и больше готовых для продажи автомобилей, чем это может поглотить в текущем году покупательская способность всех стран, включая в том числе и США. Таким образом мы имеем иммобилизованные миллиарды, которые инвестированы не только без процентов, но с верными шансами на обесценение“.

² См. „Bergwerkszeitung“ от 15 марта 1930 г.

„Все это создает тормоз для всякого оптимизма в отношении акций. Мы можем таким образом констатировать, что во всех странах мира имела место конъюнктура потерь. Конъюнктура потерь, начавшись с потерь капиталов непосредственно на бирже, переползла в крупные банки, мельницы, прядильные фабрики, торговлю сахаром и в колониальные дела, короче говоря, во все отрасли хозяйства“.

При этих условиях не приходится удивляться сдержанности ссудного капитала. В условиях кризиса его тактика выжидательная. Поэтому спасения с этой стороны меньше всего приходится ожидать в данный момент. „Только повышенные дивиденды, как пишет уже выше цитированный автор, поставленные как верстовые столбы, могут сделать приемлемым этот путь для инвестиционных капиталов“. Это значит, что только тогда, когда в перспективе будут верные прибыли, начнет свое „благодетельное дело“ ссудный капитал. Но когда кризис все больше расширяется, когда везде как будто ожидают убытков, ясно, что предпосылок для широкого инвестирования капиталов нет, если даже капиталы имеются в избытке. Поэтому надежды на то, что дешевые и обильные капиталы помогут выйти из тупика, не имеют основания. Вообще в условиях всеобщего экономического кризиса такое „орошение“ капиталами способно лишь искусственно создать кратковременный подъем, но вскоре он натолкнется на узкие рамки сбыта, и кризис обнаружится с еще большей силой.

III

Тесно переплетаясь с мировым хозяйственным кризисом, который является кризисом перепроизводства в промышленности, все более и более вырисовывается мировой аграрный кризис. Об его объеме дает представление следующая цифра: на мировом хлебном рынке имеется на 9 млн. тонн пшеницы—больше, чем ее может быть ввезено в потребляющие страны³. Один крупный германский хлеботорговец в письме, опубликованном в газете „Frankfurter Zeitung“, указывает на огромные излишки хлеба, на 60% приблизительно превосходящие потребность до нового урожая, и предлагает Экономическому совету Лиги Наций оказать помощь как земледельцам, так и торговцам хлебом. Эта же газета опубликовала недавно воззвание по поводу голода в Китае. Если вспомнить, что в самой Германии больше 4 млн. полуголодающих безработных, то данное воззвание нельзя не признать исключительным по своему лицемерию.

Мировой аграрный кризис является, по мнению германского проф. Зеринга, следствием „технического прогресса“ в результате механизации труда по обработке земли, улучшения способов обработки земли, позволяющих делать посевы в засушливых районах, и культивирования специальных сортов семян. Однако только крупные фермеры способны выдержать засуху, чтобы на другой год при минимальных затратах труда получить большие прибыли. „Только они могут приобретать дорогие машины и целесообразно их использовать“. Отсюда естественная тенденция к укрупнению хозяйств, нерентабельность и разорение мелких хозяйств. „Конечно,—пишет

³ Данные эти приведены в журнале „Weltwirtschaft“ № 1 за 1930 г.

этот профессор,—это все-таки не такие огромные хозяйства—зерновые фабрики, как это проектирует устроить советское правительство в своих совхозах и колхозах“⁴.

Все сказанное о техническом перевороте в сельском хозяйстве относится главным образом к заокеанским странам. О размерах этого переворота можно судить по следующим данным: „В США с 1910 г. по 1920 г. вновь освоены были 77 млн. акров, из них с 1920 г. по 1925 г. 31 млн. акров были опять оставлены. Из них 19 млн. акров находились под посевом, а остальные приходились на луга и пастбища.

Несмотря на сокращение обрабатываемой площади с 1920 г., общие сборы продовольственных культур и количество продуктивного скота выросло. Причину этого приходится искать в том, что победное шествие трактора и автомобиля освободило 15-20 млн. акров, которые до тех пор служили для содержания рабочего скота“⁵. Нет ничего удивительно в том, что этот технический переворот, аналогичный процессу рационализации в промышленности, привел к перепроизводству сельскохозяйственных продуктов, мировому аграрному кризису и сопровождается, с другой стороны, укрупнением одних хозяйств и разорением большого количества мелких фермеров, одним словом, усилением типичного для капитализма процесса дифференциации.

Даже в Германии, имеющей необычайно высокие покровительственные пошлины на сельскохозяйственные продукты, аграрии жалуются на кризис сбыта и ставят вопрос об усилении сельскохозяйственного экспорта. А в то же время заработная плата рабочего класса в Германии понизилась, по расчетам германского экономиста Кучинского, из-за безработицы и введения сокращенной рабочей недели с октября на 13,6% за второе полугодие 1929 г.

Перепроизводство в промышленности, перепроизводство в сельском хозяйстве, рост паразитарного финансового капитала, невиданный еще в истории капитализма рост безработицы и интенсификация труда, эксплуатация до последних пределов тех, которые имеют работу, сокращение заработной платы и ухудшение положения рабочего класса в целом, разорение мелкого крестьянства, на основе всего этого обострение классовой борьбы, нарастающее революционно-классовых боев и, с другой стороны, усиление борьбы между отдельными капиталистическими государствами за рынки сбыта и сферы приложения капиталов, рост вооружений, подготовка к новым войнам,—таковы некоторые итоги развития послевоенного капитализма.

IV'

Скачок от расцвета („просперити“) к кризису в США, развитие мирового кризиса и в связи с этим обострение всех противоречий капитализма, наблюдаемое за последние месяцы, являются неожиданностью только для тех, кто себя и других уверял в наступившей новой эре развития капитализма, в бескризисном развитии хозяйства, в „стабилизации“ конъюнктуры. Реформисты всех толков, захлебываясь, писали о „плановом“ капитализме, о регулирующей роли государ-

⁴ См. Prof. Sering, Die interationale Agrarkrisis, „Weltwirtschaft“ № 1 за 1930 г.

⁵ Там же, Prof. Brandt, Die amerikanische Agrarkrisis.

ства, о демократизации хозяйства и т. п. Правые оппортунисты вторили им, поддерживая теорию „организованного капитализма“.

Разразившийся мировой экономической кризис обозначает полное крушение идеологии реформизма с его теориями, замаскированными с богатого стола американского дядюшки: „высокая заработная плата“ кончилась 6-миллионной безработицей и всеобщим нажимом на рабочий класс, „стабилизированная“ конъюнктура кончилась кризисом, а столь прославленная американская система федеральных резервных банков оказалась в решающий момент совершенно беспомощным орудием конъюнктурной политики.

Современный теоретик германской социал-демократии Фриц Нафталли в одной из своих статей следующим образом формулирует кредо реформизма: „Проблема кризисов и безработицы все чаще и чаще ставилась в порядок дня после войны. Однако в то время как раньше кризисы рассматривались как неизбежное явление, сопровождающее и присущее современному капиталистическому обществу, на основе которого доказывали несостоятельность этой хозяйственной системы, — в последнее время все большее и большее признание получает мысль, что конъюнктуру можно подвергать планомерному воздействию. Конъюнктура становится предметом хозяйственной политики. Начинают понимать, что борьбу с вредными сторонами конъюнктурных колебаний, которая является существенным источником неопределенности всех жизненных условий пролетариата, можно очень хорошо увязать в настоящее время с процессом трансформации экономической системы“⁶.

Ход этого рассуждения таков: раньше кризисы рассматривались как неизбежное явление, свойственное капитализму. Если теперь удастся устранить колебания конъюнктуры, то этим самым будет достигнута трансформация капитализма: из стихийного хозяйства он превратится в организованное хозяйство. Поэтому основная задача рабочего класса — бороться против конъюнктурных колебаний, важнейшим средством воздействия на которые является кредитная и эмиссионная политика.

Так как социал-демократы тесно примыкают в этих вопросах к буржуазным теориям, не обнаруживая даже тени самостоятельности, то для характеристики этой концепции целесообразно обратиться к первоисточникам. Этому вопросу — кредит и конъюнктура — посвящена огромная литература. Ни один доцент, ни один буржуазный профессор политической экономии не проходят мимо этого вопроса. Однако в германской литературе с наибольшей последовательностью развил эти взгляды банкир и банковский теоретик А. Ган. Основные выводы, к которым он приходит, следующие:

„Кредитная политика упирается, с одной стороны, в опасность инфляции и обесценения валюты, а с другой стороны — в кризис сбыта“. „Кредитная экспансия обозначает рост производства, но рост производства невозможен, если за ним не растет соответствующее потребление“. „Рассуждая теоретически, вечное продолжение кредитной конъюнктуры может быть достигнуто только, если при отсутствии сбыта путем кредита создавать все новую покупательную способность. Такой случай мы имели во время войны, когда государство через все новые и новые кредиты (займы, долговые обязательства

⁶ Fr. Naphthalу, Bankpolitik u. Arbeiterklasse, „Die Arbeit“ № 8 за 1929 г.

казначейству и т. п.) получало покупательную способность для приобретения всех производимых продуктов“⁷.

Почему капитализм, пользуясь методом кредитной политики, не доводит производство до своего последнего предела—„использования всех наемных рабочих сил“? Почему, несмотря на все старания банкиров и эмиссионных банков, мировое хозяйство вступило сейчас в кризис с 20-миллионной армией безработных? Почему даже в лучшие времена послевоенного капитализма—в 1927 г.—безработица в индустриальных странах не снизилась ниже 8 миллионов? Все это доказывает полный провал регулирования через кредитную политику развития капитализма с его колебаниями конъюнктуры и кризисами.

Но, с другой стороны, кажется—и Ган это хочет доказать,—будто можно кредитным методом добиться такого перераспределения „благ“, чтобы все наличные производительные силы привести в движение и довести производство до своего оптимума. Для того, чтобы понять всю ошибочность этой теории, необходимо вспомнить элементарные указания Маркса, что капиталистическое производство, как и всякая другая система производства, не может быть самодовлеющим производством, производством ради производства, а работает в конечном итоге на потребление. Но капиталистическое производство происходит на базе антагонистического распределения, а это значит, что развитие производительных сил постоянно упирается в ограниченную покупательную способность широких слоев трудящихся, что и находит свое выражение в кризисе. Сам Ган, не вникая в сущность вопроса, отчасти это признает, когда говорит, что производство не может быть никогда доведено до своего последнего предела из-за отсутствия сбыта, и указывает, что такой идеальный случай бескризисного развития хозяйства имел место во время войны, когда государство, выпуская все новые и новые займы, являлось безграничным потребителем и создавало таким образом перманентную высокую конъюнктуру. Таким образом Ган от теории кредита приходит к неожиданному выводу, что для поддержания конъюнктуры необходимо финансировать потребителя.

К этому в действительности и прибегают в ограниченных размерах в момент кризиса все буржуазные государства путем организации общественных работ. Как только разразился современный американский кризис, первым делом Гувер выступил с широкообъемной программой общественных работ. Эта программа по сравнению с объемом кризиса—сущий блеф. При самых благоприятных намерениях буржуазии иначе и быть не может. Ведь для того, чтобы дать применение миллионам безработных, требуется значительный основной капитал, которого у государства, как такового, нет. Для выплаты одной только заработной платы необходимо было бы произвести колоссальное увеличение бюджета. Но за счет кого? За счет рабочих, заработная плата которых падает как в результате нажима капиталистов, так и чрезвычайно выросшей безработицы? За счет капиталистов, которые производят сокращения рабочих, приостанавливают производство? Капиталисты требуют уменьшения налогов, бюджет в момент кризиса становится все более напряженным, так что о сколько-ни-

⁷ A. Hahn, Kredit „Handwörterbuch der Staatswissenschaften“, Aufl. VI, B. V, Jena 1923.

будь широком финансировании общественных работ даже и речи быть не может.

Расширение кредита может способствовать развитию конъюнктуры лишь в некоторых случаях, когда общий подъем конъюнктуры уже имеется. Расширение кредита при этом обуславливает инфляционное повышение цен, развитие конъюнктуры здесь происходит следовательно за счет снижения реальной заработной платы.

Теория же, считающая кредит регулятором развития капиталистического хозяйства и средством для преодоления кризисов,—абсолютно несостоятельна: ее последний аргумент—утопическая, нелепая теория финансирования потребления буржуазным государством.

Влестяще провалилась и другая буржуазная теория бескризисного развития капиталистического хозяйства—гугеровская теория экономического „равновесия“. В двухтомном отчете о „новейших изменениях в экономике США“, изданном под эгидой самого Гугера незадолго до кризиса, мы читаем:

„Наша сложная и запутанная экономическая машина может производить, но для того, чтобы она производила непрерывно, необходимо сохранить равновесие . . . В течение последних нескольких лет равновесие поддерживалось вполне удовлетворительно. Поскольку спрос на товары и услуги фактически неутолим и, повидному, не насыщается, поскольку производительность может увеличиваться безостановочно, казалось бы, что мы можем безостановочно идти вперед со все растущей активностью. Но это возможно только в том случае, если мы разовьем технику равновесия“⁸.

Почему же все-таки это „равновесие“ оказалось столь непродолжительным? Об этом говорит следующее сопоставление из гугеровского же отчета⁹:

Рост показателей в 1927 г. по сравнению с 1919 г. (в %)

Продукция	46,5
Выработка одного рабочего	53,5
Общая мощность первичных двигателей	22,0
Мощность первичных двигателей на 1 рабочего	30,9
Машины и оборудование	28,7
Фабрично-заводские здания	26,7
Полная сумма заработной платы	11,4
Недельная ставка заработной платы	1,04
Число занятых рабочих	— 2,9

Как могло сохраниться „равновесие“ между производством и потреблением, если продукция выросла на 46,5%, выработка на одного рабочего, т. е. производительность труда, поднялась на 53,5%, а полная сумма заработной платы (подсчет остается на совести авторов отчета) увеличилась лишь на 11,4% при уменьшении числа занятых рабочих почти на 3% (так называемая „технологическая“ безработица, в результате рационализации). Процесс переоборудования и расши-

⁸ „Новейшие изменения в экономике США“, т. I, М. 1930, с. 16.

⁹ Там же, с. 163.

рения производственного аппарата, о котором свидетельствуют рост мощности первичных двигателей и машинного оборудования и рост фабрично-заводских зданий, отодвигал время наступления кризиса, но с тем большей силой он в известный момент должен был обнаружиться. Противоречие между ростом производительных сил и покупательной способностью широких масс все время увеличивалось. Момент кризиса трудно было предсказать, но неизбежность его была вполне очевидна.

„Поскольку производительность может увеличиваться безостановочно, казальсо бы, что мы можем безостановочно идти вперед со всей растущей активностью“¹⁰. Совершенно верно, только не при капиталистических условиях. Имманентность кризисов в условиях капитализма происходит из того, что „отношение наемного рабочего и капиталиста включает уже следующее: 1) значительное большинство производителей (рабочие) не являются потребителями (покупателями) очень значительной части своего продукта, именно материала и средств производства и 2) большинство производителей, рабочие, могут потреблять лишь эквивалент своего продукта до тех пор, пока они производят больше этого эквивалента—прибавочную ценность или прибавочный продукт. Они всегда должны производить и лишнее больше того, что соответствовало бы их потребностям, чтобы они могли быть потребителями или покупателями в пределах своих потребностей“¹¹.

Как один из парадоксов современной капиталистической действительности, отметим еще, что вся капиталистическая пресса кричит о том, что выйти из кризиса, преодолеть безработицу можно только через усиленное капиталонакопление. „Чтобы достигнуть наибольшей хозяйственности, чтобы дать применение рабочей силе, чтобы удовлетворить жизненные потребности широких масс, необходимо раньше и прежде всего благоприятствовать капиталонакоплению. Оно — предпосылка роста производства и потому в интересах всех слоев германского народа“¹².

С другой стороны, германские промышленники единогласно жалуются на отсутствие сбыта, на то, что производственные возможности выросли и производственный аппарат все время работает на холостом ходу, т. к. за отсутствием сбыта он не может работать с полной нагрузкой.

Эту противоречивость можно только понять с точки зрения отдельного капиталиста, ход мысли которого таков: я не могу полностью использовать моего оборудования, я должен сокращать мое производство, потому что я недостаточно конкурентоспособен, потому что мои издержки производства слишком высоки; мне необходимо поэтому переоборудовать производство, сократить издержки производства, а для этого мне необходимы новые капиталы. Правильно замечает германский экономист Ю. Кучинский насчет усиления капиталонакопления, которого требуют капиталисты: „Наш производственный аппарат уже сейчас слишком велик. Он работает с 75% нагрузкой. Промышленники хотят его еще расширить. Он тогда, вероятно, будет работать с половинной нагрузкой“¹³.

¹⁰ „Новейшие изменения в экономике США“, т. I, с. 16.

¹¹ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. II, ч. 2, с. 187—8.

¹² „Anstieg oder Niedergang“, „Denkschrift des Reichsverbandes der deutschen Industrie“.

¹³ См. „Finanzpolitische Korrespondenz“, 1930, № 5.

Но он совершенно неправ, когда говорит дальше: „Нет никакого сомнения в том, что германское хозяйство нуждается в капитале, оно даже очень сильно нуждается в капитале, но оно нуждается в капиталах не для производства, а для потребления, в капитале не для производственных целей, а для потребительских. . . для постройки жилищ, купален и бань, детских площадок и т. п.“¹⁴. Это та же самая точка зрения преодоления кризиса через общественные работы, которую мы уже выше критиковали.

V

Таким же, если не большим, обманом рабочего класса является родственная по духу теории финансирования потребления теория „высокой заработной платы“.

Теория регулирования развития капиталистических циклов через кредит начала у реформистов пробиваться только за последние годы. Теория „высокой заработной платы“ уже с давних пор является важнейшим интегральным элементом в арсенале их теоретической аргументации и входит в официальную идеологию реформистских профсоюзов и партий как в Западной Европе, так и в США.

„Народохозяйственная теория заработной платы“ (как себя называет эта теория) хочет быть теорией „просвещенного капитализма“, усвоившего положение Маркса, что кризисы являются следствием перепроизводства на антагонистической базе распределения. Путь от современного хаоса капиталистического производства лежит, по мнению этой теории, через регулирование распределения, через повышение заработной платы.

Чтобы проскочить между Сциллой и Харибдой капиталистического развития, относительным падением заработной платы во время высокой конъюнктуры и абсолютным его падением во время депрессии, эти теоретики предлагают, как панацею, высокую заработную плату, которая, расширяя покупательную способность трудящихся масс, замедлит темп накопления, будет препятствовать переходу высокой конъюнктуры в депрессию, а если все-таки депрессия наступит, то она будет важнейшим фактором ее преодоления.

Эти теоретики желают на основе „объективно-научного“ анализа дать рабочим аргументы в их борьбе за повышение заработной платы, а с другой стороны, убедить капиталистический класс, как целое (так как они сами понимают, что каждый капиталист в отдельности никак не может пойти на эти аргументы) в лице государственной власти, в буржуазных странах воплощающей разум этого общества, в том, что повышение заработной платы—в интересах его самого и всего народного хозяйства.

Эта теория есть попытка создания классового сотрудничества и гармонии интересов между трудом и капиталом, на основе повышения заработной платы, в которой будто бы капиталистический класс как целое так же заинтересован, как и рабочий класс.

В действительности, как об этом свидетельствуют все факты, внутренние закономерности капитализма толкают его в направлении, диаметрально-противоположном тому, которое предлагают теоретики

¹⁴ Там же.

„высокой заработной платы“. Маркс говорит: „Никогда не следует забывать, что производство этой прибавочной стоимости и обратное превращение некоторой части ее в капитал или накопление образует интегральную часть этого производства прибавочной стоимости,— является непосредственно целью и определяющим мотивом капиталистического производства. Поэтому никогда нельзя его представить таким, каким оно не бывает, именно таким производством, которое имеет своей непосредственной целью потребление или изготовление предметов потребления для капиталистов“ (и конечно, как правильно добавила Роза Люксембург, еще менее для рабочих). „При этом был бы совершенно забыт его специфический характер, который находит себе выражение во всех внутренних отношениях этого производства“¹⁵.

Противоречие между ростом производительных сил и сужением покупательной способности широких слоев населения (рабочих и служащих) представляет собою противоречие между интересами каждого капиталиста в отдельности и интересами капиталистического класса как целого. С одной стороны, как производитель каждый капиталист заинтересован в уменьшении расходов на рабочую силу, с другой стороны, как продавец своего товара он заинтересован в росте покупательной способности рабочих как потребителей его товаров. Однако добровольное повышение заработной платы, т. е. отказ от части прибыли для того, чтобы расширять таким образом покупательную способность рабочего класса, совершенно противоречит капиталистической природе хозяйства, стимулом которого является максимально возможная прибыль. Если бы вся дополнительная покупательная способность, которую какой-либо капиталист передал рабочему классу, вернулась к нему же, то и тогда это было бы бессмысленным процессом для отдельного капиталиста („подарком“ рабочему классу). Оно тем более является таковым, что увеличение покупательной способности потребителей в значительной степени идет на обогащение капиталистов других отраслей промышленности. Но и для капиталистического класса как целого всеобщее повышение заработной платы обозначило бы „подарок“ рабочему классу.

Пользуясь колоссальной безработицей и организованной силой своих монополий, капиталисты, наоборот, усиливают повсеместно нажим на рабочий класс, удлиняют рабочий день, интенсифицируют труд и понижают заработную плату.

VI

Современный капитализм развивается не в условиях свободной конкуренции, а в условиях, когда основные отрасли промышленности организованы в монополистических объединениях. Это находит свое отражение и в развитии капиталистических циклов.

В условиях свободной конкуренции понижение себестоимости продукции через понижение цен способствовало преодолению кризиса. Это положение претерпевает известное изменение, поскольку современное развитие капитализма происходит в значительной мере не в условиях свободной конкуренции, а в условиях господства монополий (тресты, картели, концерны). Монополистически организованные отрасли промышленности имеют возможность и заинтересо-

¹⁵ „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 225.

ваны в том, чтобы, ограничивая производство и замедляя темп его роста, стабилизировать цены и повышать их. В монополистических объединениях сокращение издержек производства не сопровождается вследствие этого соответствующим снижением цен. У них происходит благодаря этому усиленное накопление капитала, и тут ярче всего обнаруживаются основные противоречия капитализма. Усиленное накопление дает возможность широких инвестиций их собственной отрасли производства и должно было бы привести к расширению производства, но расширение производства грозит подорвать их политику высоких цен. Монополистический капитализм ищет поэтому внешние рынки для своих товаров и сферы приложения для капиталов и становится все более империалистическим.

Высокие цены, которые монополии практикуют в моменты высокой конъюнктуры внутри страны, ускоряя темп их накопления, приближают момент переизводства и ускоряют этим самым переход высокой конъюнктуры в депрессию. С другой стороны, продолжая удерживать высокие цены во время депрессии, монополии препятствуют „нормальному“ приспособлению конъюнктуры через снижение цен и затягивают депрессию. Сокращая производство, но не снижая цены, они во время депрессии увеличивают чрезвычайно безработицу, что еще больше усиливает депрессивное состояние народного хозяйства. Таким образом, в условиях монополистического капитализма высокая конъюнктура становится все более кратковременной, а депрессии все более затяжными.

С другой стороны, если уничтожена конкуренция между отдельными предприятиями, то мы имеем сейчас борьбу между гигантскими монополиями и борьбу в самих монополиях между отдельными ее участниками за квоту.

Поскольку монополиям удастся удерживать в момент кризиса свои высокие цены, ограниченная покупательная способность с тем большей силой должна ударить по другим продуктам, производство которых не регулируется монополиями и цены которых не картелированы. Это мы как раз и наблюдаем в теперешнем кризисе, причем больше всего это относится к ряду сырьевых и колониальных продуктов и хлебу, которые поставляют миллионы мелких производителей. Все попытки искусственно удерживать в условиях переизводства цены этих продуктов кончаются поэтому неудачами.

Падение мировых цен на некоторые основные сырьевые продукты видно из следующей таблицы ¹⁰:

Товары	Январь 1929	Сентябрь 1929	Серед. марта 1930	Снижение в % по сравнению с сентяб- рем 1929
Пшеница	115	134	103	23
Кукуруза	88	104	75	28
Хлопок	120	19,50	14,50	26
Шерсть	141	100	84	16
Сахар	2	2,20	1,72	22

¹⁰ Мы заимствуем ее из „Der deutsche Volkswirt“ от 28 марта 1930 г.

Продолжение

Товары	Январь 1929	Сентябрь 1929	Серед. марта 1930	Снижение в % по сравнению с сентяб- рем 1929
Кожн	8	8	5,75	28
Нефть	17,65	17,65	16,65	6
Серебро	26,25	24,25	19	22
Свинец	22,25	23,50	18,50	21
Олово	220	208	160	23
Цинк	26	24,50	18	26
Каучук	9	10,50	7,25	31
Кофе	23,75	22,50	14,50	35

Наряду с этим разрывом цен мы наблюдаем в течение последних лет рост „ножниц“ между оптовыми и розничными ценами: в то время, как индекс оптовых цен в важнейших странах значительно снизился, розничные цены не показывают никакого снижения или выявляют весьма незначительное снижение, а иногда даже повышение. Нижеследующая таблица по данным „Статиста“ характеризует движение оптовых и розничных индексов:

Страны	Конец 1929 по сравне- нию с апрелем 1925		Конец 1929 по сравне- нию с концом 1928	
	Индекс опт. цен	Индекс стоимости жизни	Индекс опт. цен	Индекс стоимости жизни
Англия	— 2,5	— 5,2	— 8,9	— 0,5
Соед. Штаты	— 13,5	— 0,6	— 11,3	без измен.
Франция	—	—	— 10,9	+ 1,9
Германия	— 6,1	+ 11,5	— 4,7	— 1,0
Италия	—	—	— 9,4	+ 1,4
Япония	— 24,0	— 19,5	— 10,0	— 6,7

Известный экономист Ф. Сомари пишет об этом следующее: „От низких цен на зерно потребитель хлеба не получил до сих пор никакой выгоды, от низких цен на шерсть и хлопок—никакой выгоды потребитель одежды. Дешевизна сырья и зерна на вызывает никакого увеличения потребления, а лишь уменьшение доходов производителей этих товаров“¹⁷.

Растут, таким образом, от снижения оптовых цен лишь прибыли торгового, промышленного и финансового капитала. Объяснение этого явления кроется повидимому в том, что обрабатывающая промышленность и промышленность готовых изделий находятся в более тесном контакте с рынком и держат свое производство ближе к пределам вероятного потребления путем сокращения производства в момент кризиса, что дает им возможность удерживать высокие цены. Кроме того торговый капитал, тесно связанный с финансовым капиталом, обладает большей организованностью и силой по сравнению с непосредственными производителями, которые подчас, как мы уже

¹⁷ Dr. F. Somary, Internationale Wirtschaftskrise, „Der Deutsche Volkswirt“, 1930, № 23.

говорили, являются мелкими производителями. Обратное явление имеет место, когда добывающие отрасли промышленности сами организованы в могущественные объединения (например Европейский стальной картель): в этом случае обрабатывающая промышленность принуждена отдавать часть своих прибылей добывающей промышленности (в тех случаях, когда она не может перенести высокие цены на сырьевые продукты через повышение цен на потребителя).

„Где цены фабрикатов,—пишет тот же Сомари,—и именно предметов потребления быстрее всего выравниваются с тенденцией мирового рынка, там быстрее всего преодолен будет кризис“¹⁸. Но как раз этого приспособления цен к суженной емкости рынка не происходит, поэтому противоречия теперешнего кризиса еще более заостряются.

Характер развития современных кризисов полностью оправдывает следующее гениальное замечание Энгельса, которое он сделал еще в своих ранних работах:

„ . . . и когда период благосостояния, который теперь еще отделяет один кризис от следующего, под давлением непомерно возросших производительных сил совершенно исчезнет, когда кризисы будут отделяться друг от друга только короткими периодами оживления слабой, полужастывшей промышленной деятельности и когда промышленность, торговля и все современное общество должны были бы погибнуть от избытка не находящей применения жизненной энергии, с одной стороны, и от совершенного истощения—с другой, если бы это ненормальное состояние не нашло в себе своего собственного средства исцеления и если бы промышленное развитие не вызвало в то же время к жизни тот класс, который один только и сможет взять на себя руководство обществом: пролетариат,—пролетарская революция тогда будет неизбежна, а победа ее несомненна“¹⁹.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Энгельс, Английский билль о 10-часовом рабочем дне.

НАКОПЛЕНИЕ И КРАХ КАПИТАЛИЗМА

Едва ли найдется еще другой автор, который выступил бы в своей первой книге с таким непомерным самомнением, как г-н Г. Гросман¹. Уже в введении он возвещает, что в результате его исследований „впервые реконструирован метод, лежащий в основе марксова „Капитала“, а с другой стороны, на заложенной таким образом основе важные отделы теоретической системы Маркса излагаются в существенно новом освещении. Одним из таких новых выводов является излагаемая ниже теория крушения, этог краеугольный камень в экономическом учении Карла Маркса“².

Только оборванцы скромны! Гросману скромность чужда. Чтобы еще раз подчеркнуть свои будущие заслуги в деле спасения марксизма, он через несколько строк заявляет:

„Неудовлетворительное состояние марксоведения до настоящего времени объясняется на мой взгляд тем, что о марксовом методе исследования не имели до сих пор не только ясного, но, как это ни странно, вообще никакого представления“ (подчеркнуто нами—*Е.В.*).

Значит, никто, ни Каутский, ни Плеханов, ни Ленин, не имели до сих пор, „как это ни странно“, никакого представления о марксистском методе исследования! Поэтому и для характеристики всех марксистов Гросман знает только презрительные клички: Каутский, Гильфердинг, Бауэр, Бухарин, Варга и т. д.,—все это „эпигоны“, „марксисты“ в кавычках и т. д. Плеханов не устаивается даже упоминания! Ленин как теоретик империализма отвергается, хотя и в вежливых выражениях (к этому мы еще вернемся ниже)! Даже Энгельс неоднократно уличается в непонимании марксова учения³. Наконец самому Марксу предъявляется упрёк, что он только „приступил“ к объяснению крушения капитализма: „Читатель ждет, что вот последует решающий ответ. Но никакого ответа не следует. Неудивительно, что марксова теория крушения подвергалась сомнениям...“ (с. 15). Единственно один лишь Гросман является при-

¹ Henryk Grossmann, Das Akkumulations- und Zusammenbruchsgesetz des kapitalistischen Systems (zugleich eine Krisentheorie), Лейпциг 1929.

² С. V. Выделенные места подчеркнуты (если не оговорено обратное) самим Гросманом.

³ „Эту проблему (освобождение денежных капиталов в обороте капитала) Энгельс решительно недооценил даже не понял“ (с. 324—подчеркнуто нами). На с. 195 мы читаем, что Энгельс и Мосге неправильно обработали главу об отношении нормы прибыли к норме прибавочной стоимости. „Заранее можно предположить, что здесь было много поводов для недоразумений и ошибок и что эти ошибки легко проникли затем и в главу о тенденции нормы прибыли к понижению и т. д.“

званным толкователем и продолжателем Маркса, он один развивает в стройное теоретическое целое то, к чему Маркс лишь „приступил...“.

Посмотрим же, как реконструирует наш герой метод Маркса.

I. ГРОСМАН РЕШИТЕЛЬНО НИЧЕГО НЕ ПОНЯЛ В МАРКСОВОМ МЕТОДЕ

Вопреки высокомерию Гросмана, приписывающего себе ту заслугу, что он первый реконструировал метод Маркса, мы утверждаем, что именно он ничего не понял в марксовом методе. Чтобы доказать это, мы обратимся прежде всего к его молчанию по поводу падения капитализма в России.

Основная мысль Гросмана — в самом сжатом предварительном очерке — сводится к следующему:

В противоположность взгляду „неогармонизаторов“ система Маркса содержит в себе теорию крушения. „Точно доказать неизбежность гибели капиталистического способа производства... посредством строго научного анализа самого этого капиталистического способа производства — такова была подлинная задача, поставленная себе Марксом в „Капитале“ (с. 5). Для решения этой задачи Гросман пытается показать, что капитализм должен рухнуть „чисто экономически“ вследствие вызываемого перенакоплением недостаточного увеличения стоимости капитала (с. 64). Заметим: капитализм должен рухнуть не вследствие падения нормы прибыли, приводящего к тому, что „притупляется стимул к накоплению“, как говорит Маркс, а уже гораздо раньше вследствие невозможности увеличивать стоимость капитала при еще высокой норме прибыли.

Мы должны поставить тут следующий вопрос:

Неужели Гросман действительно думает, что он применяет метод Маркса, выпуская в 1929 г. книгу о неизбежности крушения капитализма и ни словом не упоминая в ней о том, что на одной шестой части земного шара капитализм уже рухнул в 1917 г.? Неужели он думает, что марксистский метод заключается в абстрактном дедуктивном исследовании причин еще только предстоящего (хотя и неизбежного) крушения капиталистической системы, а не в изучении конкретных причин фактически уже происшедшего 12 лет тому назад крушения капитализма в России, не в проверке теоретических дедукций о возможном будущем крушении на действительных фактах? Никогда бы Маркс не признал подобный подход к вопросу своим методом! Маркс самым тщательным образом исследовал конкретную действительность. Годами он изучал соответствующую литературу, делал выписки, стремясь конкретно подойти к сущности, к диалектическому движению процесса. В предисловии ко второму изданию I тома „Капитала“ (с. XXVIII) он говорит:

„Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изложено настоящее движение. Раз это удалось, и жизнь материала получила

свое идеальное отражение, то на первый взгляд может показаться, что перед нами априорная конструкция“.

Если кто-нибудь в 1929 г. решается выпустить книгу в 600 страниц о „законе крушения капитализма“ и не говорит в ней ни слова об уже совершившемся крушении капитализма в России, то сколько бы цитат из Маркса он ни приводил, в какие бы ученые рассуждения о методе марксизма ни пускался, все равно ясно: он не понял азбуки марксистского метода исследования!⁴

Почему же Гросман так упорно отмалчивается от русской революции?

Не потому, что он вообще против фактов: он готов обыскать весь мир в погоне за доказательствами в пользу своей теории⁵, он находит перенакопление капитала уже в XVII веке в Голландии, т. е. в такой период, когда „буржуазное общество“, по словам Маркса, еще только „подготавливалось“⁶ (удивительно, что, несмотря на это, капитализм в Голландии все-таки еще не „рухнул“!).

Гросман замалчивает русскую революцию с таким упорством потому, что те причины, которые по его теории должны вызвать крушение капитализма, слишком явным образом не играли никакой роли в фактически происшедшем крушении капитализма в России. В самом деле: было бы смешно утверждать, что в России, которая была, как известно, очень бедна капиталами и постоянно ввозила иностранный капитал в крупных размерах, капитализм рухнул вследствие перенакопления капитала! Точно так же невозможно говорить о перенакоплении капитала в Венгрии. Поэтому Гросман и уклоняется, как настоящий талмудист, от сличения своей теории с действительностью. Естественно возникает вопрос: какую ценность может иметь теория о причинах „неизбежного крушения“ капитализма, если указываемые ею причины решительно не подходят к двум действительным случаям крушения капиталистического строя? Гросман должен по меньшей мере признать, что капиталистический режим может пасть и от других причин, кроме указываемых его теорией. „Ab esse ad posse valet consequentia“, — правильно утверждает старая логика: раз нечто существует, то нельзя отрицать его возможность.

Для нас, борющихся коммунистов, весьма утешительно, что в действительности крушение капитализма вовсе не зависит от возвещенного Гросманом с таким шумом комплекса причин; ибо непогрешимая схема псевдомарксиста Гросмана обеспечивает (как мы покажем ниже) существование капитализма на целые столетия вперед, между тем как настоящие марксисты, которые не

⁴ Временное падение буржуазии в Венгрии было по сравнению с катастрофой буржуазии в России совсем незначительным событием. И все же Ленин не раз настойчиво убеждал меня написать историю падения буржуазии в Венгрии; он говорил, что „даст перевести мою книгу на все языки мира“. Так высоко оценивал Ленин значение недолговечной венгерской диктатуры для познания дальнейших судеб капитализма. А г-н Гросман проходит молча мимо русской революции и вообще утверждает, что он марксист!

⁵ Он находит такие доказательства и в исторических фактах; но не следует забывать мудрых слов Ленина:

„При громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения“ (предисловие к немецкому изданию „Империализма“).

⁶ Маркс, Введение к критике политической экономии, с. XIII.

только пишут толстые книги о крушении капитализма, но и активно работают над его низвержением в разных странах, рассчитывают на падение капитализма во всем мире в ближайшем историческом будущем—задолго до того, как смогло бы повсеместно осуществиться „перенакопление“ капитала.

Впрочем, у Гросмана есть еще и другое основание всячески уклоняться от анализа конкретного крушения капитализма в России. Дело в том, что согласно его взгляду, совпадающему со взглядом Розы Люксембург, война отдаляет крушение капитализма, уничтожая большие количества перенакопленного капитала. Он пишет:

„Отнюдь не будучи... фактором, ускоряющим крушение капитализма..., разрушение и уничтожение ценностей, производимые войной, способствуют скорее ослаблению угрозы краха“ (с. 369).

Для всякого, кто хоть сколько-нибудь знаком с историей низвержения буржуазии в России, ясно как день, что война была одной из главнейших причин крушения, что без военного разгрома, без „превращения империалистической войны в гражданскую“ это крушение не произошло бы в тот момент. Теория Гросмана о задерживающем крушение действии войны опровергается фактами. (Разумеется, не следует впадать и в противоположную ошибку и считать, что победоносная пролетарская революция возможна только в результате войны!). Гросман избегает всяких упоминаний о русской революции потому, что она решительно противоречит его взгляду на значение войны.

На примере оценки значения войны обнаруживается вся неспособность Гросмана понять диалектический метод. Война для него просто война, без всякой диалектической конкретности: всякая война отдаляет час крушения. Для марксиста-диалектика дело обстоит иначе. Если война вспыхивает в такой момент, когда наличие больших товарных запасов, не находящих сбыта, предвещает приближение кризиса; если война ведется на чужой территории, не слишком долго тянется и заканчивается победой, а быть может и присоединением новых колониальных территорий,—то такая война может задержать крушение. Если же война продолжается долго, ведется в собственной стране и оканчивается поражением, то она может вызвать остро революционную ситуацию, вплотную подводящую к „крушению“, и тогда вопрос о крушении или сохранении капиталистического строя решается уже не „достигнутой степенью перенакопления капитала“, а вооруженной борьбой в гражданской войне. Тезис Гросмана — „война“ задерживает крушение—механистичен, несовместим с марксизмом, ложен. Если бы мировая война затянулась дольше, то вместо изолированной, кратковременной диктатуры пролетариата в Венгрии мы имели бы, весьма вероятно, окончательное низвержение буржуазного строя в значительной части Европы.

Далее: Гросман рассматривает империалистическую войну не как элемент в диалектическом процессе капитализма, а как нечто внешнее, случайное, он пишет:

„Разложение происходит (у Бухарина) не из-за экономических причин, не в силу неотвратимой внутренней экономической закономерности самого капиталистического механизма, а в результате войны, в результате внешнеэкономической силы, разрушительно воздействующей на производственный аппарат извне...“ Такое крушение было бы „обнаружением причины, дей-

ствующей хоть и внутри экономики, но трансцендентной для нее“ (с. 47—48).

Если таким образом Гросман, с одной стороны, сводит „крушение“ к одной единственной причине, к перенакоплению, являющемуся вместе с тем причиной конкуренции в области внешней торговли, экспорта капитала и кризисов (все остальные противоречия он отрицает, чтобы получить одну единственную „движущую причину“), то, с другой стороны, он механически разрывает общий процесс капиталистического развития на экономику и на войну как „внеэкономическую силу“. Полное отсутствие и диалектики и марксизма!

Недиалектическая и, следовательно, немарксистская точка зрения проходит через всю книгу Гросмана. Он отрывает экономику от классовой борьбы⁷, поэтому его „крушение“—это не падение капиталистического строя, а чисто экономическая фантазия: это — наступление такого момента, когда капиталисты (если бы они, невзирая ни на что, всегда накапливали по схеме Отто Бауэра, целиком принимаемой Гросманом) больше уже не могли бы накапливать. Крушение означает у Гросмана не конец классового господства, а именно лишь неспособность буржуазии продолжать дальнейшее накопление в размерах, предусматриваемых Отто Бауэром.

Но ясно, что как бы ни было важно накопление капитала для капитализма, все же прекращение накопления еще не означает немедленную же гибель капиталистического строя. В самом деле: 1) в каждом промышленном цикле бывают периоды, когда не происходит накопления; 2) вполне мыслимо, что в период загнивающего монопольного капитализма буржуазия будет еще довольно долго сохранять свое классовое господство и без накопления, в форме простого воспроизводства, пока она не будет низвержена пролетариатом или пока не появится вновь возможность накопления⁸. Гросман, который занимается талмудистикой, а не диалектикой, никак не может этого понять.

Непонимание диалектического метода проходит через всю книгу Гросмана. Все разговоры о „ступенях абстракции“ у Маркса и о „системе координации“, стремление выключить все противоречия, чтобы получить одну единственную „движущую причину“ для всех явлений капитализма,—все это не имеет ничего общего с методом Маркса. Без диалектики нет марксистского метода!

Мимо всей теории Гросмана можно было бы просто пройти, пожав плечами, если бы он не постарался нагромождением цитат из Маркса создать такое впечатление, будто он интерпретирует марксистскую теорию, как ортодоксальный марксист. Это может сбить с толку. В самом деле, чтобы выдать свою собственную недиалектическую и немарксистскую теорию перенакопления как единственной движущей причины за теорию Маркса, Гросман не оста-

⁷ В предисловии Гросман старается оградить себя от подозрения в „чистом экономизме“: „Нет надобности,—говорит он,—тратить лишние слова по поводу связи между экономикой и политикой“. Тратить лишние слова, конечно, нет надобности, но экономика без классовой борьбы—не марксизм.

⁸ Напомним о том, что после мировой войны германская буржуазия отказалась (на короткое время) не только от накопления, но даже и от присвоения прибавочной стоимости, чтобы не раздражать охваченный революционным брожением пролетариат и выиграть таким образом время для восстановления распавшегося аппарата своей власти.

навливается перед грубыми фальсификациями: он в подтверждение своей теории цитирует фразы, сказанные Марксом в совсем другой связи, выпускает из цитат негодные ему фразы, не оговаривая этого,—словом он фальсифицирует Маркса. Поэтому приходится заняться его книгой подробно.

И, наконец, Гросман фальсифицирует самого себя, он выдает себя за единственного марксиста, высоко стоящего над толпою эпигонов и неогармонизаторов. Но он тщательно скрывает свое политическое лицо! В своей книге он ни разу не высказывается за диктатуру пролетариата, ни разу не говорит о необходимости вооруженной борьбы с буржуазией, ни разу не становится на сторону Советского Союза. Но именно эти вопросы и составляют сейчас водораздел между подлинными марксистами и теми предателями, которые защищают капитализм под маской марксистской фразеологии. Гросман молчит. Мы не узнаем, считает ли он нынешний строй в Советском Союзе началом строящегося социализма или, вместе с Каутским,—примитивным, плохим капитализмом. Но для марксиста, непозволительно молчать, непозволительно скрывать свое политическое лицо! Он должен говорить, хотя бы с риском лишиться из-за этого профессорской кафедры в Франкфуртском университете! *Hic Rhodus, hic salta!*

II. ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ ГРОСМАНА О НЕПРАВИЛЬНОСТИ БАУЭРОВСКОЙ СХЕМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА

Ядро всей книги Гросмана составляет его открытие, что схема О. Бауэра (поскольку он ставил себе целью доказать возможность бескризисного хода капиталистического воспроизводства) ошибочна. Накопление не может непрерывно продолжаться по бауэровской схеме: после некоторого времени наступает „крушение“ в результате „перенакопления“, присваиваемой прибавочной стоимости не хватает, чтобы в рамках строго предписанного темпа накопления поддерживать существование капиталистов и рабочих; сначала капиталисты должны отказаться от всякого потребления, потом *m* оказывается недостаточным для получения из него *v*, т. е. потребного переменного капитала; отсюда огромная безработица в результате перенакопления и — крушение. Но прежде чем развитие могло бы дойти до крушения, периодически наступает вследствие перенакопления капитала кризис, который посредством уничтожения капитала и т. д. уменьшает перенакопление и отдалает катастрофу. На главный вопрос (с. 93): „Может ли накопление продолжаться безгранично без приостановки процесса воспроизводства, т. е. — с капиталистической точки зрения — процесса увеличения стоимости капитала?“ — приходится таким образом дать отрицательный ответ, потому что требуемое для этого О. Бауэром условие не может осуществиться в силу его же собственной схемы. Условие это гласит:

„Это состояние равновесия между накоплением и приростом населения возможно однако только тогда, когда норма накопления поднимается так быстро, что, несмотря на рост органического состава капитала, переменный капитал растет так же быстро, как народонаселение“⁹.

⁹ O. Bauer; Die Akkumulation des Kapitals, „Neue Zeit“, 1913, S. 869.

Но, как показывает дальнейшее развитие бауэровской схемы, норма накопления ни в коем случае не может подниматься так быстро. Отсюда неизбежность крушения.

Прежде чем остановиться подробнее на схеме Бауэра—Гросмана, заметим только, что оба они ставят вопрос недиалектически. Если Маркс рассматривает циклический ход производственного процесса, периодическое повторение кризисов, в которых имманентные противоречия получают временное, насильственное разрешение как неизбежное следствие из внутренних законов движения капитализма на всех стадиях его развития, то О. Бауэр—гармонизирует будущее, а Гросман—гармонизирует прошлое. О. Бауэр полагает, что своей схемой он доказал возможность беспрепятственного, бескризисного продолжения капиталистического производства в будущем. Гросман, объясняющий кризисы исключительно перенакоплением, поневоле должен принять такой период в истории капитализма, когда перенакопления еще не было, а потому не могло быть и кризисов; иначе ему пришлось бы сделать совершенно несуразное предположение, что капиталистический способ производства начался с перенакопления капитала. Как бы Гросман ни смотрел сверху вниз на неогармонизаторов, сам он, будучи чужд всякой диалектике, принципиально остается гармонизатором!

Но перейдем к схеме Отто Бауэра.

Схема Отто Бауэра имеет, как известно, следующую форму¹⁰:

	c	v	k	a _c	a _v	Стоимость годовой продукции	Потребление капиталистов в % от прибавочной стоимости	Норма накопления a _c — a _v в % от приб. стоимости	Норма прибыли $\frac{k + a_c + a_v}{c + v}$
1-й год	I	120 000 +	50 000 +	37 500 +	10 000 +	2 500 =	220 000	75	25
	II	8 000 +	50 000 +	37 500 +	10 000 +	2 500 =	180 000	75	25
2-й год	I	200 000 +	100 000 +	75 000 +	20 000 +	5 000 =	400 000	75	25
	II	134 666 +	53 667 +	39 740 +	11 244 +	2 683 =	242 000	74,05	25,95
3-й год	I	151 048 +	57 576 +	42 070 +	12 638 +	2 868 =	266 200	73,04	26,96
	II	90 952 +	52 674 +	38 469 +	11 562 +	2 643 =	196 300	73,04	26,96
4-й год	I	242 000 +	110 250 +	80 539 +	24 200 +	5 511 =	462 500	73,04	26,96
	II	169 124 +	61 738 +	44 465 +	14 186 +	3 087 =	292 000	72,02	27,98
		96 876 +	54 024 +	38 909 +	12 414 +	2 701 =	204 924	72,02	27,98
		266 000 +	115 762 +	83 374 +	26 600 +	5 788 =	497 524	72,02	27,98
									30,3%

¹⁰ c = постоянный капитал
 v = переменный “
 k = потребляемая капиталистами прибавочная стоимость
 a_c = накопление постоянного капитала (у Бауэра — α)
 a_v = “ переменного (“ ” — β)

Предполагается, что весь постоянный капитал общества оборачивается раз в году.

Все как будто идет вполне благополучно, но великое открытие Гросмана в том и состоит, что эту схему нельзя продолжать безгранично. Выражаясь математически, он утверждает, что кривая бауэровской схемы не сплошная линия, а линия с точками разрыва.

Проследившая дальше бауэровскую схему, Гросман исходит из той предпосылки, что:

.....процесс воспроизводства рассматривается сначала только со стоимостной стороны (т. е. Гросман выключает диспропорцию между I и II!), и анализ сознательно ведется в предположении условий, благоприятных для существования капитализма, т. е. в предположении равновесия между производством и сбытом¹¹.

Схема Бауэра—Гросмана имеет следующий вид:

	c	v	k	a _c	a _r	Стоимость годов. про- дукции	Потребление капитали- стов в % от прибавоч- ной стоимости	Норма накопления a _c —a _r в % от приб. стоимости	Норма при- роста $\frac{c + a_c + a_r}{c + v}$
1-й год	200 000	+ 100 000	+ 75 000	+ 20 000	+ 5 000	= 535 700	75	25	33,0
5-й "	242 600	+ 121 000	+ 86 213	+ 29 260	+ 6 077	= 535 700	70,93	29,07	29,3
10-й "	471 234	+ 155 130	+ 100 251	+ 47 123	+ 7 756	= 781 494	64,63	35,37	24,7
20-й "	1 222 252	+ 252 691	+ 117 832	+ 122 225	+ 12 634	= 1 727 634	46,63	53,37	17,1
30-й "	3 170 200	+ 411 602	+ 73 822	+ 317 200	+ 20 580	= 3 993 404	17,97	82,03	11,5
35-й "	5 105 637	+ 525 319	+ 0	+ 510 563	+ 14 756	= 6 156 275	0	104,61(1)	9,3
							требуется 26 265 дефицит: 11 509		
	а) наличный капитал 5 616 200		а) наличное население 551 584						
	б) функционир. капитал		б) самостоятельное население						
	5 499 015 ¹²	+ 540 075	+ 0	+ 540 075	+ 0	= 6 696 350	0	109,35(1)	8,7
	в) избыток капитала 117 185		в) резервная армия 11 509			требуется 561 620 дефицит 21 545	требуется 27 003 дефицит 27 003		

Гросман в таком восторге от своего открытия, что высчитанное им на многотерпеливой бумаге „крушение“ он уже прямо берет как конкретный факт:

„Уже в следующем 35-м году исчезает к-тая часть прибавочной стоимости, т. е. у класса капиталистов не остается средств

¹¹ С. 105, прим. 58.

¹² 5 616 200: 551 584 = 5 499 015: 540 075

для личного потребления, все наличные средства существования должны (!) пойти на цели накопления, и все же получается дефицит этих средств в 11 508 а_р. Система терпит крушение, наступающий кризис выражает собою крах увеличения ее стоимости (чьей стоимости? — Очевидно, капитала!). Начиная с 35-го года, всякое дальнейшее накопление капитала потеряло бы для капиталистов при указанных предпосылках всякий смысл. Предпринимателям пришлось бы взять на себя труд производства производственной системой, все плоды которой доставались бы исключительно рабочему классу. Уже в 35-м году возросший капитал не мог бы дать достаточно большой прибыли, чтобы обеспечить предпринимателям нужную им для потребления «*к-тую часть*» (с. 121).

В результате этого перенакопления возникают кризисы, экспорт капитала, империализм. Таков подлинный смысл марксовской теории крушения, к развитию которой сам Маркс, правда, „приступил“, но реконструировать которую удалось впервые лишь Гросману. И затем начинается нескончаемое нагромождение цитат из всех произведений Маркса с целью доказать читателю, что эта гросмановская теория крушения действительно имеет у Маркса. Чтобы доказать это, Гросман не останавливается перед грубыми искажениями, вырывая отдельные фразы, сказанные Марксом в совершенно другой связи, и приводя их в качестве доказательств (этот прием облегчается для него тем, что тенденцию нормы прибыли к понижению в связи с повышением органического состава капитала—этот, если отвлечься от кризисов, по существу непрерывный процесс — он смешивает в одну кучу с невозможностью увеличения стоимости капитала вследствие перенакопления, с „крушением“ капитализма). Приведем несколько наиболее ярких примеров этих искажений.

На с. 79—80 Гросман приводит из „Капитала“ (т. III, ч. 1, с. 222) следующие слова Маркса в подтверждение своей теории:

„Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к крушению, если бы наряду с центростремительной силой не влияли постоянно снова децентрализующим образом противодействующие тенденции“.

Заглянем-ка в подлинный текст „Капитала“. Мы найдем, прежде всего, что слова „привел бы к крушению“ подчеркнуты Гросманом, а не Марксом, о чем Гросман умалчивает. Такое умалчение вообще недопустимо по отношению к любому автору, по отношению же к Марксу, который, как известно, был в своих печатных произведениях чрезвычайно скуп на подчеркивания, оно недопустимо вдвое! Весь абзац, заключительную фразу которого Гросман цитирует здесь в подкрепление своей попытки подsunуть Марксу свою собственную теорию крушения, занимается—в форме полемики с „попом Чомерсом“—вопросом о росте массы прибыли при падении нормы прибыли и заканчивается следующими словами:

„Впрочем ведь масса прибыли даже при меньшей норме возрастает вместе с величиной затраченного капитала. Однако это в то же время обуславливает концентрацию капитала, так как теперь условия производства требуют применения массового капитала. Это обуславливает также централизацию капитала, т. е. поглощение мелких капиталистов крупными и утрату первыми своих капиталов. Это опять-таки является отделением, хотя лишь вторичного порядка, условий труда от производителей, к числу которых все еще отно-

сятся эти мелкие капиталисты, так как у них собственный труд еще играет известную роль; труд капиталиста вообще находится в обратном отношении к величине его капитала, т. е. к той степени, в какой он является капиталистом. Это—все то же отделение условий труда, с одной стороны, и производителей—с другой, лежащее в основе понятия капитал, начинающееся с первоначальным накоплением (кн. 1. гл. XXIV), затем проявляющееся как постоянный процесс в накоплении и концентрации капитала и, наконец, находящее себе здесь выражение как централизация уже имеющихся капиталов в немногих руках и как утрата капиталов многими капиталистами (такую форму принимает теперь экспроприация). Этот процесс скоро привел бы капиталистическое производство к крушению, если бы наряду с центростремительной силой не влияли постоянно снова децентрализующим способом противодействующие тенденции“.

Каждому читателю должно быть ясно, что выражение „этот процесс“ означает здесь не „чисто экономическое крушение“ Гросмана, наступающее в результате перенакопления, а экономический и социальный процесс концентрации капитала в очень немногочисленных руках—процесс, который углубляет периодические кризисы, обостряя периодически повторяющуюся диспропорцию между производством отделов I и II, но вместе с тем быстро сокращает число заинтересованных лиц, стремительно суживает социальную базу капитализма и таким путем „привел бы капиталистическое производство к крушению, если бы... не влияли постоянно снова децентрализующим способом противодействующие тенденции“. Приводить эти слова Маркса, вырвав их из общей связи, в доказательство теории Гросмана значит попросту заниматься фальсификацией. И подобных фальсификаций мы найдем у Гросмана бесчисленное множество.

Но вернемся к бауэр—гросмановской схеме накопления. Не надо быть великим математиком, чтобы обнаружить, что бауэровская схема—и всякая схема, построенная аналогичным способом,—неизбежно должна рано или поздно привести к „моменту крушения“!

В самом деле: прибавочная стоимость m , из которой черпаются k , a_c и a_p , всегда равна v , ибо норма прибавочной стоимости неизменно составляет 100%. Но так как ряд a_c ничего не дающий для увеличения прибавочной стоимости, ежегодно возрастает на 10% от c (от имеющегося в данный момент постоянного капитала), тогда как v , от роста которого зависит увеличение m , возрастает лишь на 5% от имеющегося переменного капитала,—то, каковы бы ни были начальные цифры, неизбежно должен наступить момент, когда прибавочной стоимости m уже не будет хватать для продолжения накопления в прежнем темпе¹³. (Да и вполне естественно, что если, при распределении наличного m , a_c берется как независимый вариант, а a_p и k как зависимые варианты, то сначала должно исчезнуть k —капиталистам приходится отказаться от всякого потребления, чтобы иметь возможность накоплять,—а потом a_p должно стать недостаточным для 5% дотирования v).

¹³ Ряд членов, возрастающих на 10 сложных процентов, непременно должен (если первый член есть число положительное) стать после математически исчисленного, хотя может быть и очень длинного периода, больше, чем ряд членов, возрастающих на 5 сложных процентов, как бы ни был велик первый член этого последнего ряда. Поэтому 10% повышение постоянного капитала не может продолжаться беспрестанно при лишь 5% повышении переменного капитала!

С другой стороны, раз схема построена, подобно бауэр—гросмановской, так, что норма накопления все время поднимается, т. е. что остающаяся капиталистам для их собственного потребления часть k все время убывает, то само собой понятно, что в определенный момент k должно исчезнуть.

Теперь спрашивается: соответствует ли схема Бауэр—Гросмана учению Маркса или же она находится в противоречии с ним? Мы утверждаем, что она ему противоречит, и именно в следующих двух главных пунктах:

1. Учению Маркса противоречит допущение быстрого роста органического состава капитала (схема принимает начальное отношение $c:v$ равным 2:1, через десять лет оно уже равно 3:1, через двадцать лет—5:1, через тридцать лет—7:1) при одновременном фиксировании нормы прибавочной стоимости на неизменном уровне в 100%. Повышение органического состава капитала означает рост производительности труда и, следовательно, уменьшение общественно-необходимого рабочего времени, приходящегося на единицу продукта,—или, в денежном выражении, уменьшение себестоимости единицы товара. Необходимое условие для повышения органического состава отдельного капитала (а совокупный общественный капитал есть сумма этих отдельных капиталов) в том и состоит, что отдельный капиталист вводит новые методы производства, почти всегда означающие повышение органического состава его капитала, и таким образом получает возможность производить товар дешевле, чем прежде.

При обобщении на совокупный общественный капитал это означает, что доля рабочего времени, содержащаяся в средствах существования рабочих, сокращается, а тем самым сокращается необходимый труд и возрастает труд прибавочный, т. е. повышается норма прибавочной стоимости. Схема Бауэр—Гросмана противоречит таким образом основным учениям Маркса¹⁴. Если бы высота нормы прибавочной стоимости оставалась неизменной, несмотря на рост производительности труда, то это означало бы столь же быстрое повышение жизненного уровня пролетариата, что решительно противоречит теории Маркса о движении заработной платы при прогрессирующем накоплении.

2. Бауэр и Гросман ошибаются, принимая повышение нормы накопления, т. е. предполагая, что класс капиталистов потребляет все уменьшающуюся долю присваиваемой им прибавочной стоимости. Гросман пытается доказать цитатами против Будина¹⁵, что именно таков взгляд Маркса, прибегая при этом к прямо-таки неслыханной фальсификации. Он цитирует из „Капитала“ (т. III., ч. 1, с. 216) следующие слова:

„Понижение нормы прибыли и ускоренное накопление являются постол... лишь различным выражением одного и того же процесса“. Сравнившись в оригинале, мы находим, что речь идет там не о норме накопления, как хочет представить Гросман, а о массе вновь накопленного капитала. А в конце абзаца, начало которого Гросман цитирует в подтверждение своего взгляда, определенной образом высказано прямо обратное тому, что он утверждает:

¹⁴ Гросман отмечает это противоречие, но не останавливается на нем.

¹⁵ С. 120, прим. 79.

.....Путем экспроприации мелких капиталистов, путем экспроприации последних остатков непосредственных производителей, у которых остается еще что-нибудь экспроприровать... ускоряется накопление, рассматриваемое со стороны массы, хотя с понижением нормы прибыли понижается и норма накопления" (подчеркнуто нами). Как мы видим, Маркс ясно высказывает здесь обратное тому, в доказательство чего Гросман рещается цитировать вырванную из контекста фразу, стоящую в начале того же абзаца! Гросман уверен, очевидно, что не только он один понял Маркса, но что кроме него никто даже не знает текста „Капитала“!

Построение бауэр—гросмановской схемы, по которой норма накопления повышается в 34 года с 25% до 99,5%, противоречит учению Маркса, который принимает, что параллельно с падением нормы прибыли падает и норма накопления! Никогда бы Маркс не дошел до сумасшедшей мысли, что класс капиталистов в целом откажется в интересах накопления от потребления, несмотря на имеющуюся в его руках огромную массу прибыли. Тем более не имеет права допускать это Гросман, поскольку у него конкуренция распространяется не на весь капитализм, а начинает действовать лишь в результате перенакопления! При такой предпосылке рещительно непонятно, почему отдельным капиталистам нужно во что бы то ни стало перенакапливать за счет своего потребления, раз у них отсутствует мотив страха перед конкурентами. Что касается Ленна, то он усматривает как раз в уменьшении подлинного накопления производительного капитала, в остановке технического прогресса, в преобладании ссудного капитала главные элементы империалистического загнивания—оиять-таки в полном противоречии с Гросманом!

Если внести два эти момента, в которых Гросман противоречит Марксу, в бауэр—гросмановскую схему—во-первых, повышение нормы прибавочной стоимости в соответствии с повышенным органического состава капитала и, во-вторых, падение нормы накопления вместо ее подъема, — то отличительная особенность гросмановской конструкции, т. е. „крушение“ увеличения стоимости уже при норме прибыли в 10%, тотчас же отпадет. Правильная схема показала бы, в соответствии с учением Маркса, что норма прибыли падает (в тенденции до нуля) вплоть до того момента, когда исчезает „стимул“ к дальнейшему накоплению, но она представила бы, разумеется, это падение не как плавный, гармонически протекающий процесс, а в форме периодически повторяющихся кризисов, в которых противоречия капитализма временно получают насильственное разрешение. При правильном марксистском построении схемы мы имели бы, конечно, не „чисто экономическое крушение“, а совокупность экономических, социальных и политических условий, приводящих к остро революционной ситуации...

Построение „правильной“ схемы не представило бы никаких затруднений; но мы считаем такое построение излишним, ибо для нас всех схемы являются только приблизительными иллюстрациями гораздо более сложного процесса воспроизводства. Не следует думать вместе с Бауэром, Гильфердингом и др., что одной пропорциональности между I и II отделами уже было бы достаточно для бескри-

зисного развертывания этого процесса. Предпосылки бескризисного хода капиталистического воспроизводства составили бы бесконечный ряд, который никогда не может быть осуществлен в действительности!

III. ГРОСМАНОВСКАЯ СХЕМА КРУШЕНИЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Мы видели, что Гросман совершенно не пытается проверить правильность своей схемы на действительных фактах падения капитализма в России и Венгрии. Не делает он также попытки сличить свою схему с капиталистической действительностью¹⁶. Попробуем сделать это за него.

Бауэр принимает совершенно произвольно прирост народонаселения в 5⁰/₁₀₀. Он мог это сделать, потому что своей схемой он имел только в виду иллюстрировать свою аргументацию против теории Розы Люксембург о невозможности реализации капитала при чистом капитализме. Но Гросман, который делает из этой схемы конкретно-исторические выводы относительно прошлого и будущего капиталистической системы, не имеет права исходить из такого предположения!

Избыток рождаемости над смертностью выразился за последний год (на этот счет имеются статистические данные)¹⁷ в следующих процентных долях.

Германия	Бельгия	Англия	Франция	Италия	Польша	Япония
0,64	0,57	0,44	0,16	1,09	1,39	1,70
		САСШ	Бр. Индия			
		0,96	0,89			

Только в СССР и некоторых совсем незначительных мелких странах избыток рождений превосходит 2⁰/₁₀₀; во всех крупных капиталистических странах, за исключением Польши, Японии и Италии, этот избыток меньше 1⁰/₁₀₀. Средней цифры для всего мира у нас нет; но ясно, что она должна равняться приблизительно 1⁰/₁₀₀. И поэтому в схеме, которая берется не как простая иллюстрация законов движения капитализма, а как основа для конкретно исторических выводов, нельзя подставлять, вместо реальной цифры прироста народонаселения в 1⁰/₁₀₀, произвольную цифру в 5⁰/₁₀₀!

Столь же нереально предположение о годовом приросте постоянного капитала всего капиталистического общества в 10⁰/₁₀₀, как это принимает бауэр—гросмановская схема. Это приводит к фантастическому выводу, что за 35 лет капитал увеличился в 25 раз! Достаточно вспомнить о цифрах промышленной переписи в различных

¹⁶ С полным непониманием диалектического характера марковского метода он ищет (с. 163):

„Марков способ доказательства имеет характер дедукции... По поводу таких дедукций Опенгеймер превосходно говорит: „Никакая ссылка на опыт тут недопустима. Дедукция не подтверждается тем, что ее вывод не согласуется с опытом“.

Таков, по мнению Гросмана, метод Маркса! Конечно, формальная правильность дедуктивного доказательства не подтверждается тем, что результат согласуется с опытом; но если результат дедукции не совпадает с опытом в научном смысле этого слова, то ясно, что дедукция неправильна.

¹⁷ Statist. Jahrbuch für das Deutsche Reich, 1929 (Международные обзоры, с. II).

странах, чтобы убедиться, что подобный рост постоянного капитала находится в кричащем противоречии с действительностью¹⁸!

Абстрактно-теоретически Гросман конечно прав в следующем своем рассуждении, если только толковать это рассуждение в марксистском смысле:

„Пока для всего народного хозяйства накопление капитала происходит быстрее, чем прирост народонаселения,—а постоянное восхождение ко все более высокому составу капитала является на капиталистической базе предпосылкой, необходимой вытекающей из всей системы,—до тех пор в процессе накопления капитала неизбежно наступление момента, когда увеличение стоимости станет недостаточным, когда необходимо должно будет появиться абсолютное перенакопление. Избежать его на капиталистической базе можно было бы только в том случае, если бы накопление шло тем же темпом, что и прирост народонаселения. Но на капиталистической базе это было бы равносильно отказу от технического прогресса“ (с. 147).

Если под выражением „недостаточное увеличение стоимости“ Гросман понимает тенденцию нормы прибыли к понижению, тенденцию, которая приближает эту норму (преодолевая противоположные тенденции) к предельному значению 0 и приводит к „притуплению стимула“ к дальнейшему накоплению,—то его рассуждение совершенно правильно; правда в таком случае он только повторяет уже сказанное Марксом. Если он говорит о перенакоплении в этом смысле, то при условии достаточно долгого сохранения капиталистического способа производства такое перенакопление действительно должно было бы наступить. Но если он толкует приведенные положения в своем смысле, если он предвидит „крушение“ из-за перенакопления уже при норме прибыли в 10%,—то он решительно неправ. Если взять (как мы разъяснили выше) правильную схему, с параллельным ростом производительности повышением нормы эксплуатации, с падающей нормой накопления, с соответствующими действительности цифрами для прироста народонаселения и увеличения постоянного капитала; если включить, далее, и те противодействующие тенденции, которые замедляют падение нормы прибыли,—то окажется, что для достижения такой низкой нормы прибыли, „при которой увеличение стоимости становится недостаточным“, потребовалось бы не 35 лет (как высчитывает Гросман, принимая за исход-

¹⁸ Капитал американской промышленности (несомненно той промышленности, в которой постоянный капитал увеличивается быстрее, чем где бы то ни было) развивался следующим образом:

	1879	1889	1899	1909	1914	(в млрд. долл.)
Капитал	2,8	6,5	9,8	18,4	22,7	увелч. в 8 раз
Зар. плата	0,9	1,9	2,0	3,4	4,1	„ в 4½ раза

Эти данные представляют собою, по указанию самого отчета (Biennial Census of Manufactures 1925), лишь „грубые приближения“ („rough approximations only“). Можно считать с уверенностью, что в стоимость зданий включена цена застроенной площади (капитализированная рента с площади застройки), так что указанные суммы взяты сильно преувеличенными. Но во всяком случае и здесь, при наибольшем накоплении капитала, он увеличился через 35 лет только в 8 раз, а не в 25, как выходит по схеме Гросмана! Как же обстоит дело, если взять народное хозяйство Америки в целом, не говоря уже о хозяйстве всего капиталистического мира?

ный пункт уже очень высокий органический состав капитала 2:1), а потребовалось бы время, в несколько раз превышающее продолжительность всей жизни капитализма в России! С одной стороны, мы видим, что капитализм фактически рухнул в России раньше, чем вообще могла быть речь о перенакоплении. А с другой стороны, в своем стремлении объяснить кризис капитализма из одного только перенакопления Гросман вынужден принять наличие перенакопления уже в мануфактурный период. Но так как, согласно его схеме, перенакопление наступает только при исключительно высоком органическом составе капитала (уменьшение κ -той части начинается по схеме при органическом составе в 5:1!), а о таком составе в столь ранние периоды не может быть и речи,—то тем самым доказана полнейшая ошибочность умозаключений, сделанных Гросманом от бауэровской схемы к действительности.

IV. НЕПРАВИЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ГРОСМАНА О КРИЗИСАХ

Предлагаемая Гросманом теория кризисов очень проста. Если отвлечься от его полемических выпадов против буржуазных теорий и против общего всем марксистам (в том числе и Энгельсу) истолкования марксовой теории кризисов и если оставить в стороне его обыкновение играть различными схемами¹⁹, то получится следующий результат:

Кризис наступает—независимо от всякой диспропорции—как следствие перенакопления капитала в форме „недостаточного увеличения стоимости“, причем последнее выражение означает, что эксплуатируемого населения недостаточно (в предположении неизменности нормы прибавочной стоимости) для получения такого количества прибавочной стоимости, из которого можно было бы извлечь предусматриваемую схемой дальнейших накоплений капитала. Когда накопление достигло той точки, в которой κ (часть прибавочной стоимости, индивидуально потребляемая капиталистами) начинает исчезать, тогда наступает поворот в сторону кризиса. „Кризис есть таким образом прерванная и не достигшая полного выявления тенденция к крушению“ (с. 290). Наступление поворота в сторону кризиса зависит (с. 225):

- „1) от высоты органического состава капитала,
- 2) от величины прибавочной стоимости,
- 3) от высоты нормы накопления a_c ,
- 4) от высоты нормы накопления a_v “.

„Когда эти элементы системы известны, можно предучесть продолжительность процесса накопления и время окончательного краха“.

¹⁹ Вот один юмористический пример этой игры. Так как Гросман никогда не проверяет свои числовые примеры на действительных фактах и даже принципиально отклоняет такую проверку, то он берет (с. 216) за исходный пункт органический состав капитала в 200 000 с и 25 000 ч. Сделаем один только шаг дальше и вместо 25 000 ч возьмем 20 000 ч, т. е. примем органический состав в 10:1,— и получится, что схема не сможет даже начать функционировать, ибо при норме прибавочной стоимости в 10% прибавочной стоимости нехватит бы в первый же год на покрытие a_c . Капиталистам и рабочим пришлось бы голодать.

Самый кризис, создавая тенденции, идущие в разрез с тенденцией нормы прибыли к понижению (уничтожение постоянного капитала, снижение заработной платы и вытекающее отсюда повышение нормы прибавочной стоимости и т. д.), восстанавливает возможность увеличения стоимости на некоторое „поддающееся учету“ время, но затем снова автоматически ведет к „крушению“, к новому кризису.

В остальной части своей объемистой книги Гросман пытается показать:

а) что именно в этом истинный смысл рассуждений Маркса о „кризисах при чистом капитализме“ и

б) что симптоматика кризисов, как она излагается буржуазными исследователями конъюнктурных циклов, приобретает смысл только в свете гросмановского толкования.

В противоположность этому мы теперь покажем:

1. что гросмановская теория кризисов противоречит взглядам Маркса и Ленина;

2. что цитаты, приводимые Гросманом из Маркса, относятся не к реальному капитализму, а к предположенному Марксом нереальному случаю абсолютного перенакопления;

3. что гросмановская теория кризисов не годится для объяснения действительных кризисов.

Начнем с первого пункта. Маркс считает, что возможность кризисов дана уже самим фактом товарного хозяйства—тем, что владелец денег не обязан непременно тратить свои деньги на покупку товаров, так что процесс обращения $T-D-T$ всегда может быть прерван. Далее, на более высокой ступени, возможность кризисов вытекает из того обстоятельства, что деньги могут функционировать в качестве платежного средства, что цена платежей может быть прервана, откуда может возникнуть кредитный, а затем и общий кризис.

Маркс решительно против той мысли, будто при капиталистическом способе производства дана лишь возможность кризисов, так что „самое их наступление случайно“²⁰ („Теории прибавочной стоимости“, т. II, ч. 2, с. 180). До сих пор между Марксом и Гросманом никакого противоречия нет.

Это противоречие начинается при объяснении необходимости кризисов. Гросман знает только конструированный им крах увеличения стоимости в результате перенакопления: для него существует только стоимостная форма. Он хочет объяснить кризисы, исходя из предпосылки, что нет проблемы реализации, проблемы обмена между отделами I и II. Что процесс перенакопления необходимо должен вызвать диспропорцию между отделами I и II, являющуюся основой периодических кризисов; что ограниченная потребительная способность масс должна явиться одним из элементов этой диспропорции,—все это отклоняется Гросманом как нечто несуществующее или второстепенное, в явном противоречии со взглядами Маркса и Ленина.

²⁰ „Общая абстрактная возможность кризиса есть не что иное, как самая абстрактная форма кризиса, без содержания, без обладающего известным содержанием мотива его. Продажа и купля могут распадаться. Они представляют, следовательно, кризис in potentia...“ „Но то, благодаря чему эта возможность кризиса становится кризисом, не содержится в самой этой форме...“ („Теории прибавочной стоимости“, т. II, ч. 2, с. 177).

Мы напомним читателю то место из „Капитала“, в котором Маркс лучше всего резюмирует свои взгляды на проблему кризисов:

„Условия непосредственной эксплуатации и условия ее реализации не тождественны. Они не совпадают не только по месту и времени, но и в понятии. Первые ограничены только производительной силой общества, вторые — пропорциональностью различных отраслей производства и потребительной силой общества. Но эта последняя определяется не абсолютной производительной силой и не абсолютной потребительной способностью, но потребительной способностью на основе антагонистических отношений распределения, которые сводят потребление огромной массы общества к минимуму, изменяющемуся лишь в более или менее узких границах. Она ограничена далее стремлением к накоплению, стремлением к увеличению капитала и к производству прибавочной стоимости в расширяющемся масштабе. Таков закон капиталистического производства, диктуемый постоянными революциями в самых методах производства, обесценением имеющегося капитала, постоянно сопровождающим такие перемены, всеобщей конкурентной борьбой, необходимостью совершенствовать производство и расширять его размеры ради одного только сохранения и под угрозой гибели. Поэтому рынок должен постоянно расширяться, так что взаимозависимость рыночных отношений и определяющие ее условия все более принимают характер независимого от производителей естественного закона и все менее поддаются контролю. Внутреннее противоречие стремится найти себе разрешение в расширении внешнего поля производства. Но чем больше развивается производительная сила, тем более впадает она в противоречие с тем узким базисом, на котором покоится потребление“ („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 220).

Совершенно таков же взгляд Ленина:

„... несистематическое производство избыточного продукта (кризисы) неизбежно в капиталистическом обществе вследствие нарушения пропорциональности между разными отраслями промышленности. А известное состояние потребления есть один из элементов пропорциональности“²¹.

Что сказал бы на это Гросман? Он заявил бы, конечно, что это не „самая абстрактная“ ступень объяснения у Маркса (!)²² и что во-

²¹ Ленин, Собр. сочинений, т. II, Ответ Г. П. Нежданову, с. 498.

²² Гросман прямо заявляет (с. 291), цитируя Маркса:

„Увеличение стоимости прекращается. В периоды кризиса... норма прибыли, а вместе с ней и спрос на промышленный капитал почти совершенно исчезают“ („Капитал“, т. III, ч. 2, с. 50). Невозможность сбыта товаров, перепроизводство, есть только следствие недостаточного увеличения стоимости, наступающего с перенасыщением. Не диспропорция между расширением производства и недостатком покупательной силы, не недостаток потребителей вызывает этот кризис“.

И здесь тот же излюбленный Гросманом прием цитирования. Маркс говорит: увеличение стоимости прекращается „в периоды кризиса“ (т. е. как момент, как элемент кризиса); Гросман, не задумываясь, превращает это в единственную причину кризиса и изображает дело так, словно таков же и взгляд Маркса! Внимательное рассмотрение приведенной цитаты показывает, что Маркс говорит здесь вовсе не о причинах кризиса, а о том, что во время кризиса спрос на ссудный капитал (как на платежное средство) и спрос на промышленный капитал развиваются противоположным образом.

Таково же заявление Гросмана на с. 309:

„Результат нашего анализа сводится к следующему: в момент кризиса было налицо „перепроизводство“. Чем был вызван поворот к подъему? Тем ли, что ограничили производство? Наоборот, оно подверглось дальнейшему расширению! И тем

обще имеющийся текст II и III томов „Капитала“ неправильно реконструирован Энгельсом²³¹. Мы однако продолжаем стоять на том, что Энгельс понимал учение Маркса по меньшей мере не хуже Гросмана и что нет никакой надобности в ревизии текста II и III томов „Капитала“ в grosмановском духе. А в таком случае противоречие между grosмановской теорией кризисов, основанной исключительно на стоимостной форме товаров и объясняющей периодические кризисы схематически конструированным перенакоплением капитала, и теорией Маркса, Энгельса и Ленина, охватывающей воедино стоимостную и натуральную форму товаров (диспропорция между I и II отделами как следствие накопления) и выдвигающей как центр понятие „ограниченной потребительной способности общества при антагонистических отношениях распределения в противоположность стремлению капиталистического производства к безграничной экспансии“,—это противоречие не подлежит ни малейшему сомнению.

Пункт второй. Как же обстоит дело с цитатами из Маркса, с помощью которых Гросман пытается доказать, что его теория и есть подлинная теория кризисов самого Маркса?

Выше мы уже имели случай познакомить читателя с grosмановскими приемами цитирования. Теперь мы должны еще раз вернуться к этому. Цитаты, приводимые Гросманом из Маркса, взяты главным образом из третьего отдела III тома („Закон тенденции нормы прибыли к понижению“), именно из подотдела 15 главы, озаглавленного „избыток капитала при избытке населения“. Маркс начинает здесь с проблемы „изобилия капитала“ и поясняет, что речь будет идти об избытке мелких капиталов,

„для которых понижение нормы прибыли не уравновешивается ее массой, или об изобилии таких капиталов, которые, будучи сами по себе недостаточны для самостоятельных действий, предоставляются в форме кредита в распоряжение руководителей крупных отраслей предприятий“ („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 226).

Речь идет здесь таким образом о перенакоплении капиталов, которые в отдельности недостаточно крупны, чтобы их можно было с успехом самостоятельно пустить в производство. Затем Маркс ставит вопрос: „В каком случае перепроизводство капитала было бы абсолютно?“ и отвечает на него так:

„Перепроизводство капитала было бы абсолютным в том случае, если бы дополнительный капитал для целей капиталистического производства был = 0. Но целью капиталистического производства является увеличение стоимости капитала, т. е. присвоение прибавочного труда, производство прибавочной стоимости, прибыли. Следовательно, если бы капитал возрос по сравнению с рабочим населением настолько, что нельзя было бы ни удлинить абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни расширить относительное прибавочное рабочее время (последнее помимо того было бы невыполнимо при таких обстоятельствах, когда спрос на труд столь значителен, следовательно, когда существует тенденция к повышению заработной платы); т. е. если бы возросший капитал производил лишь

не менее кризис изжит. Это убедительнее всего доказывает, что причина кризиса не в недостатке покупательной силы, не в отсутствии потребителей, а равно и не в диспропорции между различными сферами производства“.

²³¹ См. его главу „Причины непонимания марксовской теории накопления и кризиса“, с. 190 и др.

такую же или даже меньшую массу прибавочной стоимости, чем до своего увеличения, то оказалось бы абсолютное перепроизводство капитала, т. е. возросший капитал $\kappa + \Delta \kappa$ произвел бы прибыли не больше, или даже меньше, чем капитал κ до своего увеличения на $\Delta \kappa$. В обоих случаях произошло бы сильное и внезапное понижение общей нормы прибыли, но на этот раз вследствие такой перемены в составе капитала, причиной которой было бы не развитие производительной силы, но повышение денежной стоимости переменного капитала (вследствие повышения заработной платы) и соответствующее ему уменьшение отношения прибавочного труда к необходимому труду“ („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 233).

Как видим, Маркс понимает под перепроизводством капитала нечто совсем иное, чем Гросман. У Гросмана перенакопление означает такое состояние, при котором капитала слишком много в форме постоянного капитала и слишком мало в форме переменного капитала. Поэтому использование добавочного вновь накопленного капитала становится невозможным, несмотря на наличие свободной рабочей силы. У Маркса же перенакопление капитала означает состояние, при котором все наличные рабочие руки заняты без остатка, „не может быть увеличено ни абсолютное рабочее время... ни относительное прибавочное рабочее время“, так что дальнейшее помещение капитала уже не может увеличить массу прибавочной стоимости! У Гросмана речь идет об относительном перенакоплении: рабочую силу еще можно было бы эксплуатировать, прибавочную стоимость можно было бы повышать, но ввиду неправильно построенной схемы нет переменного капитала (на бумаге), хотя норма прибыли еще очень высока! У Маркса мы имеем подлинное перепроизводство капитала при данном числе рабочих и при норме эксплуатации, доведенной до предельной в данных условиях высоты. Гросман не замечает этого основоположного различия; он подставляет свою ошибочную конструкцию перенакопления капитала вместо ясного понятия перепроизводства капитала у Маркса. При таких обстоятельствах нельзя назвать иначе, как искажением (сознательным или бессознательным), прием Гросмана, когда он вырывает из дальнейших рассуждений Маркса в рассматриваемой главе отдельные фразы в подтверждение своей концепции перенакопления капитала.

Маркс описывает затем следствия, вытекающие из предположенного им абсолютного перепроизводства капитала: бездействие части капитала, падение нормы прибыли, сопровождаемое абсолютной убылью ее общей массы, ожесточеннейшую конкурентную борьбу нового типа между капиталами для решения вопроса, какие капиталы должны оставаться без употребления; восстановление равновесия посредством выключения и даже уничтожения капитала (с. 229) как в его натуральной форме в качестве средства производства, так и в стоимостной форме (падение товарных цен), нарушение процесса обращения, воспроизводства и, в результате, кризис. „Застой производства лишил бы работы часть рабочего класса и вследствие этого другую часть его, имеющую занятие, поставил бы в такие условия, при которых ей пришлось бы снести понижение заработной платы даже ниже среднего уровня,—обстоятельство, которое производит на капитал совершенно такое же действие, как если бы при средней за-

рабочей плате повысилась относительная или абсолютная прибавочная стоимость“ (с. 230).

Затем новые сберегающие труд машины, усовершенствованные методы труда, обесценение элементов постоянного капитала подготавливают возможность расширения производства в дальнейшем.

Ход мысли Маркса стало быть таков:

„Понижение степени эксплуатации ниже определенного пункта вызывает нарушения капиталистического процесса производства, приостановку его, кризисы, разрушение капитала. Нет никакого противоречия в том, что такое перепроизводство капитала с опровергается более или менее значительным относительным перенаселением... перенаселением рабочих, которым избыточный капитал не дает занятия... вследствие низкой нормы прибыли, которую они приносили бы при данной степени эксплуатации“ (с. 231—232, подчеркнуто нами—*Е. В.*).

Итак, первичным является падение нормы прибыли вследствие предположенного абсолютного перенакопления (полное отсутствие возможности увеличить массу прибавочной стоимости посредством использования большего количества капитала). В результате появляется избыток рабочего населения. У Гросмана же этот избыток возникает не в результате падения нормы прибыли и ее общей массы, вызванного тем, что присвоение прибавочной стоимости не может быть увеличено за отсутствием рабочих рук, а возникает он потому, что капитал распределен в неправильной пропорции между *c* и *v*. Абсолютного перепроизводства капитала нет налицо, ибо имеется свободная рабочая сила, которую можно было бы эксплуатировать, и следовательно массу прибавочной стоимости можно было бы увеличить; но кризис возникает (при норме прибыли в 17⁰/₁₀₀) потому, что вследствие неправильно построенной схемы получается диспропорция между *c* и *v*.

Мы видим, таким образом, что цитаты, выхваченные Гросманом из рассматриваемой главы „Капитала“ для доказательства того, что его теория кризисов есть правильная интерпретация марксова учения, не доказывают ровно ничего. Тем более, что Маркс, как это видно из текста нашей главы (даже по своей грамматической форме она выдержана в сослагательном наклонении), обсуждает только возможность абсолютного перенакопления, но вовсе не утверждает, что причиной кризисов является реальное абсолютное перенакопление капитала. Маркс не утверждает также, что формы внутреннего движения капиталистического способа производства неизбежно должны привести к этому предположенному „абсолютному перепроизводству капитала“: в своих дальнейших рассуждениях о реальных формах движения капитализма он исходит из падения нормы прибыли.

„Норма прибыли, т. е. относительное возрастание капитала, имеет важное значение главным образом для всех новых самостоятельно группирующихся ответвлений капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих уже и без того крупных капиталах, для которых масса прибыли уравновешивает ее норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон. Норма прибыли—это та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно произ-

водить с прибылью. Отсюда страх английских экономистов перед понижением нормы прибыли...

...Предел капиталистического способа производства обнаруживается: 1) в том, что развитие производительной силы труда создает в понижении нормы прибыли закон, превращающийся на известном пункте в препятствие для развития этого самого производства, в препятствие, которое может преодолеваться не иначе, как только кризисами“ („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 235, 234).

У Гросмана же „поворот в сторону кризиса“ наступает при норме прибыли в 17% и при добавочном рабочем населении, имеющемся для дальнейшей эксплуатации, в 5%. Это два принципиально различных понятия о перепроизводстве (перенакоплении) капитала, и если Гросман выхватывает цитаты из Маркса (почти все решающие цитаты взяты из рассмотренной главы) в подтверждение своей теории, что кризисы являются последствием перенакопления капитала в его смысле,—то это лишь беззастенчивое искажение взглядов Маркса.

Пункт третий. Непригодность теории Гросмана для объяснения действительных кризисов выясняется из следующего:

Периодические хозяйственные кризисы появляются с начала XIX века²⁴. Но было бы нелепо допустить уже в 1815 г. перенакопление капитала, т. е. допустить, что уже тогда был налицо такой высокий органический состав, при котором за недостатком переменного капитала стало бы невозможным продолжение расширенного производства и должен был бы наступить кризис.

Ограничимся только одним конкретным примером.

Органический состав капитала, несомненно, наиболее высок в американской крупной промышленности. На основании данных переписи от 1925 г. мы можем установить для органического состава капитала в американской промышленности следующие цифры:

	В млрд.	долл.
Сумма зар. платы = <i>v</i>		10,7
Стоимость сырья = оборотное <i>c</i>	35,9	
Стоимость машин (1922 г.) = основное <i>c</i>	15,8	
Зданья (по нашему подсчету) = <i>c</i>	10,0	61,7
<i>c</i> : <i>v</i> = 6 : 1 (приблизительно).		

При таком органическом составе капитала кризиса в 1925 г., по схеме Гросмана, еще нет, а норма прибыли составляет 14%. Как же можно объяснять кризис в Англии в 1815 г. перенакоплением капитала, когда в то время органический состав был несравненно ниже? (В 1879 г. органический состав капитала в американской крупной промышленности составлял, по данным соответствующей переписи, приблизительно 3 или 4 : 1).

²⁴ К словам Маркса: „Характерная особенность этого промышленного цикла состоит в том, что раз дан первый толчок, тот же самый кругооборот неизбежно воспроизводится периодически“ („Капитал“, т. III, ч. 2, с. 27), Энгельс делает следующее примечание: „В период младенчества мировой торговли, 1815—47 гг., промежуток между последовательными кризисами определяется приблизительно в пять лет; за время 1847—67 гг. цикл является определенно десятилетним...“

Mitchell относит в „Business Annals“ (Нью-Йорк, 1926 г.) начало циклического хода промышленности в Соед. Штатах к 1790.

При этом Гросман крайне непоследователен и беспринципно колеблется между взглядом на кризис, как на результат перенакопления в его смысле (слишком большое s при недостаточном v) и объяснением кризиса, как результата недостаточного увеличения стоимости (= низкой нормы прибыли). Так он говорит:

„Обстоятельства, ослабляющие тенденцию к крушению, т. е. позволяющие изжить кризис, различны по своей природе, но все они могут быть сведены по своим результатам к тому, что либо уменьшается стоимостное выражение постоянного капитала, либо увеличивается прибавочная стоимость, вследствие чего повышается и улучшается использование авансированного капитала“ (с. 295).

Но ведь согласно его схеме кризис наступает вовсе не из-за низкого уровня нормы прибыли: в тот момент, когда происходит „поворот в сторону кризиса“, когда κ начинает падать, норма прибыли составляет 17%, а в год предполагаемого „крушения“, когда норма накопления должна была бы составлять 104,6% от прибавочной стоимости, норма прибыли все еще равна 9,3%! Как же он может низкую норму прибыли называть причиной кризиса?

И дальше; ясно, что высота органического состава капитала, т. е. степень приближения к „крушению“, в отдельных капиталистических странах должна быть весьма различна в зависимости от их экономического развития. Как же, несмотря на это, были все-таки возможны до войны общие экономические кризисы, охватывающие все страны мира? Гросман указывает на „средство товарного ввоза“, с помощью которого „подъем в одной стране передается другим странам“, (с. 448). Но как может возникнуть кризис, если в соответствующей стране нет перенакопления? С какой стороны ни подойдешь к гросмановской теории кризисов, повсюду получается нелепость.

В заключение заметим: если верно, что кризисы в Англии с 1815 г. вызывались перенакоплением капитала, то очевидно нет никакой связи между „чисто экономическим крушением“ Гросмана и фактическим крушением капиталистической системы! Если кризисы, которые по Гросману представляют собою „прерванную и недостижную полную выявления тенденцию к крушению“ (с. 290), приводят в Англии вот уже 115 лет только к „чисто экономическому крушению“, не завершаясь фактическим падением господства капиталистов в Англии,—то непонятно, почему бы это господство не могло, по Гросману, продолжаться „чисто экономически“ еще сотни лет. Но тем самым рушится главная гордость Гросмана, его доказательство, что крушение капитализма неизбежно по чисто экономическим причинам: кому нужна в наши дни, когда уже началось фактическое крушение капитализма, экономическая теория о том, что капитализм непременно падет—но быть может только через сотни лет?

У. НЕПРАВИЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ГРОСМАНА ОБ ЭКСПОРТЕ КАПИТАЛА

Мы пропускаем рассуждения Гросмана о тенденциях, противодействующих тенденции к крушению (они представляют собою ухудшенное издание марксовых рассуждений о причинах, противодействующих тенденции нормы прибыли к понижению) и переходим к его теории экспорта капитала.

„Факт вывоза капитала так же стар, как и сам современный капитализм“ (с. 490). Взгляд, „будто причиной экспорта капитала служила более высокая норма прибыли в менее развитых странах“, Гросман называет „банальным“. „Не норма прибыли, а получаемая на единицу капитала масса прибавочной стоимости выше в этих странах“ (с. 505). Исходя отсюда, он резко полемизирует против О. Бауэра, Гильфердинга, Бухарина, Варги (мы еще вернемся к этому) и начинает затем (с. 516) новый отдел под заглавием „перенакопление и экспорт капитала в понимании Маркса“ причем совершает самую грубую и бессовестную из всех своих фальсификаций марксова текста.

Гросман начинает с цитат из Маркса, относящихся к абсолютному перепроизводству капитала (выше мы уже говорили об этом), и приходит к заключению, что экспорт капитала имеет место тогда, когда капитал становится „избыточным с капиталистической точки зрения“ (с. 526). При этом он дает следующее подстрочное примечание:

„В том же смысле следует понимать и другое место (у Маркса), в котором говорится: „Если капитал посылается за границу,* то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны“.

В дальнейшем тексте своего подстрочного примечания он старается уверить читателя, будто слово „абсолютно“ употреблено здесь Марксом в том смысле, что при некапиталистическом порядке капитал мог бы быть использован внутри страны, при капитализме же он является абсолютно перенакопленным²⁶.

В подлинном тексте Маркса мы читаем:

„Если капитал посылается за границу, то это происходит не потому, чтобы он абсолютно не мог быть помещен в дело внутри страны. Это происходит потому, что за границей он может быть помещен при более высокой норме прибыли“.

Подчеркнутое нами предложение, решительно не позволяющее подсунуть Марксу теорию Гросмана, Гросман опускает, цитируя только первое предложение; более грубую подтасовку едва ли можно себе вообразить²⁶.

²⁶ Это уж чересчур смелое обращение с Марксом. Маркс в одном месте говорит („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 231):

„Даже при допущенном нами крайнем предположении, абсолютное перепроизводство капитала не есть абсолютное перепроизводство вообще, абсолютное перепроизводство средств производства“.

Значит, если Маркс говорит здесь, что „капитал“, будучи лишен своего характера, как „социального отношения“, не был бы избыточным, то он имеет в виду капитал как средство производства. Средство производства есть общая категория всякого хозяйства; капитал — историческая категория определенного способа производства. Утверждать, что Маркс говорит о капитале в некапиталистическом обществе, это уже поистине чересчур смело!

²⁶ Здесь почти невозможно отделаться от мысли о сознательной фальсификации. Как на источник этой изуродованной цитаты, Гросман указывает „Капитал“ т. III, ч. 1, с. 218. На самом деле это место находится в „Капитале“ т. III, ч. 1, с. 238 шестого немецкого издания. При этом в предисловии к своей книге Гросман договаривает, по какому изданию он цитирует I и II томы „Капитала“, но ничего не говорит на этот счет о III томе, так что читатель, не найдя цитату на с. 218, невольно подумает, что Гросман пользовался другим изданием. Все это крайне подозрительно!

Преподнеся таким образом читателю в корне неправильную теорию экспорта капитала под видом теории Маркса, Гросман выступает затем в поход против Бауэра, Гильфердинга, Варги, Бухарина, Ленина³⁷, которые утверждают, что капитал вывозится только тогда, когда за границей можно рассчитывать на более высокую прибыль, чем дома!

Он цитирует следующую мою фразу (впрочем, почти буквально повторяющую Маркса, как видно из вышесказанного):

„Капитал вывозится не потому, что абсолютно невозможно продолжать накопление дома, „не устремившись на некапиталистический рынок“, а потому, что есть шансы на более высокую прибыль“²⁸, и обрушивается на нее самым ожесточенным образом: он изображает дело так, будто я принципиально утверждаю „беспредельную возможность вложений“ внутри страны, и поучает меня, что это утверждение „находится в неразрешимом противоречии со всякой теорией трудовой стоимости и непримиримо с ней. Помещение капитала требует прибавочной стоимости. Но прибавочная стоимость есть труд. Труд же представляет собою в каждой стране данную величину, и из данного населения можно выкачать только определенную, хотя несколько растяжимую, максимальную массу прибавочной стоимости. Утверждение, что капитал можно увеличивать беспредельно, означает, что и прибавочная стоимость также может увеличиваться беспредельно и, стало быть, независимо от величины населения, а это значит другими словами, что прибавочная стоимость не зависит от труда“.

Точно такой же упрек Гросман бросает Бухарину, Бауэру, Гильфердингу и, косвенно, Ленину, который, как мы видели, держится того же взгляда. Присмотримся ближе к аргументации Гросмана.

Для „капитала“ в самом деле существует „беспредельная возможность вложений“ внутри страны, но не существует беспредельной возможности помещать капитал как промышленный капитал, имеющий целью непосредственное присвоение прибавочной

³⁷ Между прочим: Гросман искажает не только Маркса, но и Ленина! Ленин говорит („Империализм“ и т. д.) об экспорте капитала с характерной для него конкретностью:

„Пока капитализм остается капитализмом, избыточный капитал обращается... на повышение прибыли путем вывоза капитала за границу в отсталые страны. В этих отсталых странах прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы“ (подчеркнуто мною).

Все это Гросман опускает, и только последняя фраза, в которой Ленин говорит о необходимости вывоза капитала, иронически упоминая в кавычках о „перезрелом капитализме некоторых стран, где у капитала нет простора для „прибыльного“ помещения,—только эта фраза приводится Гросманом в подтверждение его собственного взгляда, причем он (заметив мимоходом) выделяет то, что ему подходит, не оговаривая этого! С чувством собственного превосходства он затем прибавляет: „В чем заключается эта „перезрелость“, этого Ленину нам не показал“. И несколько выше: „Характеристика (Ленина) не выходит за пределы эмпирически наблюдаемых связей, а главное мы не находим у Ленина... теоретического анализа того факта, который мог бы обнаружить необходимость экспорта капитала на поздних стадиях капитализма“ (с. 520). Этот недостаток ленинского изложения он снисходительно извиняет „популярным характером его работы“ (там же).

²⁸ E. W a r g a, Kapitalexport in der Weltwirtschaft, „Die Internationale“, Берлин 1927, 12-й выпуск.

стоимости в производственном процессе. Если бы наступил такой момент, когда вся без исключения рабочая сила данной страны была бы занята до крайнего предела (экстенсивно и интенсивно) своей трудоспособности в производственном процессе, то было бы невозможно делать новые вложения промышленного капитала, потому что капиталист не нашел бы на рынке труда рабочей силы. Здесь еще не играет никакой роли „вопрос об увеличении стоимости“, а все дело в технической невозможности; столь же невозможно было бы помещать капитал как промышленный капитал и в том случае, когда свободные рабочие руки хоть и были бы налицо, так что увеличение стоимости было бы возможно, но на рынке нельзя было бы приобрести никаких предметов труда!

Но означает ли состояние, которое Маркс обозначает, как абсолютное перенакопление капитала и при котором „дополнительный капитал для целей накопления = 0“, что капитала вообще уже нельзя „помещать“? Нисколько! Капитал может помещаться в виде ссудного капитала, в виде вкладов в банки и т. д. Никогда еще не было такого состояния, когда ссудный капитал совсем не давал бы процентов, когда процентная ставка равнялась бы нулю. Масса прибавочной стоимости от этого конечно не увеличивается, масса прибыли тоже, но на одну и ту же массу прибыли может прийти более крупная масса капитала.

Впрочем, даже промышленный капитал практически может помещаться в условиях абсолютного перенакопления, поскольку вновь выступающие отдельные капиталы, технически лучше вооруженные и способные при высокой заработной плате производить дешевле, чем более старые или мелкие предприятия, переманивают к себе рабочих с других мест более выгодными условиями труда. Общая масса прибыли, правда, уменьшилась бы, а не увеличилась от такого рода новых вложений капитала, и с точки зрения совокупного общественного капитала эти вложения были бы совершенно бесцельны, но самый процесс вложения капитала все-таки не прекратился бы.

Но теперь мы должны поставить вопрос: является ли абсолютное перепроизводство капитала, выставленное Марксом как возможность, т. е. состояние, при котором не „могло бы быть больше увеличено ни абсолютное рабочее время, доставляемое этим населением, ни относительное прибавочное рабочее время“ („Капитал“, т. III, ч. 1, с. 233)—является ли оно реальностью, как полагает Гросман? Ни в коем случае! За исключением нескольких месяцев наивысшей конъюнктуры раз в 10—20 лет всегда существует промышленная резервная армия²⁹, всегда в действительности существует возможность помещать капитал, как промышленный капитал, увеличивать посредством новых вложений общую сумму прибавочной стоимости, а следовательно и прибыли. И если эти вложения производятся за границей, то только потому, что туда привлекают надежды на более высокую прибыль.

²⁹ Новейшее развитие капитализма приводит к появлению „структурной“ „технологической“ постоянной массовой безработицы как раз в странах с наибольшим экспортом капитала—в Америке, в Англии. Если американские или английские капиталисты вывозят капитал, то конечно из-за более высокой нормы прибыли, а не потому, что внутри страны невозможно дальнейшее присвоение прибавочной стоимости!

В заключение еще одно замечание. Гросман говорит:

„Труд представляет собою в каждой стране определенную величину, и из данного населения можно выкачать только определенную, хотя и растяжимую, максимальную массу прибавочного труда“ (с. 499).

Верно ли это?

Да, если речь идет об определенном моменте; нет, если взглянуть на дело динамически.

Предположим, что иммиграция во Францию запрещена и что приток ее населения приостановился. Значит ли это, что „максимальная масса прибавочного труда“ не сможет более увеличиваться и что поэтому сумма прибавочной стоимости и прибыли навсегда должна будет остаться неизменной? Нисколько. Неизменной оставалась бы в таком случае только общая масса рабочего времени, которую максимально может доставить данное рабочее население, неизменной оставалась бы общая сумма вновь добываемой стоимости ($m+v$). Но внутри этого совокупного рабочего времени необходимое рабочее время стало бы падать, прибавочный труд стал бы возрастать, прибавочная стоимость—увеличиваться. Почему?

Недостаток рабочих рук толкнул бы капитал на путь технического прогресса; берегающие труд машины и методы стали бы вводиться в широких размерах, и это привело бы, несмотря на постоянное число рабочих, к созданию промышленной резервной армии. Производительность труда быстро повысилась бы; рабочее время, содержащееся в единице потребляемых рабочими средств существования, соответственно уменьшилось бы, а вместе с ним уменьшилась бы и стоимость рабочей силы; необходимый труд сократился бы, а затрачиваемый каждым отдельным рабочим прибавочный труд возрос бы, и стало быть возросла бы общая сумма прибавочного труда, доставляемая „данном населением“. Норма прибыли упала бы, правда, очень быстро, и все-таки динамически не существовало бы абсолютного перенакопления капитала в смысле невозможности увеличить общую сумму прибавочной стоимости посредством новых вложений.—Мы считаем поэтому, что поучения Гросмана по нашему адресу—и по адресу Гильфердинга, Бауэра, Бухарина и Ленина—совершенно излишни. Мы можем спокойно оставаться при том убеждении, что экспорт капитала вызывается более высокой нормой прибыли, а не невозможностью вложений внутри страны, ибо внутренние вложения, хотя бы и с очень низким уровнем прибыли или процента, возможны для отдельного капитала даже в случае „абсолютного перенакопления“.

Мы не будем останавливаться на исторических соображениях Гросмана об экспорте капитала. Заметим только одно: без рассмотрения проблемы местных условий нельзя сказать ничего дельного об истории экспорта капитала. Мы спрашиваем Гросмана: как объяснить при помощи его схематических разглагольствований о перенакоплении тот, напр., факт, что в течение многих лет до войны Франция вывозила капитал, а после войны во Францию направляется массовая иммиграция рабочих, и капитал находит применение в самой стране? Откуда эта перемена? Как объяснить с точки зрения „потребности капитала в увеличении стоимости“, что из Англии до войны много лет одновременно эмигрировали рабочие и капитал? Почему английский капитал не мог использовать рабочих у себя дома для увеличения своей стоимости? Почему английский ка-

питал эмигрировал вместе с английскими рабочими в Америку, Канаду, Южную Африку? Только потому, что там для многих отраслей производства местные условия были благоприятнее, т. е. для производства единицы товара требовалось меньше издержек, т. е. норма прибыли была *ceteris paribus* выше, чем если бы те же английские рабочие работали на тот же английский капитал в той же отрасли производства в самой Англии. В этом суть дела, а все, что говорит Гросман, пустая болтовня. Кто проходит мимо проблемы местных условий, тот должен пройти и мимо проблемы неравномерного развития! Так и поступает Гросман. Если бы его спросили, почему за последнее десятилетие произошел резкий скачок в развитии промышленности северной Италии, он дал бы не тот правильный конкретный ответ, что изобретение способа передавать электрическую энергию на далекие расстояния позволило северной Италии получать дешевую энергию с Альп, вследствие чего местные условия резко изменились в ее пользу,— а стал бы болтать что-нибудь о накоплении вообще . . .

IV. НЕПРАВИЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ГРОСМАНА О РЕЗЕРВНОЙ АРМИИ

Из всей установки Гросмана вытекает его неправильная теория о резервной армии при капитализме. Ему нужно как-нибудь втиснуть в свою схему безработицу, представить ее как результат перенакопления. Ради этой цели он насильственно разрывает неразъединимое.

„...Увольнение рабочих, образование резервной армии, о которой Маркс говорит в главе о накоплении, вызывается (это было до сих пор совершенно не отмечено в литературе) не техническим фактом введения машин, а недостаточным увеличением стоимости, наступающим на сравнительно высокой ступени накопления, т. е. причиной, которая вытекает исключительно из специфически-капиталистического способа производства. Рабочие увольняются не потому, что их вытесняет машина, а потому, что при известной высоте накопления капитала прибыль становится слишком мала, так что не стоит, да и прибыли на это нехватает, приобрести потребные машины и т. д.“³⁰

Стало быть, не машины вытесняют рабочих, обрекают их на безработицу, а низкая норма прибыли при известной высоте накопления. Но почему же понизилась норма прибыли? Потому что вместо рабочих стали пользоваться машинами! Высокий органический состав капитала, низкая норма прибыли и вытеснение рабочих машинами суть различные стороны одного и того же процесса, что у Маркса содержится в самом определении понятия органического состава. Диалектический процесс, в силу которого каждый отдельный капиталист, стремясь немедленно повысить свою индивидуальную долю прибыли, заменяет рабочих машинами, откуда для совокупного капитала возникает тенденция нормы при-

³⁰ С. 130, а также с. 167, 380 и т. д., причем все время идут ссылки на Маркса! Отметим, что, тогда как обычно Гросман заглушивает сближение недостаточного увеличения стоимости в форме падения нормы прибыли и специально гросмановской невозможности увеличения стоимости вследствие перенакопления, здесь то и другое сопоставлено без всяких посредствующих звеньев: „Не стоит накапливать (потому что норма прибыли слишком низка), да и прибыли на это нехватает!“

были к понижению,—этот процесс для Гросмана не существует. Замена рабочего машинами—это для него один факт⁸¹, прогресс накопления капитала и понижение нормы прибыли—другой факт. Что это две стороны единого процесса, об этом он не думает! И этот человек хочет реконструировать метод Маркса!

Собственная теория Гросмана есть не что иное, как вывод из его схемы перенакопления: он старается показать, что в начале капиталистического развития наблюдается сильный недостаток в рабочей силе. „Только техническая революция в последнюю треть XVIII века произвела здесь радикальную перемену“ (с. 348). Затем следует период перенаселения, мальтузианства.

„Боязнь перенаселения была понятна в такое время, когда человеческий труд находился еще в своей начальной стадии, и поэтому увольнение рабочих не могло компенсироваться их усиленным наймом. Постоянный и переменный капитал вместе, $c + v$, были слишком незначительны по сравнению с населением. Но при таком способе производства, базой которого является эксплуатация человеческого труда, мальтузианство могло и должно было быть скоропреходящим течением. Ибо вместе с ростом накопления капитала и в результате этого роста капитализм вступил в развитых странах Западной Европы через несколько десятилетий в новую фазу. Вследствие огромного накопления капитала в руководящих капиталистических государствах накопленный капитал $c + v$ оказывается слишком большим по сравнению с населением, т. е. возрастающего на определенный процент населения нехватает. Чтобы дать ту массу прибавочной стоимости m , которая потребна для нормального увеличения стоимости накопленного и более быстро возрастающего капитала. Но так как продолжающее возрастать население требует для своего занятия дополнительного капитала $a_c + a_v$, который может быть получен только из массы прибавочной стоимости m , а между тем этой массы нехватает даже для увеличения стоимости уже накопленного капитала, то тем более не может ее хватить для дополнительного накопления. Так неизбежно должна образоваться, несмотря на перенакопление и вследствие него, резервная армия незанятых рабочих. Но возрастающая в общем и целом безработица в капиталистических странах по своей сущности совершенно отличается от безработицы во времена Мальтуса. Тогда $c + v$ было слишком мало по сравнению с населением; теперь $c + v$ слишком велико. Зато теперь недостаточно $a_c + a_v$. Это—безработица вследствие недостатка населения“ (с. 415).

Предоставляем читателю судить, совместима ли эта теория резервной армии—сначала недостаток, а потом избыток $c + v$, как при-

⁸¹ Поэтому он так прямо и заявляет (с. 129):

„Это увольнение труда будет происходить при всяком способе производства, в том числе и в социалистическом плановом хозяйстве, поскольку последнее будет пользоваться успехами техники“. Но ведь дело заключается не в увольнении „труда“, как здесь выражается Гросман (выражение, которое, насколько я помню, не встречается у Маркса ни разу!), а в увольнении рабочего. При капитализме уволенный рабочий голодает; в социалистическом плановом хозяйстве ни один рабочий не увольняется, но по мере успехов техники от 8-часового рабочего дня переходит к 7-и 6-часовому, вместо каждого 7-го дня отдыхают каждый 5-й и т. д. Каков долготечный смысл речей об одинаковости процесса „увольнения труда“ при капитализме и социализме, вместо указания на различные судьбы рабочего при том и другом строе? Этот смысл явным образом заключается в смазывании различия между капитализмом и социализмом!

чина резервной армии (а мы-то думали, что здесь играет роль только v)—с теорией Маркса. Мы хотели бы задать только два вопроса:

а) Если в период мальтузианства, продолжавшийся до 1850—60 гг., безработица была последствием недостаточного накопления („ $c + v$ было слишком мало по сравнению с населением“), то как может Гросман распространять свой главный тезис, что каждый кризис является предверием к крушению из-за перенакопления, на кризисы первой половины XIX века?

б) По словам Гросмана, нынешняя огромная безработица объясняется тем, что „теперь $c + v$ слишком велико, а $a_c + a_v$ слишком мало“. Если это означает, что отношение c к v настолько велико, что капиталистам невыгодно, ввиду низкой нормы прибыли, нанимать рабочих, то в этом утверждении есть смысл. Но тогда исчезает и всякое различие между теорией Маркса о тенденции нормы прибыли к понижению и теорией Гросмана о том, что еще задолго до угрожающего падения нормы прибыли уже наступает перенакопление. Если же выражение „ $c + v$ теперь слишком велико“ означает что-нибудь другое, то оно не имеет смысла! В самом деле: постоянно имеются в наличии огромные промышленные предприятия, загруженные только на 50—80% своей работоспособности, и в то же время—миллионы безработных! Если бы рабочие могли быть вовлечены в производство, то увеличилась бы сумма прибавочной стоимости, а значит и сумма прибыли, а значит — *ceteris paribus* — и накопление (a_c и a_v). Ясно стало быть, что не недостаточность величины $a_c + a_v$ есть причина безработицы, а наоборот: существование такого количества безработных—несмотря на наличие всех элементов производственного процесса—есть причина того, что сумма прибавочной стоимости, прибыли и накопления недостаточно велика. Своей исключительной прикованностью к собственной схеме накопления и своим полнейшим невниманием к положению Маркса, что потребительная сила капиталистического общества всегда ниже его производительной силы, Гросман отрезал себе путь к пониманию истинной связи между безработицей, кризисом и недостатком сбыта.

VII. НЕПРАВИЛЬНОЕ УЧЕНИЕ ГРОСМАНА О КОНКУРЕНЦИИ И МОНОПОЛИИ

Из всего воззрения Гросмана с необходимостью вытекает ошибочная теория конкуренции. Он пишет:

„Маркс... исходит в своем анализе из состояния равновесия... Из-за того, что при известной высоте накопления капитала увеличение стоимости прекращается, должна начаться борьба за сбыт и из-за сферы приложения капитала. Конкуренция есть следствие недостаточного увеличения стоимости, а не его причина!“ (с. 285; подчеркнуто мною—*Е. В.*)

Здесь мы убеждаемся снова в полнейшей неспособности Гросмана понять Маркса. Маркс исходит в своем анализе образования цен из методологической предпосылки, что предложение и спрос покрывают друг друга и что конкуренция выключена; он делает это для того, чтобы вскрыть „сущность“ дела—зависимость цен от стоимости. Гросман же гипотезирует эту предпосылку, он рассуждает так, как будто действительно сначала существовал бесконкурентный капитализм, и лишь вследствие перенакопления и недоста-

точного увеличения стоимости возникла конкуренция! Это в корне ошибочный взгляд: конкуренция существовала при капитализме всегда; без конкуренции не было бы выравнивания различных норм прибыли, их приближения к одинаковой по своей тенденции норме прибыли. Даже если допустить, что в какой-нибудь момент случайно было полнейшее соответствие между спросом и предложением, полнейшее равновесие капиталистической системы (совершенно фиктивное допущение), то и тогда неравномерность развития привела бы в кратчайший срок к конкуренции между отдельными предприятиями одной и той же отрасли и к конкуренции между различными отраслями. Другими словами: если у Маркса диспропорция между ограниченной потребительной способностью капиталистического общества и стремлением к беспредельному расширению производства характеризует всю систему капитализма, а потому и всегда существует конкуренция, то Гросман считает, что конкуренция появляется лишь в результате пере накопления.

Так же неправильно и учение Гросмана о монополиях. Его главная мысль заключается здесь в следующем:

„Благодаря монополистическому повышению цен, в хозяйство страны, владеющей монополиями, перекачиваются дополнительные суммы прибавочной стоимости, и тем самым ослабляется тенденция к крушению“ (с. 466).

Первая часть этого утверждения правильна: монопольные заграничные барыши означают, что в страну поступает дополнительная прибыль, сверхприбыль;—что еще могли бы они означать? Но верно ли, что это „задерживает тенденцию к крушению“? Ни в коем случае. Монопольные барыши являются по самому своему определению такими, которые не входят в общее выравнивание нормы прибыли; в этом ведь и состоит их монопольный характер. Монопольный барыш, „дополнительная сумма прибавочной стоимости“, достается монополистам, способствует быстрейшему увеличению стоимости их капитала, но всему немонополистическому капиталу это не приносит никакого облегчения (даже наоборот); средняя норма прибыли от этого не поднимается, тенденция к крушению не ослабляется. Тут перед нами один из многочисленных „несуразных промахов“ Гросмана.

Отсюда следует, что вся полемика Гросмана против ленинской теории монополий совершенно несостоятельна ³². Он совершенно не понимает основной мысли Ленина (высказанной уже и Марксом в „Ничете философии“), что монополия неизбежно возникает из свободной конкуренции путем концентрации капиталов, и поэтому просто приравнивает монополии, искусственно создаваемые сверху в начале ка-

³² Несмотря на отдельные расшаркивания во всей книге Гросмана можно проследить явную или скрытую полемку, направленную против Ленина. Уже в предисловии (с. X) он пишет:

„...Все эмпирически устанавливаемые тенденции мирового хозяйства, признаваемые за характерные признаки новейшей стадии развития капитализма (и перечисляемые в различных сочинениях об империализме: монопольные организации, экспорт капитала, борьба за раздел источников сырья), представляют собою поверхностные явления, вырастающие как из своего первичного корня—из сущности накопления капитала“.

Это значит, другими словами: Ленин видел только поверхность явлений, а вот я, г-н Гросман, объясняю самую сущность, в которую Ленин так и не проникнул.

питалистического развития, с монополиями в эпоху империализма! Поэтому вся его теория монополий не стоит ломаного гроша!

VIII. МЕТОД МАРКСА И МЕТОД ГРОСМАНА

Гросман претендует на то, что он первый реконструировал метод Маркса, „о котором до сих пор.. не имели вообще никакого представления“. На самом же деле он решительно ничего не понял в методе Маркса, он не имеет о нем ни малейшего понятия. Он цитирует (если я не ошибаюсь) где-то в своей книге известные слова Маркса:

„Всякая наука была бы излишня, если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали“ („Капитал“, т. III, ч. 2, с. 346), но он совершенно не понял, что у Маркса форма явления и действительность тождественны³³.

Маркс идет от формы явления, т. е. от действительности, к сущности, „к/внутренней связи экономических категорий, к внутреннему строению буржуазной экономической системы“ („Теории прибавочной стоимости“, т. II, ч. 4, с. 10, о Смите). Он объясняет форму явления, т. е. действительность, из лежащей в ее основе сущности. В действительности существуют цены; их сущность составляет стоимость. В действительности имеются различные формы проявления прибыли. процент на ссудный капитал, прибыль торгового капитала, предпринимательская прибыль и т. д.; сущность их всех заключается в прибавочной стоимости. Для объяснения действительности, т. е. формы явления, Маркс связывает ее функционально с „внутренним строением буржуазной экономической системы“, с категориями сущности: цена в первом приближении равняется стоимости, сумма стоимостей равна сумме цен, сумма прибавочной стоимости равна сумме прибыли и т. п.

Различение между „внутренним строением“ и миром явлений, т. е. действительностью, не имеет, разумеется, у Маркса ничего общего с кантовским различием „вещи в себе“ и явления. У Канта вещь в себе не познаваема, ни одно из ее свойств не может быть познано человеком; у Маркса же сущность, внутреннее строение не только познаваемо, но его исследование составляет даже единственный путь к познанию действительности, т. е. мира явлений. У Маркса действительность, т. е. мир явлений, и сущность относятся к одному и тому же предмету—к буржуазной экономической системе; они отличаются только по степени познанности. Вульгарная экономия вращается исключительно в мире явлений; она обобщает мотивы, по которым действуют капиталисты, в вульгарные категории, она остается в плену у „иллюзии конкуренции“. Марксизм постигает сущность социальных связей, внутреннее строение буржуазной экономической системы. „Сущность“ и есть действительность, постигнутая в ее глубочайших основах.

Эту последнюю основу марксова метода Гросман не понял совершенно. Он думает, что события действительности могут быть непосредственно объяснены путем анализа сущности; он думает, что определяющие моменты лишь познаваемой теоретиками-маркси-

³³ Так напр. Маркс говорит:

„Но в действительности (т. е. в мире явлений) дело обстоит наоборот“. „Капитал“, т. III, ч. 1, с. 21; подчеркнуто мною—Е. В.).

стами сущности являются непосредственными причинами действий людей, живущих в мире явлений, т. е. в действительности. Он видит перед собою свою схему накопления—схему, принадлежащую к области сущности, т. е. внутреннего строения, — и воображает, что капиталисты следят так же тщательно, как и он, за убыванием массы прибавочной стоимости, что они вывозят капитал за границу не ради более высокой прибыли, а ради увеличения прибавочной стоимости! Если Маркс говорит об „иллюзии конкуренции“, то Гросман заключает отсюда, что до „перенакопления“ никакой конкуренции в действительности не было, и т. д. Он совершенно забывает о том блестящем месте в III томе „Капитала“, где Маркс показывает, как с развитием особых форм, на которые распадается прибыль, из кругозора капиталистов исчезает не только прибавочная стоимость, но и прибыль как таковая; как функционирующий капиталист противопоставляет самого себя капиталу (самостоятельно приносящему проценты) в качестве предпринимателя, „предпринимательская прибыль“ которого является оплатой его высококвалифицированной рабочей силы. У Гросмана капиталисты действуют, исходя непосредственно из самой сущности³⁴. Гросман совершенно не улавливает связи между формой явления и сущностью, и это отнимает у него всякую возможность не только дать претендуемую реконструкцию марксова метода, но и просто понять марксизм, а следовательно понять и сущность капитализма. Вот почему в каждом исследуемом им вопросе, несмотря на то что его изложение наполовину сводится к цитатам из Маркса, у него получаются только ошибки, только противоречия с марксизмом и ленинизмом: данный выше анализ его заблуждений далеко не является исчерпывающим.

* * *

Может возникнуть вопрос: к чему нужен такой пространный разбор столь неудачной книги?

Наш ответ гласит: можно опасаться, что книга Гросмана—как в свое время книга Розы Люксембург— внесет путаницу в головы и натворит немало бед. Общее построение книги, — объяснение всех явлений современного капитализма из одной единственной причины, из перенакопления; успокоительное действие, производимое на читателя утверждением, что „крушение“ неизбежно и что даже срок этого крушения может быть заранее теоретически высчитан, чем настезь раскрывается дверь фатализму и пассивности; подкрепляемое бесчисленными, хотя часто грубо искаженными, цитатами из Маркса притязание на то, что автором излагается подлинно революционная марксова теория крушения, которую до сих пор старались затушевать неогармонизаторы,—все это вместе может сбить с толку читателей, особенно из молодого поколения, и отвлечь их от активной борьбы с буржуазией. Поэтому мы сочли необходимым основательно вскрыть полную ошибочность всей теории Гросмана.

³⁴ Тщетно Маркс пишет:

„Данная рыночная цена представляет для капиталиста то же, что предполагаемая стоимость продукта—для теории и для внутренней связи производства“ („Теория прибавочной стоимости“, т. II, ч. 2, с. 72).

Гросман не обращает на это никакого внимания.

„КАЧЕСТВО“ И „КОЛИЧЕСТВО“ В ТЕОРИИ АВСТРИЙСКОЙ ШКОЛЫ

Несколько десятков лет назад Бем-Баверк — общепризнанный глава в мире буржуазной учености широкопризнанной тогда экономической школы — в работе „Теория К. Маркса и ее критика“ пришел, в конце-концов, к безапелляционному выводу: „Теория Маркса не имеет ни будущего, ни настоящего, а только прошедшее“. Написано это было в период зенита шумного, блестящего успеха нового экономического „евангелия от австрийцев“, в ту самую пору, когда верные жрецы буржуазной науки один за другим манифестировали свою солидарность с новым „откровением“ и когда всякие „многосторонние“ личности типа „наших“ Франка, Туган-Барановского и др., волну социально-экономического прибое на время прибитые к лагерю марксизма, спешили освободиться от „односторонностей“ марксизма и преклоняли „критические“ главы свои перед австрийской „вечной истиной“.

Кому же принадлежало тогда „будущее“? Двух ответов быть не могло: оно принадлежало им, австрийцам, и это было столь же бесспорно, как бесспорно и крепко держали тогда они в руках своих настоящее. Ибо теория австрийцев — это теория, давшая „вечное сокровище экономической науки“ (Туган), а главный конкурент и противник — марксова теория трудовой ценности — при компетентной проверке австрийских экспертов оказалась ни больше, ни меньше, как всего лишь „одним из удивительных научных заблуждений“ (Визер).

Слишком рано вышедшему на сцену Госсену, никем, кроме самого себя, при жизни непонятому и непризнанному, ничего больше не оставалось делать, как скромно, для собственного утешения объявить себя Коперником политической экономии. Скромность не была подругой и Бема, жившего в другое время, при иных условиях. Принцип предельной полезности он объявляет „архимедовой точкой ценности“, опираясь на которую он, Бем, переворачивает весь мир существовавших до австрийцев политэкономических представлений.

Когда-то Джон Ст. Милль, последний рыцарь классической школы, подводя итоги экономической мысли, нашел возможным, подобно „ныне отпущаеши“ библейского Симеона, написать: „Не остается больше ничего неясного в законах о ценности, ни для

настоящего времени, ни для будущего: теория закончена“. Написано это было до „Капитала“ Маркса, до „великих“ и „вечных“ творений австрийской школы. Бем-Баверк и эпигоны австрийской школы думали иначе: не классики и не Маркс, а именно они, австрийцы, сказали о ценности все, что о ней можно и нужно сказать; именно они и увенчали экономическую науку последней, вечной, абсолютной истиной, той синей птицей, которую усердно искали экономисты не одного столетия. „Теория предельной полезности навсегда останется основанием учения о ценности, она может быть дополнена и изменена в частностях в будущем, но основные идеи ее составляют вечное сокровище экономической науки“¹.

Прошло 40—50 лет со времени появления основных работ Бема, срок, вполне достаточный для жизненной проверки всякой политико-экономической теоретической системы. Но история, которую австрийцы бесцеремонно выставили за порог своей концепции, успела безжалостно отомстить им на значительно более коротком отрезке времени, показав всю безжизненность и пустоту теории австрийцев. Пятнадцать—двадцать „мирных“ лет, великая империалистическая война и ряд революционных взрывов оказались вполне достаточными для того, чтобы даже для буржуазных экономистов стала видна полная несостоятельность теории австрийцев. Пророчество Бема о „будущем“ оправдалось целиком и полностью, но—с переменной адресата. События последних двух десятилетий бесповоротно вырвали из рук австрийцев их будущее.

Едва-едва успела австрийская школа объявить и „доказать“ полную „теоретическую несостоятельность“ марксизма, едва-едва успела посеять иллюзию, что она сумела „дать всем мятущимся умам общие истины и новую опору для сближения“², едва-едва дала надежду „навсегда покончить споры о ценности, дав полное исчерпывающее объяснение всем явлениям процесса оценки, исходя из одного основного принципа“³, как ей пришлось идти уже на компромисс и устами Бернштейна, Франка и Тугана провозгласить, что „споры старой и новой теории (Маркса и австрийской—А. П.) основаны на недоразумении“⁴ и что „обе теории ценности... находятся в известной гармонии друг с другом“⁵. А вскоре и в рядах самих буржуазных экономистов начался обстрел австрийской школы с другого, „социального“ фланга буржуазной экономики.

Время блестящего успеха австрийской школы скоро сменилось критическим отношением и затем все большим и большим равнодушием к ней. И когда господа ученые, вроде например нашего „отечественного“ господина Богрова, в 1911 г. писавшего, что „научная будущность в исследовании вопроса о ценности принадлежит теории полезности“⁶, делали вид, что никакого кризиса школы нет и не предвидится, то со стороны данных оптимистов это была не только близорукость апологетов капитализма, но и наивная „скромность“—каждый из них непременно считал, что вечное будущее идеи

¹ Туган-Барановский М. И., Основы политической экономии, с. 64, изд. 3-е

² Жид Ш., История экономической мысли, с. 223.

³ Туган-Барановский М. И., Очерки по истории политической экономии, с. 167.

⁴ Его же, Основы полит. эк., с. 61.

⁵ Там же, с. 57.

⁶ Богров, Критико-исторический очерк к теории ценности, 1911, с. 157.

предельной полезности обеспечит только и именно та интерпретация, какую именно он, данный апологет и оптимист, этой идее дает.

„Политическая экономия, не разрабатывающая теории субъективной ценности, представляет собою здание, воздвигнутое на песке“, — писал Бем-Баверк⁷.

Война и революция вызвали такие изменения экономики и идеологии, что теперь самим буржуазным экономистам становится все более ясным, что капиталистическая экономия, разрабатывающая теорию субъективной ценности и кладущая последнюю в основу всей экономики, представляет собою здание, воздвигнутое даже не на песке, а на пустой фантазии.

От концепции австрийцев буржуазные экономисты нередко и сейчас еще берут отдельные куски, но сторонников предельной полезности становится все меньше, неопитов же и совсем теперь как будто нет. Профессор Пармского университета в Италии—Грациаден, в прошлом году изгнанный за ревизионизм из рядов итальянской компартии, этот „политико-эконом и коммунист милостью божией“ (Рудаш), не является здесь исключением, хотя бы и подтверждающим общее правило: акробатические фокусы Грациаден и его теперешние авиозалеты в сети субъективной ценности есть не больше, как старческий рецидив „грехов молодости“; еще давно, на заре своей ученой карьеры и в разгар „побед“ австрийцев, Грациаден имел роман с этой обворожительной особой—предельной полезностью; Грациаден—ревизионист „со стажем“.

Австрийская школа претендовала дать теорию, годную для всех времен, в том числе и для эпохи социализма. Предъявляемый австрийской школой мандат на вечное представительство передовой научной мысли уже успела аннулировать живая жизнь. Сама жизнь положила конец претензиям австрийской школы дать единственно научную, в отмену всех других и прежде всего марксовой, теорию. Жизнь уже решила спор австрийской школы с марксизмом. Теория австрийцев не оказалась вечной даже для капитализма, не оказалась даже последней теорией буржуазии и умирает, сходит со сцены раньше конца самого буржуа. В XX веке манометр „чародейки истории“ показывает давление выше критической точки. Котел революции зловеще гудит, в любой момент готов взорваться, и никаким холодным компрессом буржуазной „социальной“ экономики, ни социал-предательским холодильником „хозяйственной демократии“ нельзя предотвратить вплотную подошедшей катастрофы буржуазного мира.

Марксова теория, у которой еще совсем недавно ученый буржуа упорно не хотел видеть „ни настоящего, ни будущего“, марксова теория, как прожектор, освещает сотнями миллионов революционный путь к победе, служит орудием этих побед. А теория австрийцев— „самый крупный шаг вперед со времени Рикардо“—(Туган), все больше занимает прочное и бесспорно ей по праву принадлежащее „почетное“ место в музее экономической мысли как яркий, блестящий и „вечный“ образчик того чрезвычайного уродства человеческой мысли, той спекулятивной фантазмагии, которая была выработана в конце XIX века буржуазной „наукой“ в ее фанатической борьбе с пролетарским учением Маркса. Судьба „школы“ есть судьба класса. Два противоположных класса, две противоположных теории,

⁷ Бем-Баверк Е., Основы теории ценности хозяйственных благ, СПб 1903.

две противоположных судьбы. Судьба „играет“ Бем-Баверком, „играет“ его теорией, „играет“ его классом.

Изучение австрийской школы имеет теперь преимущественно (и почти исключительно) познавательное и педагогическое значение. Познавательное значение противопоставляется в данном случае непосредственно боевому значению, так как его „чистое“ познание в последнем счете есть также орудие борьбы, отточка оружия, которое может быть с успехом направлено в живого врага—„социальную“ экономию и т. д.

Анализ теоретической системы австрийской школы и в настоящее время имеет для марксистов бесспорно большое познавательное значение.

Эта школа, еще не так давно служившая буржуазии главным орудием идеологической борьбы с пролетариатом, марксистами с достаточной полнотой не изучена. А между тем среди марксистов успела укрепиться неправильная мысль, что в области марксистской критики австрийцев все уже сделано и теорию австрийцев можно оставить в покое,

В результате этого некоторые моменты марксистской критики австрийской школы, будучи совершенно неправильными, тем не менее успели стать чуть ли не бесспорным достоянием марксистской мысли. Достаточно указать на „психологическую“ версию социально-экономических корней австрийской школы, развитую Бухариным и Марецким⁸, являющуюся в корне неверной и тем не менее весьма распространенной.

Проявляемый марксистами за последние годы интерес к новейшим буржуазным экономистам „социального“ и других направлений неизбежно привлекает попутно внимание к австрийцам: „социальное“ направление, так называемые „математики“—„англо-американцы“ могут быть правильно поняты и подвергнуты правильной марксистской критике лишь при условии, что австрийская школа понята правильно. Последнего же в отношении некоторых нынешних марксистских работ сказать никак нельзя:

Экономическая система австрийцев столь своеобразна, социологический смысл категорий ее настолько отличен от марксовской системы, что всякому изучающему австрийскую школу нередко приходится сталкиваться с значительными трудностями при попытке уразуметь истинное значение и функциональную роль отдельных категорий в системе австрийской школы, внутреннюю связь отдельных частей этой системы. В качестве примера можно здесь привести вопрос о роли категории ценности в теоретической системе австрийцев, вопрос, по которому среди марксистов стали намечаться сейчас различные мнения. По данному вопросу т. Блюминим например выдвинута в марксистской критике новая и вместе с тем совершенно неверная точка зрения. Новым и неверным является мнение Блюмина о значении психологизма, принципа потребления в концепции австрийцев о социальных корнях и ряде других существеннейших моментов теории предельной полезности⁹. В настоящей статье остановимся на вопросе о роли категории качества и количества

⁸ См. Бухарин И. И., Политическая экономия рантье, М.—Л. 1925, и Марецкий Д., Теория ценности австрийской школы, в „Трудах И-та Красной профессуры“, М. 1923, т. I.

⁹ Блюмин М., Субъективная школа в политической экономии, т. I, М. 1928.

в теории австрийцев, вопросе, до сих пор оставшемся вне поля внимания марксистской критики, но в то же время—являющемся весьма характерным для всей концепции австрийцев.

КАЧЕСТВО И КОЛИЧЕСТВО

В теоретической системе австрийцев категории качества и количества, роль каждой из них и соотношение их имеют совершенно своеобразный характер, резко отличный от роли их в марксовской экономической науке, а также и в буржуазных системах политической экономии. Выяснение своеобразного характера, специфической роли и взаимного положения категорий качества и количества может пролить нам дополнительный свет на некоторые важнейшие стороны, особенности австрийской школы.

Прежде всего должна быть отмечена исключительно преобладающая роль категории количества у австрийцев. Это станет ясным, если мы от простой констатации бросающегося в глаза преобладания в теоретических работах австрийцев количественного анализа над качественным перейдем к выяснению вопроса, какую роль играют у австрийцев категории качества и количества в самом моменте конституирования основного во всей теоретической системе понятия, центральной, узловой категории—ценности. Вопрос, который в этой связи должен быть здесь поставлен, сводится к следующему: что является у австрийцев фактором, конституирующим понятие, категорию ценности?

У Бема ход рассуждения о сущности субъективной ценности таков. Начинает с определения понятия материального блага. Материальное благо является благом потому, что оно имеет то или иное отношение к человеческому благополучию. Далее Бем различает две формы этого отношения блага к человеческому благополучию: низшая „форма“—вообще способность вещи служить человеческому благополучию—это полезность. И высшая „форма“ этого отношения—не только „вообще способность“ вещи служить благополучию человека, но выполнение вещью необходимого условия этого благополучия,—это ценность. Ценность есть таким образом особая „квалифицированная форма отношения вещи к человеческому благополучию“¹⁰. У австрийцев таким образом имеется так же „форма“ ценности, как и в марксовской системе, но, что совершенно ясно, форма эта—совсем иного социологического смысла, выражает она совсем иное содержание понятия ценности.

В приведенных суждениях Бема дана основная характеристика категории ценности, как категории, имеющей своим содержанием отношение человека к вещи, вещи к человеку.

Этому различию двух „форм отношения“ вещи к человеческому благополучию австрийцы придают, как известно, чрезвычайное, „фундаментально-важное значение для всей теории ценности“, причем установление этого различия „является одним из самых плодотворных и фундаментальных положений всей политической экономии“¹¹.

Ценность,—пишет Бем,—это „значение, которое приобретает материальное благо или комплекс материальных благ, как признанное

¹⁰ Бем - Баверк Е., Основы теории ценности хозяйственных благ, с. 16.

¹¹ Там же, с. 15, 17.

необходимое условие для благополучия субъекта¹³. Здесь к прежней характеристике категории ценности—вещь как необходимое условие человеческого благополучия—добавлен еще один признак более высокой, „квалифицированной формы“, именно момент „познания“ человеком этой роли вещи, как „необходимого условия“ человеческого благополучия. Момент „сознания“ человеком зависимости своей от вещи особенно сильно, как известно, подчеркивал Менгер. Бем општит оговорить, что ценность не есть ни объективное, внутреннее свойство материальных благ, ни феномен чисто субъективный, коренящийся исключительно в свойствах человеческого организма, но наоборот, „результат своеобразного отношения между объектом и субъектом“.

Чем же обуславливается переход низшей формы отношения вещи к человеческому благополучию в высшую форму, переход полезности в ценность? Что заставляет благо сделать прыжок через Рубикон, отделяющий царство полезности от царства ценности? Такой причиной не является, очевидно, ни полезность как таковая, ни степень полезности, ибо, как известно, степень полезности является у австрийцев фактором, конституирующим, определяющим величину ценности, но отнюдь не самую категорию ценности.

Фактором, конституирующим категорию ценности, чудесно превращающим одну форму отношения вещи к человеку, простую, в другую, „квалифицированную“ форму, является категория редкости. „Для образования ценности необходимо, чтобы с полезностью соединилась редкость—редкость не абсолютная, а лишь относительная, т. е. по сравнению с размерами существующей потребности в вещах данного рода“¹³. Ценностью обладают материальные блага тогда, когда этих благ удовлетворения соответствующих потребностей „или нехватает вовсе, или же хватает только в обрез“¹⁴. Итак, редкость—вот фактор, конституирующий понятие, категорию ценности. Редкость же есть понятие исключительно количественное: „Вопрос о том, способна ли данная вещь быть только полезною для человека, или же она составляет вместе с тем и условие человеческого благополучия, этот вопрос решается исключительно количественным отношением“¹⁵.

Фактор превращения полезности в ценность есть вместе с тем и фактор одновременного превращения категории свободного материального блага в благо хозяйственное; этот фактор—редкость—отношение двух количеств—количества величины материальных благ к количеству, величине человеческой потребности. Категории „свободное материальное благо“ у Бема логически корреспондирует категория полезности, а категории „хозяйственное материальное благо“—категория ценности. „Все хозяйственные материальные блага имеют ценность, все свободные материальные блага ценности не имеют“¹⁶.

Бем начинает свою работу „Основы теории ценности хозяйственных благ“ с определения ценности, отличия ее от полезности.

¹³ Бем-Баверк Е., Основы теории ценности хозяйственных благ, с. 21.

¹³ Там же, с. 221.

¹⁴ Там же, с. 22.

¹⁵ Там же, с. 24.

¹⁶ Там же, с. 24.

У Менгера в „Основаниях политической экономии“ „учению о ценности“ предшествуют две большие главы: „Общее учение о благе“, и „Хозяйство и хозяйственные блага“. Порядок рассмотрения категорий у Менгера (порядок усложнения их): предмет — полезность — благо — хозяйственное благо. „Предмет“ не входит в круг определяемых им понятий, однако является первым, исходным звеном в логической цепи, первой ступенью в логической лестнице его суждений. Полезность — „предметы, которые обладают способностью быть поставленными в причинную связь с удовлетворением человеческих потребностей“¹⁷. Благо познания полезность и доступная удовлетворению наших потребностей.

Менгер отмечает возможность тройкого отношения количеств доступных распоряжению благ к надобности в них: а) надобность превышает доступное распоряжению количество блага, б) надобность меньше количества благ, доступного распоряжению, в) надобность и доступное распоряжению количество благ покрывают друг друга¹⁸. Хозяйственные экономические блага — блага, надобность в которых превышает доступное распоряжению количество благ. Неэкономические блага — блага, количество которых превышает потребности. Ценностью обладают только хозяйственные или экономические блага.

Менгер подчеркивает, что ценность есть категория исключительно психологическая, индивидуалистическая, отношение человека к вещи. Философия австрийцев — своеобразное сочетание рационализма и эмпиризма. Они не являются идеалистами, отрицающими существование или познаваемость внешнего мира, отличие австрийцев от Лифмана в том, что последний в построении понятия ценности старается оставлять исключительно в рамках субъекта, его сознания. Австрийцы несколько не отрицают обусловленности понятия ценности наличием внешних факторов. Этими факторами являются не вещи в себе, а определенное отношение этих вещей к человеку, выражаемое понятием „редкость“. Менгер пишет: „Объективно существуют ведь всегда лишь вещи, точнее говоря, количества их, а ценность есть нечто существенно от них отличное, именно суждение о значении количества благ для поддержания жизни и благополучия хозяйствующих индивидов“¹⁹.

„Редкость“, это — определенное количественное отношение наличных благ к потребностям. Она есть категория количественная и логическая с определенным качеством неразрывно не связана, в интересующем нас случае — с полезностью вещей она не связана. Редкими могут быть, очевидно, и вещи, совершенно бесполезные для человека, и в таком случае эта „редкость“, оставаясь вне интересов человека, ровно никакого влияния на него ни с какой стороны не оказывает. Но у австрийцев понятие „редкость“ привязано к определенному качеству — „благу“, „полезности“. Понятие же „блага“, „полезности“ — есть понятие субъективистическое. В основе его, причину его являются, однако, внешние, объективные факторы. В этом смысле можно сказать, что у австрийцев „редкость“ есть субъективизированное количество, с одной стороны, количест-

¹⁷ Менгер К., Основания политической экономии, Одесса 1903, с. 1—2.

¹⁸ Там же, с. 50.

¹⁹ Там же, с. 85.

венное качество (но не наоборот)—с другой. В категории „редкости“ активную роль играет количество, в нем примат принадлежит количеству. Поскольку же у австрийцев категория эта связана с определенным качеством—полезностью, постольку нельзя, очевидно, сказать, что редкость они понимают исключительно как чистое количество. Можно сказать, что философской подоплекой понятия „редкость“ у австрийцев является не декартовское понимание количества, а понимание Лейбница. У Декарта—отца рационализма—реальную сущность всех явлений образуют количественные отношения. Мышление имеет своей задачей установление количественных отношений. Задачи физики—сведение качественных определений к количественным. У Лейбница, давшего сочетание рационализма и эмпиризма, количество есть в то же время и качество.

В теории ценности австрийцев „полезность“ играет такую же роль, как в теории Маркса человеческий труд вообще, физиологическая затрата энергии человека. „Полезность“ сама по себе еще не конституирует категории „ценности“, так же как у Маркса труд вообще, безотносительно к социальной форме труда, не „создает“ еще ценности. Категория „редкость“ у австрийцев играет ту же роль, какую в марксовой теории играет категория абстрактного труда. „Редкость“ есть определенная форма полезности, придающая полезности, этой качественной определенности, новое качество—ценность, подобно тому, как у Маркса общественная форма труда—абстрактный труд, создает новое качество—ценность. „Редкость“ в экономической концепции австрийцев есть особая форма отношения человека к вещи.

„Редкость“ в теории австрийцев формирует категорию ценности, совершает превращение „полезности“ в „ценность“. Иначе говоря, у австрийцев демиургом ценности является количество.

Чем обуславливается сама эта „редкость“, само „количество“ благо?—австрийцы вопроса не ставят и ответа на него не дают. Для них эта редкость является данным и не подлежащим дальнейшему анализу.

Совершенно иную роль категорий качества и количества видим мы в марксовой теории ценности. Маркс теорию ценности построил на гегелевском понимании соотношения качества и количества.

У Гегеля—качество есть „тождественная с бытием непосредственная определенность“, количество же—„равнодушно относительно его и ему внешне“. „Качество вообще есть тождественная с бытием непосредственная определенность, в отличие от рассматриваемого после него количества, которое есть также определенность бытия, но уже не непосредственно тождественная с последним, а безразличная к бытию, внешняя ему определенность. Нечто есть благодаря своему качеству то, что оно есть, и теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно было“²⁰. „Качество есть непосредственная определенность. Лишь благодаря качеству нечто является тем, что оно есть“. „Количество представляет собою такое определение, которое не образует природы самой вещи, а есть ее

²⁰ Гегель, Энциклопедия философских наук. Логика, М.—Л. 1929, с. 157.

равнодушное различие, с изменением которой вещь остается тем же, чем она была“ („Пропедевтика“). Количественная определенность требует прежде всего наличия самого бытия, качественной определенности вещи. Качество есть граница, отделяющая бытие от небытия. Качество есть первое и активное начало, определенность формы. Количество—так же неотъемлемая сторона бытия, как и качество. Количество так же ограничивает каждую вещь в ее бытии, но это ограничение не затрагивает бытия самой вещи. Количество так же придает бытию определенность, но бытие не зависит от количественной определенности. Всякое „качество“ есть некоторая устойчивость, относительное постоянство. В то же время „истина бытия это не количество и не качество, взятые в их отдельности—это мера“ (Гегель), и истина самого качества обнаруживается лишь в количестве.

Маркс начинает исследование с определения качества труда, создающего ценность. У Маркса следует дальше выявление количественной характеристики этого качества. У Маркса ценность получает качественную определенность от своей формы—качественно определенное общественное отношение.

Для Маркса категория абстрактного труда есть качественная категория, есть выражение определенного общественного качества—общественного характера труда, специфического характера этого общественного труда в товарно-капиталистическом обществе. Общественный характер труда—основное в понятии абстрактного труда, и это основное есть специфическое качество труда, создающего стоимость.

Стоимость в марксовом понимании есть также прежде всего качество, специфическая форма связи людей в обществе через посредство вещей, продуктов труда. Форма стоимости есть прежде всего качество.

У Маркса для этого качества—стоимости—количественная определенность ее безразлична. Количественную определенность стоимость у Маркса получает от материальных процессов производства. Эта количественная определенность ценности к самой ценности в виде причинного момента, условия ее возникновения—отношения ровно никакого не имеет.

Маркс изучает стоимость со стороны ее формы, субстанции и величины. У Маркса—совсем другое соотношение качественного и количественного анализа. Легко оценить степень „понимания“ марксовой теории со стороны „марксиста“ Грацианди, который утверждает, что Маркс в своей теории ценности дал только количественный или материальный анализ. На самом же деле у Маркса и в способе исследования и в способе изложения качество и количество выступают неразрывно, как неразрывно, в виде двух сторон бытия, существуют они в реальной действительности. Можно также видеть степень „понимания“ марксовой теории Петри, который единственный в марксовой теории принцип ценности разывает на две совершенно самостоятельные проблемы—качественную и количественную—и даже пытается столкнуть одну с другой лбами.

Если мы принцип конституирования ценности у австрийцев применим к марксовой теории с ее категориями, то получим следующее: не всякий абстрактный труд является содержанием стоимости, а определенное количество его не выше или не ниже такой-то

величины. Или то же, но в другом выражении: труд как физиологическая категория становится абстрактны трудом не при наличии определенного нового качества, специфических общественных отношений, а лишь при условии определенного количества этого физиологического труда. В действительности же у Маркса мы имеем совсем иное. Маркс в историческом аспекте рассматривает иногда (напр. во „Введении к критике политической экономии“ категорию абстрактного труда как некое развитие абстрактности, как некую ступень всеобщности. Маркс рассматривает нарастание нового качества—этой всеобщности труда: категория абстрактного труда становится „практической истиной“ только в современном развитии капиталистического общества. Однако эта постановка вопроса совсем иная, чем у австрийцев. Маркс не рассматривает, как изменяется при этом само количество физиологического труда, так как общественная форма труда—стоимости—есть результат определенных общественных, качественно отличных от прежней формы труда, процессов. Ее как форму измерить нельзя. И даже если мы станем ее рассматривать как результат определенных количественных нарастаний, то все же это есть результат количественного нарастания новых качественных признаков труда, а не количеств первичного качества—физиологического труда. У Маркса развитие формы стоимости от простой случайной и кончая денежной есть нарастание всеобщности труда, степени абстрактности труда. Некоторую аналогию тому механизму конституирования категорий, какой в отношении ценности имеется у австрийцев, как будто можно видеть в рассуждениях Маркса о концентрации и централизации капитала. Маркс говорит о том, что при капиталистическом производстве не всякая денежная сумма, денежный капитал может быть превращен в промышленный, производственный капитал а лишь денежный капитал не ниже определенной величины. По мере концентрации и централизации капитала эта нижняя количественная граница все более поднимается. Однако аналогия этого условия образования промышленного капитала и сходного с ним условия образования ценности у австрийцев—чисто внешняя: у Маркса не сама по себе количественная определенность денежного капитала делает его новым качеством—промышленным капиталом, а наличие определенных общественных отношений—капиталистического производства.

Следует сказать еще, что у австрийцев образование нового качества—ценности,—происходит не „по Гегелю“ еще и с другой стороны: у Гегеля количество рождает качество не из самого себя, а путем количественного изменения первичного качества, количественного нарастания нового качества. Причем выявление этого нового качества происходит скачками. Как говорит Гегель—в мере „лукавое“ количество неожиданно нападает на качество и преобразует его в новое качество. У австрийцев это количество проявляет себя не только как „лукавое“, не только неожиданно нападает на качество—полезность и мгновенно превращает его в новое качество—ценность, оно, количество, обладает у них еще одним весьма существенным свойством—рождать новое качество без всякого зачатия. В противоположность библейскому непорочному зачатию, в австрийском Вифлееме ценность рождается путем порочного беззачатия.

По Гегелю (и даже по библии)—новое подготавливается, вызревает в старом, а скачок, появление нового качества есть самоорганизация вызревших элементов в новое качество. У австрийцев количество из самого себя рождает новое качество, ценность.

Полезность переходит в ценность вдруг, скачком, но совсем не потому, что в этой полезности диалектически нарастают элементы этого нового качества. Конституирующим, творящим ценность фактором является само количество, отношение количества благ к количеству потребностей. До момента скачка никаких явлений вызревания нового качества у полезности не происходит. Наглядный пример: городу нужно 100 тыс. ведер воды в сутки, а имеется 150 тыс. ведер. Согласно теории Бема весь запас воды имеет для города громадную ценность, а ведро воды — никакой. Представим себе, что источник воды уменьшается. Когда отношение надобности к запасу равно 100:150, ведро воды никакой квалифицированной полезности, т. е. ценности, не имеет. Когда потребность равна 100 тыс., а запас 125 тыс., полезность ведра воды несколько не изменилась, ведро воды не имеет ценности, так как полезность предельной единицы запаса, как и до этого, равна нулю. В состоянии полезности, как определенного качества, ровно ничего не происходит и тогда, когда число единиц запаса падает до 115, 110, 105 и вплоть до 100 тыс. Когда источник дает 101 тыс. ведер, а надобность равна 100 тыс., полезность ведра воды такая же, как и тогда, когда источник дает 200 тыс., а надобность равна 100 тыс. Ведро воды приобретает новое качество — ценность, только тогда, когда запас воды становится равным потребности в ней, т. е. 100. Скачок, прыжок из сферы полезности в сферу ценности благо совершает исключительно благодаря иному количественному сочетанию запаса и потребности.

Взятый мною часто встречающийся у австрийцев пример с водой в городе не вполне соответствует действительному ходу суждения австрийцев, так как последние берут явление не в его становлении, а в готовом виде. Хотя у Менгера и встречаются рассуждения о переходе благ неэкономических в экономические, однако все рассуждения австрийцев о ценности крайне статичны. И тот же Менгер пишет, что часть благ, доступных распоряжению отдельных членов народа, всегда дана фактически, и задача отдельных лиц, при приведении в известность количеств, о которых идет речь, ограничивается лишь счетом и измерением благ, доступных их распоряжению²¹.

Однако приведенный мною пример основное показывает наглядно: крайнюю механистичность конституирования категории ценности в концепции австрийцев, активную роль, примат количества. Их концепции чужды и „скачок“ и какое бы то ни было „рождение“, так как процесс, отделяющий ценность от полезности, они предельвают лишь в голове, берут явления в статике, и какой бы то ни было „скачок“ не они наблюдают в конкретной хозяйственной жизни, а критик может наблюдать в логическом, формальном, разрывании ими определения ценности.

Этой своеобразной, весьма активной ролью количества в теории ценности обуславливается и склонность австрийцев рассматривать

²¹ Менгер К., Цит. соч., с. 45.

все экономические явления лишь как количественные модификации. Для Менгера экономические явления способны только к количественным изменениям, развитие есть лишь количественное нарастание. Частная собственность и коммунизм, по Менгеру, системы, имеющие основанием своего различия тот же принцип редкости,—количество. По отношению к благам, ограниченным по сравнению с надобностью, люди—собственники, в отношении благ, превышающих потребности, люди—коммунисты, например в отношении к воде в реке, к воздуху. „Коммунизм этот имеет такое же естественное основание в указанном количественном отношении, как собственность в противоположном“²².

В непосредственной связи, но не в прямом причинном отношении, с обрисованной выше особенностью роли количества у австрийцев стоит и бросающийся в глаза явный перевес в их теории количественного анализа над качественным. Эта особенность теории австрийцев есть производное от той исключительно важной роли, какую категория количества выполняет у них. Качественный анализ австрийцев есть всего лишь маленький островок, архипелаг островков, разбросанных в море количественного анализа. Здесь нет надобности детально проследживать соотношение „качества“ и „количества“ в изложении австрийцами своей теоретической системы. Ограничусь лишь более показательными примерами.

В первой главе „Сущность и происхождение субъективной ценности“ первые 8 страниц²³ отведены определению качественных признаков субъективной ценности. Здесь количество фигурирует в роли фактора, трансформирующего понятие полезности в понятие ценности. Остальная часть—об измерении ценности (об единице ценности), об абстрактной родовой ценности. Вторая глава „Величина ценности“—исключительно количественный анализ. Вся третья глава „Возражение и ответ на него“—о количественной определенности ощущений, „во сколько раз одно наслаждение более другого по своей величине“. Четвертая о „величине“ ценности материальных благ при возможности различных способов употребления их. Следует отметить, что определение понятий „потребительная“ и „меновая ценность“ (субъективная) дается Бемом на фоне рассуждений о величине ценности. Сама постановка вопроса о потребительной и меновой ценности дана в измерительном аспекте. Непосредственное употребление вещи владельцем ее для удовлетворения своих потребностей—субъективная потребительская ценность; значение вещи благодаря способности обмениваться на другие материальные блага—субъективная меновая ценность. Сначала Бем рассматривает принцип определения—высоты ценности вещи при возможности различного употребления вещи, благодаря ее технической многосторонности. Затем переходит к другому виду „многосторонности“ вещи, благодаря ее способности быть обмененной. Принципиальной разницы в этих видах многосторонности Бем не видит, его интересует лишь вопрос, какая ценность будет истинной ценностью, так как потребительская и меновая ценность вещи в глазах ее обладателя неодинаковые по величине. Принцип—„истинною ее ценностью является высшая из этих двух ценностей“²⁴, т. е. более высокая по величине. Глава пя-

²² Менгер К., Цит. соч., с. 59.

²³ Там же, с. 15—24.

²⁴ Бем-Баверк Е., Основы..., с. 82.

тая „Ценность комплементарных благ“ — исключительно количественные рассуждения о величине ценности комплементарных благ при различных вариантах отношения их ко всей совокупности благ. И только шестая глава „Ценность производительных благ, отношение между ценностью и издержками производства“ содержит качественный анализ. Вторая часть книги — теория объективной меновой ценности — сплошь количественное описание. Здесь качество есть основной признак, качество категории цены: „Меновая ценность (объективная—А. II.) означает возможность получить в обмен на данную вещь известное количество других материальных благ; цена же означает — самое это количество материальных благ, получаемых в обмен на данную вещь“²⁵. Тоже преобладание количественного анализа и у Менгера.

Как уже сказано, роль, которая в марксовой теории принадлежит труду, как физиологической затрате энергии, у австрийцев выполняет полезность, а роль специфического характера труда в марксовой теории — абстрактного труда — у австрийцев выполняет категория редкости. В этом, конечно, лишь функциональное тождество этих социологически и логически совершенно различных и совершенно несравнимых одна с другой категорий; можно говорить лишь об одной и той же роли, выполняемой этими столь различными категориями в столь различных теоретических системах. Проводя метод аналогий дальше, можно сказать, что категория, принцип предельной полезности австрийцев соответствует категории общественно-необходимого труда в теории стоимости Маркса. По Гегелю — качество и количество объединяются в мере. Мера есть единство качества и количества. У Маркса понятие „общественно-необходимый труд“ есть именно такое единство, есть „качественное количество“. В понятие „предельная полезность“ у австрийцев также представлено единство качества (полезность) и количества (редкость). Но у Маркса понятие общественно-необходимого труда играет довольно скромную роль в теоретическом суждении. У австрийцев же понятие „предельная полезность“ есть краеугольный камень всей их системы, основная идея всего построения. Последнее объясняется именно той непропорционально большой ролью, которую у них играет количество в образовании категории ценности.

Этим же отчасти объясняется и примат математического метода у экономистов так называемой математической школы. Блюмин указывает на две основные причины примата математического метода у них: во-первых, атомистическое понимание экономистами этой школы товарно-капиталистического хозяйства, в виде простейших элементов, атомов — отдельных частных хозяйств. Они, частные хозяйства — первичные и неизменные элементы всего хозяйственного целого, элементы без качественных различий, почему и возможен исключительно количественный анализ их. Во-вторых, замена экономистами этой школы каузального метода методом функциональным; каузальный анализ несовместим с приматом математического метода; для функционального же метода достаточно иметь формулы, выражающие зависимость отдельных величин.

По-моему — третьей и в известном смысле — первичной причиной преобладания математического метода у экономистов „математической“

²⁵ Там же, с. 122, разрядка Бем-Баверка.

школы является обрисованная выше механика и философия конституирования категории ценности у сторонников принципа предельной полезности.

В наличии гипертрофии количественного анализа у экономистов-математиков сказывается прежде всего, так сказать, наследственность, первородный грех—то обстоятельство, что сама-то категория ценности конституируется у них безбременным рождением из принципа редкости, т. е. бестелесного количества.

У австрийцев количество превращает чудесно, подобно уличному фокуснику, полезность в ценность, но эта чудодейственная роль количества у них выражена не совсем наглядно. У „математиков“ ценность представлена во всей своей количественной обнаженности. Приведем для иллюстрации определения ценности Л. Юровским („Очерки по теории цен“). „Хозяйственная ценность есть количественное значение, которое мы приписываем благам, сравнивая их по пригодности служить для удовлетворения наших потребностей; хозяйственная ценность, в отличие от всех других ценностей, означает исключительно и только количество²⁶. „О качественном ее содержании можно сказать словами Г. Зиммеля, „что качество ее заключается исключительно в ее количестве..“ „самое содержание (субъективной) хозяйственной ценности является количеством²⁷. „Прогресс экономической теории“ (Юровский) видит в том, что „новейшая теоретическая экономика рассматривает хозяйственную ценность и цену как функцию количества благ“²⁸. „Математики“ исходят из принципа функциональной зависимости количества благ и их полезности. Полезность благ как функция количества этих благ—основная функция экономистов-математиков. Джемсонс и Вальрас предельную полезность рассматривают как производную функцию полезности. У Кларка ценность есть количественное выражение полезности.

Такова механика и вместе с тем—крайняя механистичность образования категории ценности у австрийцев. Принцип количества играет в их теории самую существенную роль. Анализ этой роли вскрывает нам природу натурализма австрийцев с другой стороны. Натурализм австрийцев выступает, как количественное соотношение вещи и человеческой потребности. Количество у австрийцев составляет остов, скелет ценности, последняя же есть та прозрачная психологическая кисея, которая покрывает этот остов в виде осознанного значения блага для благополучия человека. И сквозь эту прозрачную кисею со всей рельефностью выступает логическое содержание ценности—редкость, количественная категория.

Анализ роли количества в концепции австрийцев вводит нас в секрет психологической „алхимии“ австрийцев, перещеголявших, впрочем, средневековых фанатиков широкоим размахом своих „творчески“ фантазий—из одного лишь „количества“, принципа редкости построить главнейшую категорию современного товарно-капиталистического общества—категорию ценности.

²⁶ Юровский Л. Н., Очерки по теории цены, Саратов 1919, с. 9. разрядка Юровского.

²⁷ Там же, с. 25.

²⁸ Там же, с. 79.

Несмотря на весьма близкое и интимное отношение австрийцев к категории количества, а последнее по отношению к категории ценности находится у них, как мы видели, в родительской роли, все же это „лукавое“ количество проделывает с австрийцами плохие штуки, запутывает их в густую сеть вопиющих противоречий. Например, по справедливому замечанию самого Бема, определение величины ценности материальных благ представляет „главнейшие трудности“ для теории австрийцев.

Нет надобности здесь *останавливаться на тех многочисленных кознях, ловушках, „волчьих ямах“, которые щедро расставлены „лукавым количеством“ на всем протяжении беспредельно-бесполезной „работы“ австрийцев. Относящиеся сюда вопросы уже освещены в марксистской критике, это прежде всего—отсутствие у австрийцев действительной количественной определенности категории ценности как результат произвольности выбора единицы оценки, субъективного представления о деньгах и т. д.

Преобладание количественного анализа над качественным не составляет однако монопольного отличия австрийской теории. Таким же преобладанием количественного анализа характеризовалась, как известно, вся домарксовская политическая экономия. Толкование ценности как принципа количества также не составляет принадлежности одной австрийской школы. В ином виде оно имеется у Германа, у Бэйли, у вульгарных экономистов. Принцип редкости у экономистов, писавших до австрийцев, и у самих австрийцев—обратная сторона их натуралистического, фетишистического вульгарного представления о сущности экономических категорий. У австрийцев принцип редкости есть иное выражение их специфического натурализма—рассматривание экономических категорий как отношений человека к вещи, в то время как у вульгарных экономистов сущность стоимости составляет количественное отношение вещи к вещи, пропорцию, в которой эти вещи обмениваются на рынке.

Как известно, Вильям Петти, родоначальник основных идей теории трудовой стоимости, интересовался прежде всего количественной стороной хозяйственных явлений. Политическая арифметика была первой формой, „в которой политическая экономия выделилась как самостоятельная наука“ (Маркс). Петти стремился к точному количественному описанию наблюдаемых реальных явлений. У Смита, как известно,—смещение мерила стоимости и причин количественных измерений стоимости. Рикардо изучал стоимость преимущественно с количественной стороны, качественная социальная сторона осталась вне поля его зрения. Преобладание количественного анализа у классиков было выражением, результатом отсутствия у них социологического подхода к экономическим явлениям.

Однако роль категории количества у них, конечно, совсем иная, чем у австрийцев; у классиков количество не конституирует самой стоимости.

Эпигоны классиков обращали внимание также преимущественно на количественную сторону стоимости количества труда, либо на относительную меновую стоимость, т. е. количественную пропорцию обмена.

В буржуазной политической экономии „в начале было количество“. „Те немногие экономисты, которые, как напр. S. Bailey, занимались анализом формы стоимости... находясь под влиянием грубого практи-

ческого буржуа, они с самого начала обращают внимание исключительно на количественную определенность менового отношения“²⁹.

Бэйли был далеким предвестником того нигилизма в отношении категории ценности, который пышным букетом расцвел в буржуазной экономии конца XIX и XX столетий. Бэйли отрицал необходимость категории ценности в политической экономии и считал возможным ограничиться изучением отдельных пропорций обмена товаров. „Поверхностная форма, в которой меновая ценность проявляется, как количественное отношение, в какое облакаются товары, есть,—по Бэйли,—их ценность“ (Маркс).

Своей теорией Бэйли дает нам другой образец конституирования категории ценности из количества. Однако между его теорией и теорией австрийцев—значительная разница. Субъективная ценность австрийцев есть абсолютная ценность, тогда как Бэйли не признает абсолютной ценности, оставляет в политической экономии лишь относительную ценность.

Маклеод также отрицал абсолютную ценность и считал, что экономия занимается внешними отношениями вещей к другим вещам: „Экономия есть только наука об отношениях“. „Стоимость некоторого экономического количества есть какое-либо другое экономическое количество, на которое первое может быть обменено“ (Маклеод)³¹. Переводя взгляды Бэйли и Маклеода с экономического языка на философский язык Гегеля, можно сказать, что экономисты эти отбрасывают „бытие в себе“ и признают лишь „бытие для других“, вместо стоимости, т. е. качества, включающего два момента „бытие в себе“ и „бытие в других“, они берут лишь один момент—„бытие для других“, относительную стоимость, отбрасывая „бытие в себе“, абсолютную стоимость. У Маркса же стоимость есть качество, единство двух моментов „бытия в себе“ и „бытия для других“. Количественная концепция ценности в теории австрийской школы предопределяет собою и соответствующее решение этой школой производственных проблем теоретической экономии, таких например, как проблема денег. Так называемое психологическое направление количественной теории денег своим методологическим основанием имеет количественную теорию ценности австрийской школы.

²⁹ Маркс К., Капитал, т. I, М.—Л. 1929, прим. 17.

³⁰ Либкнехт В., История теории стоимости в Англии и учение Маркса, с. 108.

ТЕОРИЯ ШТОЛЬЦМАНА

ОЧЕРК ВТОРОЙ*

ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ И РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ШТОЛЬЦМАНА

1

В основе теории распределения Штольцаманна лежит его своеобразная концепция капиталистического общества. Одним из основных признаков последнего, как известно, является монополизация средств производства, отделение производителя от средств производства, вынужденная необходимость для рабочего заниматься продажей своей рабочей силы. По мере развития капитализма пропасть между рабочими и капиталистами усиливается. Это, казалось бы, бесспорное и очевидное положение оспаривается Штольцманом. Он выдвигает ту мысль, что в капиталистическом обществе имеются встречные потоки: часть капиталистов пролетаризируется, часть рабочих и мелких производителей превращается в капиталистов. Нет жестких границ между отдельными классами. Все время происходит классовый обмен (Klassenwechsel). Конечно не вызывает особых сомнений, что рабочий имеет юридическую возможность перейти в класс капиталистов. Закон не воспрещает рабочим строить заводы, покупать фабрики и т. д. Весь вопрос состоит в том, существует ли фактическая возможность для такого восхождения по иерархической лестнице капиталистического общества и является ли такой подъем нормальным явлением или исключением. Штольцман утверждает, что этот процесс превращения рабочих в капиталистов фактически имеет место. „Переход из одного класса в другой имеется не только в праве, он есть факт действительности. Полезность (Heilsamkeit) непрерывного классового обмена, подъема, опускания и перехода из одного класса в другой очевидна... После отмены *glebae adscriptio* и средневековых цеховых ограничений дана не только юридическая, но и экономическая возможность обмена классов и профессий“¹. Но где Штольцман открыл и обнаружил эту фактическую возможность нормального перехода рабочих в капиталистический класс. Для того, чтобы доказать такую возможность, наш автор вынужден искать иллюстрации в области некапиталистического земледелия. Англия, пишет Штольцман,

* Очерк первый см. «Проблемы экономики» № 1.

¹ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 154.

является плохим примером, ибо у нее отсутствует то, что является наилучшим у нас (т. е. в Германии)—крестьянство ².

Когда он ставит вопрос, почему прибыль должна опуститься до уровня прожиточного минимума предельного капиталиста, он дает следующий ответ: всегда находятся охотники открыть самостоятельные предприятия. Эти охотники могут вербоваться из самых различных классов. В качестве сферы, куда направляются эти новонспенченные капиталисты, Штольцман указывает на сельское хозяйство. Всегда, пишет он, существуют производители, которые знают сельское хозяйство и обладают маленьким капиталом или могут получить его в порядке кредита. Они стараются открыть сельскохозяйственное предприятие, создать собственное мелкое хозяйство. Даже сельскохозяйственные рабочие при наличии очень низкой зарплаты предпочтут начать самостоятельную обработку худших участков ³. По Штольцману, таким образом, для рабочего нет никаких непреодолимых препятствий стать предельным капиталистом. Нужны только энергия, знание, доброе имя и маленький кредит. При таком понимании категории предельного капиталиста последний не может быть признан стопроцентным капиталистом. Это—предельный капиталист не только по отношению к данной сфере производства, но и по отношению ко всему капиталистическому классу. Это переходная фигура, стоящая на грани двух миров — капиталистического и некапиталистического. Правда, Штольцман, отвечая на критику Бем-Баверка, указывает, что предельного капиталиста нельзя смешивать с ремесленником, что—это капиталист, хотя и маленький ⁴. Здесь мы имеем проявление общего противоречия, указанного выше, между социальным и этическим методом. Это противоречие переносится теперь на фигуру предельного капиталиста, который представлен, с одной стороны, как крестьянин или ремесленник, а с другой стороны—как настоящий капиталист. Благодаря этому смешению ремесленного и капиталистического типов хозяйствования Штольцман фактически приходит к отрицанию классовой монополии.

Рассматривая теорию распределения Рикардо, Штольцман упрекает последнего в том, что он устанавливает лишь для заработной платы тенденцию тяготения к какой-то минимальной величине. Между тем прибыль может принимать самые разные значения вне всякого максимума и минимума. Это положение, Штольцман считает ошибочным, ибо, по его мнению, конкуренция всегда должна приводить к минимальным доходам, независимо от богатства или скупости природы ⁵. Не только рабочие, но и капиталисты не могут при нормальных условиях в течение длительного времени получать прибыль выше определенного максимума ибо эта прибыль неизбежно должна опуститься до уровня прожиточного минимума предельного капиталиста ⁶. Ошибка Рикардо, по мнению Штольцмана, состоит в том, что он капиталистический класс рассматривает как какую-то замкнутую касту, что он абстрагируется от непрерывных межклассовых потоков, от давления на капиталистический класс других социальных групп — земельных собственников

² Ibid., S. 155.

³ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 396.

⁴ Ibid., S. 421.

⁵ Ibid., S. 391.

⁶ Ibid., S. 395.

(имеются в виду, главным образом, крестьяне) и рабочих. Благодаря этим межклассовым передвижениям, благодаря этой возможности для рабочего в любой момент превратиться в капиталиста, прибыль начинает подчиняться тем же законам, что и заработная плата. Благодаря стиранию классовых различий, благодаря уничтожению классовых перегородок, начинает стираться различие между доходами отдельных классов. Штольцман указывает, что „никогда нет недостатка не только в лицах, которые удовлетворяются необходимым минимумом чистого дохода, но и в капитале, для того, чтобы развязать скрытую (latente) конкуренцию“ ⁷. Основная ошибка классиков, по мнению нашего автора, состоит в том, что они капитал рисуют как массу материальных средств производства, как накопленный запас последних, который для каждого данного момента имеет совершенно определенную величину. Увеличение, расширение капитала зависит не только от технических условий. Если дана определенная естественная производительность, если имеются люди, готовые работать, платежеспособные покупатели и другие народнохозяйственные условия, то необходимый капитал всегда находится сам собой, в особенности путем кредита ⁸. Штольцман подчеркивает, что капитал есть чисто ценностная и распределительная категория, что он может быть совершенно не связан с производством, как например в случае фиктивного капитала ⁹.

Конкуренция, таким образом, по мнению нашего автора, приводит не только к уравниванию средней прибыли, но и к снижению самого уровня этой прибыли. Это мнение широко распространено в буржуазной экономической литературе. Достаточно сослаться на теорию предпринимательской прибыли Кларка и Шумпетера. Последние полагают, что процесс конкуренции, если он развертывается достаточно интенсивно, если отвлечься от временных сверхприбылей, получаемых капиталистами, вводящими технические усовершенствования, должен привести к полному исчезновению предпринимательской прибыли. В отличие от них Штольцман полагает, что предпринимательская прибыль не может опуститься до нуля, ибо при этих условиях стало бы невозможным функционирование класса предпринимателей — капиталистов; прибыль должна снизиться лишь до уровня прожиточного минимума предельного капиталиста. В основе этого воззрения лежит аналогия между результатами слишком интенсивного развертывания одной отрасли производства, которое может привести к снижению прибыли в этой отрасли, и всего общественного производства. Это воззрение основано на следующих молчаливых предпосылках: а) совокупный общественный капитал в каждый момент может возрасти в каких угодно размерах, независимо от технического состояния производства; б) функционирующие капиталисты путем кредита могут получить какие угодно капиталы, независимо от имеющихся у них собственных капиталов; в) связанное с этим расширение всего общественного производства неизбежно должно привести к снижению цен; г) с другой стороны, расширение этого общественного производства может привести к росту издержек производства, в частности зарплаты. В результате всех этих причин прибыль неизбежно должна снизиться. Все эти предпосылки являются, по меньшей мере,

⁷ Ibid., S. 397.

⁸ Ibid., S. 398.

⁹ Ibid., S. 399.

спорными. Первая предпосылка основана на смешении реального и фиктивного капитала. Расширение общественного реального капитала находится в теснейшей зависимости от состояния материального оборудования производства. Существуют определенные технические границы расширению реального капитала. Подобно представителям кредитного номинализма Штольцман значительно переоценивает роль кредита. Эта переоценка сказывается и во второй предпосылке. Кредит у Штольцмана выступает в роли фактора, который не только способствует значительному усилению мощи капиталистического класса, но и известному нивелированию капиталистического общества. Вспомним о том, что кредит, по Штольцману, дает возможность рабочим и мелким земельным собственникам превращаться в капиталистов. Третья предпосылка предполагает, что расширение всего общественного производства должно оказать такое же влияние на цены, как расширение в одной отрасли производства при неизменном уровне других отраслей. Штольцман игнорирует в данном случае обстоятельство, что расширение общественного производства означает в то же время увеличение общественного спроса (в первую очередь — производительного спроса). Конечно, с расширением общественного производства происходит расширенное воспроизводство целого ряда диспропорций и противоречий, в результате которых должен произойти всеобщий кризис перепроизводства, который приводит ко всеобщему снижению цен. Но при построении теории прибыли мы исходим из состояния равновесия в общественном производстве, мы отвлекаемся от всей совокупности диспропорций между отдельными отраслями производства, между производством и потреблением. Ведь никто не утверждает, что теория прибыли может быть построена лишь на основе теории кризисов. Четвертая предпосылка предполагает, что рост общественного производства должен привести к росту издержек производства. Но последние могут быть подразделены на постоянный и переменный капитал. Рост издержек, связанных с вздорожанием постоянного капитала, означает рост цен в сферах, производящих постоянный капитал. Следовательно, в этой области четвертая предпосылка противоречит третьей. Очевидно, что вздорожание элементов постоянного капитала при прочих равных условиях означает увеличение прибыли соответствующих групп капиталистов. Остается, таким образом, рост издержек, связанных с вздорожанием переменного капитала. Штольцман в данном вопросе отвлекается от того, что расширение масштаба общественного производства обычно сопровождается качественным изменением структуры этого производства, ростом органического состава капитала, ростом относительного перенаселения и всех тех явлений, которые связаны с действием всеобщего закона накопления. Для Штольцмана, как и для целого ряда буржуазных экономистов, характерно, что он склонен переоценивать роль конкуренции между капиталистами и недооценивать значение конкуренции между рабочими. Благодаря этой переоценке факторов на стороне спроса на труд и недооценке факторов на стороне предложения труда получается значительное ослабление, умаление роли классовой монополии в капиталистическом обществе, стирается основная грань между важнейшими классами последнего.

В связи с неверной характеристикой капиталистического общества у Штольцмана получается неверная характеристика функций

капиталиста. Капиталист смешивается с мелким производителем, ремесленником. Штольцман упрекает Бем-Баверка в том, что у него фигура денежного капиталиста совершенно заслоняет предпринимателя¹⁰. Наш автор совершенно верно указывает, что обе функции — предпринимательство и обладание капиталом — тесно связаны между собой, ибо для того, чтобы предприниматель мог получить в ссуду чужой капитал, он должен обладать собственным капиталом, который является фундаментом предприятия¹¹. Ссудный процент зависит от случайного соотношения между двумя группами капиталистов — функционирующих и денежных капиталистов. Это соотношение является производным и второстепенным. При изучении прибыли мы должны рассматривать капиталистов как единую группу, противопоставленную рабочему классу. Все эти замечания Штольцмана совершенно правильны. Но затем он выдвигает ошибочное положение, что из двух факторов, характеризующих капиталиста, — вещного и личного, решающую роль играет личный фактор¹². Иными словами, для Штольцмана капиталист выступает, прежде всего, не как собственник средств производства, не как олицетворение капитала, т. е. самовозрастающей ценности, не как олицетворение эксплуатации, присвоения чужого, неоплаченного труда. В освещении Штольцмана капиталист выступает как производитель, который выполняет определенную работу, хотя и отличную от работы рабочего, но все же необходимую; капиталист выступает как носитель высшей, организующей деятельности, как руководитель технического процесса производства. „Капиталисты имеют то общее с другими классами, в особенности с рабочими, что они получают социально-необходимые доходы за социально-необходимые функции персональных владельцев средств производства“¹³. Капиталисты являются делегированными функционерами общества. Владельцы всего национального производства и потребительского фонда, они являются исполнителями центральной воли, данной через организацию существующего хозяйственного строя¹⁴. Таким образом, с точки зрения Штольцмана, решающим элементом для характеристики капиталиста являются его организаторские функции. Правда, наш автор отмечает, что и капиталист является носителем определенных вещных функций как владелец капитала, но все же решающее значение он приписывает личным функциям. Эта характеристика капиталиста заимствована из области мелкого ремесленного предприятия. Мелкий самостоятельный производитель отличается от рабочего в том отношении, что является не исполнителем чужих планов, чужой воли, а самостоятельным организатором и руководителем производственного процесса, хотя бы в небольшом масштабе. С другой стороны, мелкий самостоятельный производитель является собственником средств производства. Но при определении его дохода решающее значение имеет не вещный фактор, не обладание определенным (обычно незначительным) запасом средств производства, а личный фактор, т. е. трудовая деятельность. Доход этого производителя носит трудовой характер. Даже в том случае, когда ремесленник использует наемную

¹⁰ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 291.

¹¹ Ibid., S. 293.

¹² Ibid., S. 294.

¹³ Ibid., S. 294.

¹⁴ Ibid., S. 297.

рабочую силу в очень ограниченном количестве (труд подмастерьев или учеников), доход его не теряет окончательно свой трудовой характер. Очевидно, что эту характеристику функций ремесленника или очень мелкого капиталиста нельзя распространять на весь капиталистический класс в целом. Предприниматель не должен обязательно заниматься руководством и организацией производственного процесса. Обычно крупные капиталисты-предприниматели передают эти функции наемной администрации. По мере развития и укрупнения капиталистического предприятия труд по надзору и руководству становится функцией наемных агентов, управляющих и директоров, которые обычно получают не очень высокое вознаграждение. Предприниматели отличаются от денежных капиталистов не тем, что они непосредственно участвуют в производственной жизни и осуществляют руководство производством, а тем, что они являются верховными распорядителями данного предприятия, что они несут экономическую ответственность за успешный ход последнего, что они первыми получают все прибыли и несут все убытки, связанные с предприятием, что от их имени совершаются все сделки и т. д.

Оближение капиталиста с мелким производителем, подчеркивание трудовых функций капиталиста позволяют Штольцману сделать ряд апологетических выводов. Из той характеристики, которую наш автор дает капиталисту, вытекает, что последний выполняет определенную полезную функцию, что он является полезным участником производства. Рабочий не должен слишком повышать свою зарплату, чтобы не привести к слишком сильному сокращению прибыли капиталиста, иначе он подрубает тот сук, на котором он держится ¹⁵. Прибыль не в меньшей мере, чем зарплата, является необходимой для существования капиталистического общества. Отсюда Штольцман делает и тот вывод, что антагонизм капиталиста и рабочего есть проявление антагонизма организаторского и исполнительного труда, что этот антагонизм вечен, что он не отомрет с уничтожением капиталистического общества ¹⁶. Всегда будут существовать различия в способностях людей, а в социалистическом обществе потребуется еще большее количество организаторов и руководителей ¹⁷. Отсюда понятно, что Штольцман труд капиталиста считает столь же производительным, как и труд рабочего. Общеественно-необходимым, т. е. общественно-значимым трудом является не только тот труд, который непосредственно служит производству, но и тот труд, который косвенно служит производству и распределению национального и мирового материального продукта, — не только исполнительный, но и организаторский труд. Сюда нужно причислить всех, кто руководит, распоряжается, законодательствует, управляет и защищает производство ¹⁸. Исходя из своей характеристики капиталистического класса, Штольцман приходит к отрицанию эксплуатации. „Их (социалистов — И. Б) мало беспокоит, что предприниматели — вожди нации, которые в большей степени, чем представители исполнительного труда, создали большое искусственное сооружение народнохозяйственной системы и благодаря своей специфической деятельности держат ее

¹⁵ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 182.

¹⁶ Ibid., S. 106, «Zweck in der Volkswirtschaft», S. 617, 621.

¹⁷ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 118. «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 116.

¹⁸ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 616.

в движении“¹⁹. На положении Штольцамана об отсутствии эксплуатации рабочих мы остановимся ниже. Конечно, указанная выше характеристика капиталиста является внутренне противоречивой. Штольцман указывает, что капиталист получает прибыль не только потому, что он выполняет определенные трудовые функции, но также и потому, что он является собственником средств производства, собственником определенного капитала. Это противоречие вытекает из охарактеризованного выше противоречия между социальным и этическим методом нашего автора: с одной стороны, он не может игнорировать бросающихся в глаза специфических особенностей капиталистического способа производства; с другой стороны, он всячески пытается замазать эти особенности, ослабить, смягчить их влияние.

Как мы видели выше, основной предпосылкой теории распределения Штольцамана является молчаливое предположение об отсутствии классовой монополии. Другой предпосылкой его теории является положение об объективной необходимости капиталиста. Основная аргументация нашего автора при построении своей теории прибыли состоит в следующем. Капиталистическому обществу нужны не только рабочие, но и капиталисты. В противном случае оно не было бы капиталистическим обществом. Для того, чтобы капиталисты могли существовать, они должны получать приличествующее им пропитание. Прибыль не может быть ниже прожиточного минимума предельного капиталиста. В противном случае он не смог бы существовать, и нормальное функционирование капиталистической системы в данном масштабе стало бы невозможным. Иными словами, Штольцман считает, что капиталисты нужны в такой же мере и в такой же форме, как и рабочие, т. е. для поддержания данного объема капиталистического производства требуется строго определенное число капиталистов и определенный характер их потребления. Это положение, очевидно, является ошибочным. Конечно, капиталистическое общество нельзя представить себе без капиталистов, иначе оно потеряет свой капиталистический характер. Но потребность в капиталистах, даже с точки зрения этого общества, имеет совершенно другой характер, чем потребность в рабочих. Рабочий является непосредственным участником производственного процесса. При данном масштабе производства, при данном состоянии технического оборудования, при данной длине рабочего дня, интенсивности и умелости труда требуется строго определенное число рабочих. В противном случае осуществление производственного процесса в данном масштабе станет невозможным. С другой стороны, существует известная зависимость между характером рабочей силы и индивидуальным потреблением рабочего. Более интенсивная, более сложная работа требует и лучшего питания, лучших жилищных условий и т. д. Отсюда следует, что обеспечение нормального существования необходимого числа рабочих есть одно из важнейших условий нормального хода воспроизводства. Поэтому потребление рабочих есть один из элементов производительного потребления. Штольцман же считает, что и потребление капиталистов должно быть отнесено к разряду производительного потребления. Это положение является ошибочным. Капиталист выступает в роли лица, присваивающего прибавочную ценность.

¹⁹ Ibid., S. 688.

Какое число капиталистов будет пожирать прибавочную ценность, как они будут пожирать ее, каков характер индивидуального потребления капиталиста, все эти обстоятельства ни в малейшей мере не могут отразиться на процессе образования прибавочной ценности. Останется ли предельный капиталист или исчезнет, — этот факт совершенно безразличен для регулирования средней прибыли. Штольцман в данном вопросе смешивает роль предельного предприятия и предельного предпринимателя. Можно допустить, что, при известных условиях, издержки предельного предприятия регулируют рыночную цену товара. Если предельное предприятие перестанет работать, то это может вызвать сокращение общественного производства. Но можно смело утверждать, что при всех условиях вопрос о сохранении предельного предпринимателя не имеет никакого значения. Если данное предприятие перейдет из рук предельного капиталиста в другие руки, то это не окажет, при прочих равных условиях, никакого влияния на процесс образования прибыли.

Потребление капиталиста имеет производный характер. Оно зависит от прибыли, но не влияет на последнюю. Отсюда очевидно, что теория прибыли Штольцмана заключает в себе заколдованный круг. Она определяет прибыль прожиточным минимумом предельного капиталиста. Но кого считать предельным капиталистом? Того капиталиста, чья прибыль равна прожиточному минимуму. Иными словами, прибыль определяется прожиточным минимумом того капиталиста, чья прибыль равна прожиточному минимуму. Этот заколдованный круг нельзя разрешить путем ссылки на взаимодействие отдельных моментов. Такое взаимодействие имеется, например, в следующем случае: цена хлеба определяется ценой производства на наихудших участках; выбор наихудшего участка зависит от спроса на хлеб, который, в свою очередь, зависит от цены на хлеб. Здесь это взаимодействие имеет место потому, что хотя обработка наихудшего участка зависит от спроса, но, в свою очередь, эта обработка влияет на общие размеры производства, на производительность земледельческого труда, на процесс ценообразования. На это взаимодействие нельзя сослаться при разрешении порочного круга в теории прибыли Штольцмана, ибо потребление капиталиста является только зависимым моментом от величины прибыли, но не может влиять на последнюю.

Каким образом столь серьезный экономист, как Штольцман, мог допустить столь абсурдную предпосылку объективной необходимости предельного капиталиста? По нашему мнению, эта предпосылка логически вытекает из его характеристики функций капиталистов. Поскольку капиталист изображается как необходимый агент производственного процесса, выполняющий все функции по организации и руководству этим процессом, постольку появляется потребность в строго определенном числе капиталистов. Обеспечение нормального потребления капиталиста, соответствующего интенсивности выполняемой им работы, превращается в одно из важнейших условий нормального хода воспроизводства. Поскольку капиталист ставится на одну доску с рабочим, постольку и потребление капиталиста должно войти в состав производительного потребления. Отсюда получается известная аналогия в принципах регулирования зарплаты и прибыли. Отсюда вполне логически получается тот вывод, который делает Штольцман, что ежегодная масса продуктов производства

есть результат услуг не только рабочих, но и капиталистов и должна быть вменена обоим ²⁰. Отсюда следует другой чрезвычайно важный вывод, что прибыль капиталиста нельзя рассматривать как какой-то вычет из труда рабочего ²¹. Поскольку Штольцман утверждает, что капиталисты оказывают известные услуги наравне с рабочими и что прибыль получается не на основе эксплуатации, постольку он приходит к выводу, что движение прибыли имеет самостоятельный характер и не зависит от движения зарплаты. Рост зарплаты необязательно должен сопровождаться снижением прибыли ²². Весьма любопытно, что Штольцман обвиняет даже Бем-Баверка, что тот молчаливо исходит из трудовой теории ценности и теории эксплуатации. Бем-Баверк ставит вопрос так: почему рыночная цена производительного блага „труд“ всегда должна стоять ниже, чем произведенная с его помощью ценность и цена готового продукта труда. „Если,— добавляет Штольцман,— всякий продукт может быть рассматриваем как продукт труда, то мы имеем очевидное совпадение с социалистическим ходом мышления“ ²³. Очевидно, что и Бем-Баверк является недостаточным последовательным апологетом капитализма в глазах Штольцмана.

Три основные предпосылки теории распределения нашего автора—отрицание классовой монополии, положение о примате личных функций капиталиста над вещными, учение об объективной необходимости предельного капитала, о производительном характере потребления капиталистов—тесно связаны между собой. Все они вытекают из основной тенденции Штольцмана сблизить капиталистическое и ремесленное производство. Но Штольцман не мог все время оставаться на этой позиции. Перед лицом неумолимых фактов капиталистической действительности он вынужден вносить в свою концепцию капиталистического хозяйства целый ряд коррективов, и в результате в его теории распределения возникает ряд противоречий. Штольцман не может умолчать о том, что капиталист является не только носителем определенных организаторских функций, но и собственником средств производства. Поэтому в доходе капиталистов должны оказаться такие элементы, которые не могут быть объяснены на основе теории распределения нашего автора. Возьмем, например ссудный процент. Штольцман не отрицает, что предприниматель может частично работать на чужой капитал. И предельный капиталист, по определению нашего автора, обычно прибегает к ссуде капитала, работает не только на собственный капитал ²⁴. Этот предельный капиталист после реализации своего продукта, за вычетом всех необходимых расходов, должен получить покрытие нормального и приличного в данных исторических условиях прожиточного минимума. Какие же это вычеты? К этим вычетам, по мнению Штольцмана, нужно отнести не только возмещение капитала, но и ссудный процент ²⁵. Здесь мы сталкиваемся с такой дилеммой: а) или процент входит в состав прибыли, определяемой на основе прожиточного минимума, или б) процент есть какая-то надбавка к прибыли, равной

²⁰ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 285.

²¹ Ibid., S. 287.

²² Ibid., S. 430.

²³ Ibid., S. 287.

²⁴ Ibid., S. 427.

²⁵ Ibid., S. 427—428.

прожиточному минимуму. Если допустить первую возможность, то становится непонятным, каким образом осуществляется нормальное пропитание предельного капиталиста. Очевидно, что в этом случае прибыль (поскольку из нее должны быть сделаны вычеты) окажется недостаточной для прокормления предельного капиталиста. Если принять другую возможность, то непонятно, где находится источник процента. Последний превращается в какую-то надбавку над уровнем прожиточного минимума. Поскольку процент, по собственному утверждению Штольцамана, есть часть прибыли, постольку отсюда напрашивается тот вывод, что общая прибыль определяется не на основе прожиточного минимума. Это противоречие не случайно. Если в предпринимательской прибыли имеется видимость совпадения с платой за надзор, то процент выступает как чистый нетрудовой доход, который в системе ремесленного хозяйства имеет случайный характер, который по существу (если отвлечься от ростовщического кредита) противоречит этой системе. Иными словами, тут Штольцаман натолкнулся на капиталистическую категорию и оказался бессильным ее разрешить.

Возьмем другой факт, который противоречит теории прибыли нашего автора, — проблему накопления капитала. Для того, чтоб было возможно нормальное функционирование капиталистической системы, необходимо, чтоб были обеспечены условия накопления капитала. Штольцаман не отрицает этот момент. Наоборот, он подчеркивает в качестве особого преимущества капиталистической системы, что она создает стимулы к накоплению. Основной недостаток социалистических учений он видит в том, что они игнорируют психологию хозяйствующего субъекта, а именно роль отдельных мотивов, в особенности мотива к накоплению, к наживе, как двигателя человеческого поведения ²⁶. Капитализм дает наибольший простор для проявления этих мотивов, а потому приводит к наибольшему развитию производства, к наилучшему удовлетворению человеческих потребностей. Значение капиталиста, по Штольцаману, состоит не только в том, что он руководит производством, но и в том, что он накапливает необходимый фонд средств производства. Капиталист оказывает услугу «через накопление и сохранение необходимого для всякого общественного строя фонда вещественных средств производства, что является предварительным условием всякого производства, основанного на разделении труда в крупном масштабе,—услугу, которая в социалистическом государстве будет поручена наиболее одаренным и наиболее высоко оплачиваемым организаторским талантам. Презираемый, вечный, индивидуалистический стимул капиталиста к накоплению имеет в то же время наибольшее социальное значение, он содействует сильнее, чем все социалистические приказы, непрерывному увеличению национального фонда средств существования, который образует также первое условие увеличения доли рабочего» ²⁷. Но каким образом капиталист может осуществлять эти функции накопления, которым Штольцаман поет дифирамбы? Очевидно, что капиталист может выполнять эти функции лишь в том случае, если его доход превышает его прожиточный минимум, если не вся прибыль потребляется капиталистом. Здесь мы снова стоим перед диле-

²⁶ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 664.

²⁷ Ibid., S. 669.

мой: а) или признать, что прибыль не определяется прожиточным минимумом, б) или признать, что капиталист не может накапливать, что в капиталистическом обществе возможно лишь простое воспроизводство. Правда, эту трудность можно разрешить следующим образом: накапливают не предельные капиталисты, а предельные капиталисты стремятся лишь к тому, чтобы обеспечить приличный уровень существования. Это решение подчеркнуло бы лишний раз тот фактический дуализм, который существует в теории прибыли Штольца. Предельные и непредельные капиталисты выступают как две социально отличные группы: непредельные капиталисты — настоящие капиталисты, предельные капиталисты представляют собой полукapиталистов, полуремесленников. Своеобразие Штольца состоит в том, что последнюю группу, т. е. группу ремесленников, он рассматривает как ту группу, которая регулирует законы капитализма, определяет его движение.

Дуализм в теории распределения Штольца проявляется в том, что эта теория не объясняет уровня прибыли непредельных капиталистов, т. е. настоящих капиталистов. Наш автор полагает, что среднюю норму прибыли нужно вычислить путем деления прожиточного минимума на его капитал. В силу законов конкуренции все капиталисты получают одинаковую норму прибыли, вычисленную выше²⁸. При объяснении прибыли Штольцман исходит из принципа предельных издержек. Уровень прибыли определяется в наименее производительном пункте, который необходим для удовлетворения существующего общественного спроса. Но принцип предельных издержек действует там, где свободное воспроизводство натывается на известные препятствия, где существуют длительные, неустойчивые фиксированные различия в издержках производства между отдельными предприятиями, где конкуренция не может выравнивать рентабельность отдельных предприятий. Классическим примером сферы применения этого принципа является земледелие, где цена производства продукта определяется издержками производства на наихудшей земле. В связи с этим в земледелии получается особый доход рентного характера — дифференциальная рента. Свободная конкуренция не может выравнивать эти различия ренты для собственников разных земель, ибо различия в издержках производства на разных участках закреплены в силу естественных причин. Дуализм Штольца в данном вопросе проявляется в том, что он пытается механически сочетать принципы предельных издержек и свободной конкуренции. Если непредельные капиталисты находятся в лучших условиях, чем предельные капиталисты, если они располагают более мощным оборудованием, с лучшими техническими методами, то непонятно, почему они должны удовлетворяться той же нормой прибыли, что и предельные капиталисты. Если Штольцман уже встал на путь учета качественных различий внутри капиталистического класса, то он должен был быть последовательным до конца, т. е. допустить расхождение не только в массе, но и в норме прибыли. Наш автор некритически превращает норму прибыли предельного капиталиста в среднюю норму прибыли. Фактически норма прибыли непредельных капиталистов остается необъясненной. Правда, можно сказать, что прибыль предельного капиталиста определяет цены; а

²⁸ Ibid., S. 416—417.

если известны цены товара и издержки производства, то можно определить прибыль непредельных капиталистов (аналогично тому, как определяется дифференциальная рента). Но не всякие цены товаров определяются предельным капиталистом. Предположим, что мы имеем сферу, где господствует крупное производство, где наиболее отсталые предприятия являются относительно крупными (напр. металлургию). Предельный капиталист, который является предельным, не по отношению к отдельной сфере производства, а по отношению ко всему капиталистическому обществу, не сможет проникнуть в эту сферу, и в результате нельзя будет объяснить ни уровень цен данных товаров, ни уровень прибыли в данной сфере.

Граница между предельными и непредельными капиталистами есть граница между ремесленным и капиталистическим производством. Штольцман полагает, что по мере развертывания процессов концентрации и централизации эта граница механически передвигается вверх и что напр. предельный капиталист начала XIX века качественно однороден с предельным капиталистом второй четверти XX века. Штольцман объясняет тенденцию к падению нормы прибыли тем фактом, что постепенно происходит укрупнение капиталов, принадлежащих предельному капиталисту, благодаря концентрации и разорению более мелких капиталистов. Прибыль попрежнему регулируется прожиточным минимумом предельного капиталиста (который рекрутируется из все более и более зажиточных групп). Поскольку капитал, принадлежащий предельному капиталисту, растет, постольку происходит падение нормы прибыли²⁹. Это объяснение носит на себе печать общего противоречия, отмеченного выше. С одной стороны, Штольцман утверждает, что предельный капиталист поднимается вверх, рекрутируется из групп, имеющих большой капитал. С другой стороны—наш автор полагает, что предельный капиталист качественно не изменяется, что идея пропитания является руководящим принципом его деятельности. Последнее положение ошибочно. Нельзя ставить знак равенства между устранением с арены предпринимательской деятельности ремесленника и среднего капиталиста. Последний может встать в финансовую зависимость от крупного капитала, он может превратиться в рантье, в ссудного капиталиста; но потеря его самостоятельности, отказ от функций активного капиталиста не означает еще, что этот новый предельный капиталист стоит на пороге нищеты, что его прибыль не превышает прожиточного минимума. В теории Штольцмана имеет место не только смешение принципов ремесленного и капиталистического производства, но и постепенное восхождение первого принципа, постепенное завоевание им все новых и новых сфер господства. Динамика капитализма получает совершенно извращенное выражение в теории нашего автора.

2

При рассмотрении теории ценности Штольцмана мы прежде всего сталкиваемся с такой проблемой: какую теорию ценности дает наш автор—натуралистическую или социологическую, и, в частности, каково его отношение к теории предельной полезности. С одной стороны, у Штольцмана можно встретить ряд мест, где подчеркивается

²⁹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 417.

социальная сущность, социальный смысл ценности. Известно, что в своей критике австрийской школы он очень настойчиво отмечает, что нельзя вывести закон ценности на основе анализа изолированного хозяйства Робинзона. Рассматривая теорию Туган-Барановского, Штольцман упрекает его в том, что он пытается увязать натуралистическую теорию предельной полезности с социальной теорией распределения. Ценность, добавляет Штольцман, есть такой факт, который конституируется обществом. Масштаб для сопоставления двух рядов благ может быть заимствован лишь из общественных отношений. То, что Робинзон называет ценностью, лишь по имени сходно с ценностью в нашем обществе³⁰. Весьма ярко социальная сущность ценности выражена в следующей фразе: „Ценность есть производная из общественных отношений. Ценность обозначает объективированный осадок (Niederschlag) этих отношений и связей... она отражает не индивидуальные потребности, как утверждает индивидуалистическая школа, а общую социальную структуру, создающую рамки, в которые включены индивидуальные хозяйства“³¹. Но наряду с этими высказываниями у Штольцмана имеются и другие, которые подчеркивают натуралистическое содержание ценности. У нашего автора имеется ряд положений, в которых дается весьма положительная оценка теории предельной полезности. По мнению нашего автора, теория полезности дает правильное объяснение не только тех оценок, которые делают изолированные индивиды, но также и оценок в трудовом объединении, поскольку последнее рассматривается под углом зрения технического взаимодействия и технического производственного успеха³². Дальше Штольцман отмечает, что все соотношения издержек и полезности, которыми так тщательно занимается теория предельной полезности, вполне приложимы к нашему обществу, поскольку мы ограничиваемся техническим рассмотрением, поскольку нас не интересует влияние регулирования³³. Заслуга теории предельной полезности состоит в том, что она исследовала, как происходит приспособление производства к потреблению и как образуется в данном хозяйстве устойчивое потребительское и производственное равновесие³⁴.

Штольцман считает необходимым отметить не только социальный, но и субъективный характер ценности. Ценность, пишет он, всегда имеет субъективное происхождение, всегда является результатом субъективных целевых отношений; все теории классиков потерпели крушение потому, что они игнорировали субъективную сущность ценности³⁵. В этом пункте, по его мнению, теория предельной полезности стоит ближе к истине, чем учение классической школы. В конце своей основной книги Штольцман дает такую оценку теории предельной полезности: „Внутри этих рамок (речь идет о социальном, регулировании—И. Б.) действуют великие законы предельной полезности. По ее классическим законам определяется пестрое содержание всех объектов спроса и предложения и возможный объем рас-

³⁰ Статья «Die soziale Theorie der Verteilung», «Conrad's Jahrbücher, 3 Folge Bd, 55, S. 13.

³¹ «Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie», S. 119—120.

³² «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 217.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., S. 221.

³⁵ Ibid., S. 776.

ширения продукции. Включенная в рамки социального объективного анализа, теория предельной полезности остается... вечным достоянием науки. Вырванная из этих социальных рамок, она превращается в узурпатора“³⁰. Штольцман не является, таким образом, сторонником выбрасывания за борт теории предельной полезности; он пытается дать ей какое-то место в своей экономической системе³⁷.

Чем объяснить этот дуализм в теории ценности Штольцмана, выражающийся в том, что последний, с одной стороны, обвиняет австрийцев в натурализме и в то же время подчеркивает высокую познавательную ценность их выводов? По нашему мнению, этот дуализм объясняется тем, что наш автор рассматривает ценность с двух сторон: со стороны ее социальной функции и со стороны ее натурального содержания. Как увидим ниже, в вопросе о содержании ценности он очень близко подходит к австрийцам. Этот дуализм весьма ярко проявляется в той главе в „Zweck der Volkswirtschaft“, где он дает подробную критику трудовой теории ценности. В своем анализе он намечает две ступени. Первоначально он берет чисто технический разрез и рассматривает определенный социальный коллектив, отвлекаясь от формы его регулирования и организации. Затем он включает все эти социальные моменты и пытается выяснить социальную обусловленность ценности. Этот дуализм теории ценности Штольцмана объясняет такие формулировки последнего, что „цена всегда имеет социальный характер, в то время как ценность может иметь чисто субъективный характер, ценность может быть для отдельного субъекта“³⁸, и что ценность будет существовать в социалистическом обществе³⁹.

В чем заключается социальная функция ценности по Штольцману? Наиболее ярко мысли последнего по данному вопросу выражены в следующем месте: „Понятия регулирования, распределения и ценности тесно связаны между собой и друг друга обуславливают. Мы можем установить, что распределение есть целевая функция регулирования, а ценность есть функциональное, органическое средство (Medium) распределения“⁴⁰. Сущность этого положения состоит в следующем. В основе народного хозяйства лежит идея пропитания всех необходимых членов общества; эту идею пропитания можно рассматривать как цель (в условном смысле) народного хозяйства. Идея пропитания находит свое осуществление в распределении общественного продукта. Последний распределяется между отдельными классами в таких пропорциях, которые обеспечивают получение прожиточного минимума предельным рабочим и капиталистам. Это распределение в свою очередь осуществляется через механизм ценности. Цены товаров равны зарплате и прибыли. Иными словами, товары продаются по таким ценам, которые обеспечивают прожиточный минимум рабочих и капиталистов или получение социально-необходимых доходов. В анализе социальной роли ценности можно на-

³⁶ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 356.

³⁷ Диль (в статье «Zurechnungstheorie und Verteilungslehre», «Conrad's Jahrbücher», 3. Folge, Bd. 76, S. 676) остроумно замечает, что теория Штольцмана представляет брак по расчету (Vernunftsehe) между теорией предельной полезности и учением о социальном регулировании, но такой брак, добавляет Диль, должен оказаться мезальянсом.

³⁸ «Wesen und Ziele der Wirtschaftsphilosophie», S. 48.

³⁹ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 117.

⁴⁰ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 356.

метить три ступени: а) теорию цели народного хозяйства, выражающую идею пропитания; б) теорию распределения, выражающую идею социально-необходимых доходов, обеспечивающих прожиточный минимум; в) теорию ценности, показывающую механизм этого распределения. Иными словами, по Штольцману, цель народного хозяйства состоит в том, чтобы все участники производства (рабочие и капиталисты) получили социально-необходимые доходы, а ценность товара есть то средство, при помощи которого производитель товара получают социально-необходимые доходы. С точки зрения Штольцмана, ценность есть функциональное свойство вещи, заключающееся в том, что она дает своему обладателю право на получение известной доли из общественного потребительского фонда в соответствии с величиной социально-необходимого дохода. Производитель может изготавливать средства производства или такие предметы потребления, в которых он не нуждается. Но продажа этих товаров гарантирует ему возможность покрытия своих потребительских нужд. В цене товара антиципируются доход и потребление данного производителя. Иными словами, ценность для Штольцмана есть способность товара притягивать из сферы обращения предметы потребления в количестве, обеспечивающем существование предельных рабочих и капиталистов. Здесь можно установить различие между австрийцами и Штольцманом. С точки зрения австрийцев, ценность производительного блага определяется ценностью тех потребительских благ, которые могут быть изготовлены из данного производительного блага (если отвлечься от усложняющих случаев субституции). По Штольцману же ценность производительного блага определяется ценностью тех потребительских благ, которые потребляются производителем в процессе изготовления данного производительного блага. Источник ценности, по Штольцману, лежит в сфере потребления производителя средств производства, а не потребителя конечных продуктов данных средств производства. Мы оцениваем товары, говорит Штольцман, соответственно их издержкам производства, т. е. соответственно ценам тех, которые эти товары доставляют ⁴¹.

В основе теории ценности нашего автора лежит его учение о взаимоотношении между производством и потреблением. Для того, чтобы объяснить ценность, нужно, по его мнению, обратиться к анализу издержек производства, т. е. к анализу производства; но чтобы, в свою очередь, понять производство, нужно обратиться к общественно-необходимому потреблению. Производство возможно только тогда, когда все необходимые производители (в состав которых, по Штольцману, входят и капиталисты) получают нужные средства существования. Иными словами, в основе теории ценности нашего автора лежит идея социально-необходимого и урегулированного потребления, которое делает возможным общественное производство в определенном масштабе. В этом заключается основное отличие Штольцмана от австрийцев, которые в качестве исходного пункта берут потребление вообще вне его связи с производством. Теорию австрийцев можно выразить в виде такой схемы: потребление — субъективные оценки, основанные на потребительной ценности, — ценность; теорию Штольцмана можно выразить в виде другой схемы: общественно-необходи-

⁴¹ Статья «Die Kritik des Subjektivismus u. s. w.», «Conrad's Jahrbücher» 3. Folge, Bd. 43, S. 180—181.

мое потребление, которое является условием производства,—нормальный уровень потребления—доходы—издержки производства—ценность. Из этой теории вытекает определенное решение вопроса о роли потребительного спроса и издержек производства. Если взять все общество в целом и если отвлечься от получателей производных доходов, то производители совпадают с потребителями⁴². Штольцман поддерживает известное положение Адама Смита, что ценность товара может быть разложена на доходы. Отсюда следует, что совокупность издержек производства совпадает с совокупностью доходов, т. е. с совокупным потребительским спросом. Товар продается по определенным ценам в зависимости от издержек производства; последние определяются доходами, т. е. зарплатой и прибылью. Эти доходы в свою очередь зависят от нормального спроса рабочих и капиталистов. Ценность производственных факторов есть антиципированная ценность этого спроса потребителя, антиципированная в телеологическом смысле⁴³. Исходя из единства всех производителей и потребителей, Штольцман выдвигает положение, что покупательная сила не может быть определена без силы продавца (*Verkaufskraft*) и, наоборот, что обе категории взаимно влияют друг на друга. Маршалл прав, когда, анализируя влияние спроса и издержек производства, приводит известный пример с двумя лезвиями ножниц⁴⁴.

В теории ценности Штольцмана решающую роль играют доходы непосредственных участников производства—рабочих и капиталистов. Ценность товаров определяется издержками производства, которые регулируются социально-необходимыми доходами. Но что представляют собой эти доходы? Понятие „доход“ является довольно многогранным. Понятие доход может иметь три значения: а) как ценностный доход, т. е. как определенная сумма ценностей, регулярно получаемая производителем; б) как натуральный доход, т. е. как определенная масса вещей, продуктов, потребительных ценностей, потребляемых получателем ценностного дохода, и в) как психологический доход (термин, введенный Феттером), т. е. как та сумма полезности или удовлетворения, которая связана с потреблением данного натурального дохода. О каком доходе идет речь в рассуждении Штольцмана? Если принять, что ценность товаров в конечном счете определяется ценностным доходом, то мы неизбежно получим заколдованный круг. Ибо ценностный доход, в свою очередь, зависит от ценности тех товаров, которые входили в состав прожиточного минимума. Иными словами, ценность одного товара выводится из ценности другого товара или того же самого товара (если речь идет о предметах существования). Такое толкование теории Штольцмана лишает последнюю всякого теоретического значения. Нам представляется, что наш автор обычно под доходом понимает или массу предметов потребления, или полезность этих предметов потребления, входящих в состав прожиточного минимума. Конечную основу ценности Штольцман, по нашему мнению, видит в полезности предметов, входящих в состав натурального дохода. Мы видели выше, что он подчеркивает субъективное основание всякой ценности. Когда мы говорим о ценности, то мы прежде всего ставим вопрос—для кого существует

⁴² «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 759.

⁴³ Ibid., S. 760.

⁴⁴ «Die Kritik des Subjektivismus u. s. w.», «Conrad's Jahrbücher», 3 Folge, Bd. 48, S. 184—185.

эта ценность: „Издержки тяготеют в последнем счете в какой-нибудь реализуемой через них, хотя может быть весьма отдаленной цели. Величины издержек всегда являются величинами полезности“⁴⁵. Когда Штольцман рассматривает простейшее общество (так наз. *Urtyrus*), состоящее из 10 производителей, затрачивающих каждый по 10 часов и производящих в течение дня каждый по 10 штук особого товара, он указывает, что данные товары имеют равную ценность не потому, что на них затрачивается одинаковое количество труда, а потому, что они обеспечивают равное удовлетворение потребностей, равное выполнение потребительского бюджета⁴⁶. В той же главе Штольцман подчеркивает, что трудовые затраты являются лишь показателями ценности, а не ее основанием (*Grund*). Это основание он видит в той полезности, которая присуща материальному богатству.

Здесь отчетливо выступает различие между теорией ценности Маркса и Штольцмана, хотя обе теории подчеркивают социальную роль, социальную функцию ценности. Для Маркса ценность есть фетишизированное выражение общественного труда в определенной социально-экономической обстановке. Динамика ценности отражает движение производительных сил. Для Штольцмана ценность есть своеобразное выражение общественно-урегулированного потребительского фонда, рассматриваемого как совокупность материальных благ, имеющих определенную полезность. Динамика ценности отражает, прежде всего, движение потребления. Поэтому мы считаем ошибочным мнение Вем-Ваверка, который определяет теорию ценности Штольцмана как особый вариант трудовой теории, как „самое тщательное и законченное изложение, какому вообще до сих подвергалась идея трудовой теории“⁴⁷. Точно так же мы считаем ошибочной интерпретацию Ледерера, который характеризует теорию Штольцмана как теорию издержек производства⁴⁸. Как мы видели выше, категория издержек производства занимает промежуточную инстанцию в системе нашего автора: эта категория находит свое конечное объяснение в категории дохода. Теорию ценности Штольцмана следовало бы определить как социологический вариант теории полезности. Если Вем-Ваверк рассматривает ценность как выражение индивидуальной потребности, индивидуальной полезности, то Штольцман рассматривает ценность как выражение полезности общественно-урегулированного и общественно-необходимого натурального дохода предельного рабочего и капиталиста. Социологические моменты в теории ценности Штольцмана выражаются в следующем: а) берется не изолированный субъект, а член общества, который связан с последним по линии производства и поэтому рассматривается не только как потребитель, но и как производитель; б) потребление производителя регулируется обществом на основе закона общественно-необходимых доходов; в) потребление данного производителя рассматривается как необходимое условие нормального хода общественного воспроизводства; г) ценность рассматривается как орудие осуществления цели в народном хозяйстве, т. е. идеи пропитания. Ближе всего теория ценности Штольцмана стоит к теории Оппенгеймера. На эту близость об-

⁴⁵ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 218.

⁴⁶ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 223.

⁴⁷ «Капитал и прибыль», 1909, с. 597.

⁴⁸ Статья «Neuere Literatur aus dem Gebiete der nationalökonomischen Theorie», «Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik», Bd. 31, S. 157.

ратил внимание сам Штольцман ⁴⁰. Подобно нашему автору, Оппенгеймер во главу угла выдвигает идею дохода. Равные ценности выражают равные доходы. „Она (собственная теория автора—И. Б.) в последней инстанции приводит не к ценам, не к издержкам (и их ценам), а к доходам, Доходы же представляют собой не меновую ценность, а потребительную ценность“ ⁵⁰.

Исходя из того, что ценность является своеобразным выражением полезности определенного потребительного фонда, Штольцман логически должен прийти к выводу, что ценность является продуктом не только труда. Как известно, в образовании потребительной ценности может принимать участие и природа. Рассматривая теорию ренты, Штольцман делает из своей теории логический вывод, который приводит его к физиократическому объяснению ренты. Наш автор считает ошибочным мнение Рикардо, что ренту нужно рассматривать как продукт бедности природы, ограниченности производительных сил в земледелии. „Рента была бы невозможна, если бы сырые материалы, из продажи которых она образуется, не давали действительного излишка в натуральном богатстве, в эффективной потребительной ценности. Она немыслима, если те продукты не дают излишка над сырыми материалами, которые действительно необходимы для получения общественно-необходимых доходов капиталистов и рабочих ⁵¹. Из этого физиократического положения наш автор делает тот вывод, что „если земельная рента представляет собой действительное богатство, то ее существование не нарушает интересов каких-либо классов“ ⁵². Если сопоставить приведенное выше положение о вещных услугах капиталиста с данным положением об особой услуге землевладельца, то мы получим почти полное воспроизводство с знаменитой теорией услуг Сэя. Эта теория услуг вполне гармонирует с той теорией полезности, которая лежит в основе учения Штольцмана. Здесь может встать вопрос, почему не пришли к физиократическим выводам австрийцы, которые во главу угла выдвигают категорию потребительной ценности. Это объясняется тем, что в теории ценности австрийцев очень значительную роль играет момент редкости. Всякий излишек ценности они выводят из недостатка благ, из их редкости. Поскольку Штольцман, с одной стороны, приписывает решающую роль потребительной ценности, а, с другой стороны, отводит подчиненное место моменту редкости, постольку он излишек ценности и прибыли в земледелии связывает с излишком потребительной ценности.

Необходимо отметить, что наш автор полезность понимает несколько иначе, чем австрийцы. Штольцман расходится с австрийцами в вопросе о трактовке полезности в двух пунктах: а) он полагает, что нельзя брать изолированные потребности, а что нужно взять потребление данного субъекта как единый, совокупный процесс ⁵³ и б)

⁴⁹ «Grundzüge einer Philosophie der Volkswirtschaft», S. 209.

⁵⁰ «Wert und Kapitalprofit», 2. Aufl., S. 46. Необходимо отметить, что в третьем издании этой книги (вышло в 1926 г.), значительно переработанном под влиянием полемики с Аммоном, Оппенгеймер не приводит этой формулировки. Из третьего издания «Wert und Kapitalprofit» нельзя установить, о каком доходе—ценностном или натуральном—идет речь. На одной и той же с. 15 он говорит то о номинальном, то о реальном доходе.

⁵¹ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 443.

⁵² Ibid., S. 457.

⁵³ Ibid., S. 219.

он считает, что полезность не поддается непосредственному измерению, что она нуждается в каких-то других средствах измерения. Штольцман считает необходимым в своем анализе исходить из всего комплекса средств существования, которые нормально потребляются данным субъектом или данным обществом. Этот комплекс он называет единицей пропитания (*Nahrungseinheit*). Иными словами, отдельные продукты выступают не как самостоятельные величины, получающие независимо друг от друга субъективную оценку, а как доли единого комплекса, единого фонда средств существования, как составные части единого потребительного бюджета. Если полезности отдельных элементов потребления рассматривать как производные, то встает вопрос, как измерить соотношение полезности этих отдельных элементов, отдельных благ. Штольцман считает, что из рассмотрения единицы пропитания нельзя вывести количественных закономерностей цены. Для решения этой проблемы нужно учесть издержки производства. Штольцман рассматривает этот вопрос лишь в применении к простому товарному хозяйству, предполагая, что все издержки производства могут быть сведены к труду и что производители интересуются лишь количеством затраченного труда (вопрос о том, как происходит это измерение полезности в капиталистическом обществе, наш автор обходит). В таком простом товарном обществе существуют две ценностные единицы — единица труда и единица пропитания, — которые представляют излучения более высокого единства — человека, в одно и то же время производящего и потребляющего. Но единица пропитания не может быть измерена без единицы труда. Если представить единицу пропитания как прямую линию, то без единицы труда, которая может быть разложена на части по продолжительности рабочего времени, мы не имели бы возможности разложить первую линию на ее части. Но если рядом с этой линией мы имеем линию единицы труда равной длины, то мы можем последнюю разложить на части в зависимости от рабочего времени, затраченного на изготовление отдельных благ, и отдельные части перенести на линию единицы пропитания, т. е., иными словами, мы части последней выразим в частях единицы труда⁵⁴. Итак, по Штольцману, полезность отдельных благ должна получить трудовое измерение. Отдельные продукты имеют полезность, составляющую такую же долю в совокупной полезности всего комплекса предметов потребления, какую составляет трудовая затрата, связанная с изготовлением данного продукта в общей затрате труда. При этом предполагается, что данный производитель исходит из определенного плана хозяйства, основанного, с одной стороны, на учете своих потребностей и нужд, а с другой стороны, на учете имеющихся производственных возможностей.

Основные предпосылки всего этого теоретического построения Штольцмана могут быть сформулированы следующим образом: а) необходимо исходить не из рассмотрения изолированных потребностей, а из единого комплекса потребностей, из общего потребительского бюджета; б) необходимо эту общую полезность сопоставить с общей затратой труда в рамках данного хозяйства на основе общего плана последнего; в) полезности отдельных составных частей этого бюджета получают трудовое измерение, выражаются в долях, равных соответ-

⁵⁴ *Ibid.*, S. 222.

ствующим количествам затраченного труда. Иными словами, ценность, по Штольцману, можно определить как выражение полезности определенной доли совокупного потребительского бюджета, измеренной в трудовых единицах на основе общего плана хозяйства, исходящего из соответствия между совокупным трудом и совокупной полезностью предметов потребления. Если учесть приведенные выше социологические моменты в теории нашего автора, то мы получим наиболее полную формулировку его теории: ценность есть выражение определенной доли общественно-необходимого и общественно-урегулированного потребительского бюджета предельного рабочего и предельного капиталиста, измеренной в трудовых единицах на основе общего плана хозяйства. Иными словами, ценность товара определяется в зависимости от количества долей единицы пропитания. Количество долей единицы пропитания составляет материальное содержание ценности, которая заполняет социальные формы общественно-необходимых доходов.

Мы не ставим своей задачей дать развернутую критику теории ценности Штольцмана. Важнейшее положение этой теории, что основанием ценности служит не труд, а полезность, — не нуждается в специальном рассмотрении. Это положение было подвергнуто достаточной критике в марксистской литературе по вопросу о теории предельной полезности. Несмотря на всю свою детальную критику учения австрийской школы, несмотря на свое отрицательное отношение к теории редкости, несмотря на свое подчеркивание всегдашней необходимости учета условий воспроизводства, Штольцман все же принимает основной постулат субъективной школы о примате полезности или потребительной ценности. Конечное основание ценности он видит в общественной обусловленной потребительной ценности. Поэтому от него осталось скрытым противоречие, заложенное в товаре, между потребительной ценностью и ценностью. Поэтому он не мог выяснить до конца историческую обусловленность ценности. Поэтому его анализ всех особенностей и закономерностей товарной формы производства и продукта является столь поверхностным, Субъективистская концепция вступает в противоречие с социологическим методом и обрекает последний на бесплодие. Также не нуждается в специальном разборе учение Штольцмана о социальной роли ценности, ибо это учение вытекает из рассмотренных выше идей—цели народного хозяйства, пропитания, общественно-необходимых доходов и т. д. В основе этих идей лежит тенденция сближения ремесленного и капиталистического производства. Мы остановимся лишь на критике тех коррективов, которые Штольцман вносит в теорию полезности австрийцев. Эти коррективы, по нашему мнению, должны быть признаны неудачными. Штольцман правильно указывает, что полезность, в отличие от труда, не поддается точному количественному измерению. Но вместо того чтоб отсюда сделать логический вывод, что полезность не может служить основанием ценности, он сохраняет теорию полезности в качестве единственного верного объяснения. Фактически же он сводит на-нет роль полезности при объяснении количественных закономерностей ценности. Ценности отдельных товаров (по крайней мере, в простом товарном хозяйстве) должны относиться как трудовые затраты. Величину полезности Штольцман выводит из количества затраченного труда, из длины рабочего времени. Правда, он указывает—одно и то же количество рабочих часов

не всегда производит одинаковую ценность⁵⁵. Но это замечание объясняется тем, что ценность Штольцман рассматривает как долю единицы пропитания или единицы труда. Если изменяется состав продукции, то отдельные товары будут представлять разные доли этой общей величины. Но отношение между ценностью двух товаров должно равняться, по Штольцману, отношению их трудовых затрат. Фактически наш автор отрывает качественный анализ от количественного. В вопросах количественного анализа у него под маской признания теории полезности происходит фактическое ее отрицание.

Необходимо далее отметить, что теория Штольцмана наталкивается на большие трудности, когда мы переходим к рассмотрению капиталистического хозяйства, в котором производителя прежде всего интересуют не затраты труда, а затраты капитала. Сам Штольцман подчеркивает, что то обстоятельство, что ценности товаров относятся как трудовые затраты, обязано своим существованием особому типу общественного регулирования и тому, что только труд рассматривается как редкий фактор производства. В частности он подчеркивает, что в своих рассуждениях он исходит из наличия свободного доступа к богатствам природы. Положение должно измениться, если мы допустим существование земельной собственности, раздел всех естественных богатств и т. д.⁵⁶ Здесь мы стоим перед следующей дилеммой: а) или полезность в капиталистическом обществе получает только трудовое измерение, т. е. выражается в виде отношения трудовых затрат; тогда полезность, или количество единиц пропитания, не определяют ценность; или б) полезность может быть измерена в капиталистических издержках производства. Тогда остается непонятым, как образуются эти издержки, как происходит суммирование услуг рабочего, капиталиста и природы. В этом случае наш автор сталкивается со всеми теми трудностями, которые со времен Петти и Кантильона встречаются на пути экономистов, привлекающих к объяснению ценности не только труд, но и другие факторы. Эти трудности вызывают у представителей субъективной школы необходимость в построении сложных теорий вменения. Штольцман же совершенно обходит эти вопросы. Величина ценности у него остается неопрделенной. На основании теории нашего автора можно утверждать, что ценность товара определяется этой долей, которую он составляет в потребительном бюджете субъекта. Но чем определяется эта доля, какие принципы ее регулируют, это неизвестно. На этот вопрос наш автор не дает ответа в применении к капиталистическим условиям. Единственно возможный ответ заключается в том, что эта доля определяется ценностью товара. Но такое объяснение, очевидно, включает в себе заколдованный круг. Штольцман бессилен разрешить этот круг. Отсутствие законченной теории ценности отразилось на его критике буржуазных теорий распределения. Любопытно отметить, что, когда Штольцман критикует теорию предельной производительности, он обвиняет последнюю не в том, что она величину прибыли выводит из производительности капитала, а в том, что она обходит вопрос об общественно-необходимых доходах, о необходимости обеспечения прожиточного минимума участникам производства.

⁵⁵ «Der Zweck in der Volkswirtschaft», S. 225.

⁵⁶ Ibid., S. 228.

Допустим, что эти трудности могут быть устранены. Тогда мы сталкиваемся с новой трудностью — как возможно сопоставление полезности или долей единицы пропитания с трудовыми затратами в товарном обществе. В замкнутом хозяйстве производитель знает, сколько труда он затратил на изготовление каждого продукта. Но как быть в товарном обществе, в котором производитель потребляет продукты чужого труда? Как можно сопоставлять здесь полезность с неизвестными трудовыми затратами? Правда, можно возразить, что производитель сравнивает полезность купленных товаров с трудом, затраченным на производство товаров, обмененных на купленные товары. Но как определить полезность каждого из купленных товаров? Очевидно, что эта полезность будет зависеть от цен, по которым обмениваются данные товары. С изменением цен наш товаро-производитель получит иное количество товаров, и полезность их изменится. Фактически тут получается воспроизводство того заколдованного круга, который сам Штольцман обнаружил в теории субституционной полезности австрийцев. Остается другой выход, чтоб спасти положение: взять организованное хозяйство, где непосредственно учитывается как весь общественный труд, так и все общественное потребление. Фактически на этот путь вступил Штольцман в своей критике трудовой теории ценности. Здесь мы наблюдаем интересную методологическую ошибку Штольцмана, которая сильно сближает его с субъективистами. Желая вскрыть ошибку трудовой теории ценности, заключающуюся, по его мнению, в игнорировании и естественно-технических фактов (что не только труд является редким элементом), и социального регулирования, Штольцман предварительно дает анализ ценности, абстрагируясь от социального регулирования, а затем вводит в качестве дополнительного фактора это социальное регулирование. Став на путь субъективистов, изгнав с переднего крыльца моменты социального регулирования, Штольцман фактически вводит эти моменты с заднего крыльца. Там, где он говорит о чисто техническом регулировании производства, об установлении соответствия между трудом и потребностями, он фактически исходит из натурального хозяйства. И выводы, полученные на основе анализа натурального хозяйства, он пытается применить к капиталистическому обществу. Но, очевидно, что это явно негодный путь. Методология Штольцмана жестоко отомстила за себя. Последовательный сторонник социологического метода, он в решающем пункте изменил этому методу. И это определило ошибочность его теории. Выведенная из анализа натурального хозяйства теория ценности Штольцмана перестает что-либо объяснять в экономике капиталистического общества.

ПРОТИВ МЕХАНИЦИЗМА В РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

ОШИБОЧНОСТЬ И ВРЕДНОСТЬ „ТЕОРИИ“ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ О. А. ЕРМАНСКОГО¹

1. ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Без хорошей революционной теории не может быть и хорошей революционной практики. Это положение верно по отношению ко всем отраслям нашей деятельности.

Лишь недавно, примерно три месяца тому назад, с этого же места т. Сталин в своей речи на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов вновь напомнил нам о значении теории. Он указывал, что „теория, если она является действительной теорией, дает практикам силу ориентировки, ясность перспективы, уверенность в работе, веру в победу нашего дела“².

Такая теория нам нужна. Без такой теории мы будем хуже вести нашу практическую работу. Это положение, верное по отношению ко всем отраслям хозяйственной деятельности, особенно верно в отношении рационализации этого молодого дела, где не все еще ясно и где поэтому особенно требуется хорошая и четкая теория вопроса.

Надо сказать, что мы до сих пор не имеем еще достаточно подробно, глубоко и четко методологически разработанных положений по всем линиям вопроса рационализации. Поэтому мы с особым интересом и вниманием следим за каждой печатной строчкой, за каждым словом, в которых кто-либо пытается дать методологию вопроса.

О. А. Ерманский, который известен своими литературными работами в области рационализации, — а пишет и говорит он не плохо, интересно, — пытается в своих работах дать также теорию рационализации, причем он следующим образом анонсирует относительно своих работ: „Методология автора настоящей работы может считаться общепризнанной“³. Тем самым предполагается, что с тем, что он пишет и говорит, все согласны; и дальше: „Все отзывы и рецензии, как русские, так и иностранные, о предыдущей книге автора под-

¹ Стенограмма доклада в п/секции техники Комакадемии 20/II — 19—1930 г.

² Н. Сталин, К вопросам аграрной политики в СССР, Речь на Всесоюзной конференции аграрников-марксистов, Изд. Комакадемии, Москва, 1930.

³ О. Ерманский, Теория и практика рационализации, т. I, Гиз, 1928, с. XI (дальнейшие цитаты, не оговоренные в сносках, взяты из той же работы).

черкивают, между прочим, огромное методологическое значение проводимых автором различений между максимумом и оптимумом, между производительностью и интенсивностью труда, между интенсификацией труда и интенсификацией производства и т. п.⁴

Как вы видите, Ерманский указывает на ряд пунктов, которые с его точки зрения являются его теоретическим достижением. В своей книжке, в первом ее томе (автор обещает выпустить еще ряд томов) Ерманский пишет, что данный том охватывает, прежде всего, принцип и п а л ь н ы е о с н о в ы, м е т о д о л о г и ю проблемы рационализации.

Таким образом, на эту книгу приходится смотреть не только как на книгу, где изложены основные приемы рационализаторской деятельности, но и как на попытку дать методологию проблемы рационализации.

Посмотрим, как Ерманский справился с поставленной им перед собой задачей.

Обратимся прежде всего к тому, как Ерманский определяет рационализацию или рациональную организацию, как он говорит. „Рациональная организация не есть теория, побуждающая нас выигрывать елико возможно больше продукции. Рациональная организация не есть также теория ничегонеделания, лодырничания, побуждающая тратить поменьше энергии. Нет, рациональная организация есть теория наилучшего оптимального использования всех видов энергии и всех факторов производства“ (с. 20). Вы видите, что уже эта формулировка заставляет нас насторожиться. Она ставит вопрос только о том, чтобы использовать то, что есть. Даже применительно к отдельному предприятию, — а так Ерманский ставит вопрос в книге, как он пишет и в предисловии, — даже в этой постановке мы имеем некоторое сужение вопроса. Она говорит только о том, как наилучше использовать то, что пока есть в данном предприятии.

Далее, Ерманский поместил статью в журнале „Плановое хозяйство“, где он попытался проблему рационализации вынести за рамки отдельного предприятия, поставить вопрос в народно-хозяйственном разрезе. Он пишет в этой статье так: „Рациональная организация производства состоит в оптимальном использовании каждого из факторов или элементов производства и в согласовании всех этих оптимизированных элементов между собой по принципу положительного подбора“⁴. В этой формулировке он ставит вопрос в расширенном порядке — и относительно предприятия, и относительно народного хозяйства, и даже относительно явлений природы.

В этой же статье Ерманский разбирает ряд формулировок буржуазных ученых, в том числе немецкого проф. Гергарда Менца. Менц пишет таким образом: „Мы считаем возможным дать следующее определение: рационализация хозяйства, предприятия страны или мирового хозяйства — это достигаемое путем технических и организационных усовершенствований приближение хозяйственных процессов и устройств (Einrichtungen) к критическому рационально сконструированному для них, на основе их сущности, идеальному оптимуму“⁵.

⁴ „Плановое хозяйство“ № 2, 1929, с. 203, 204; статья „К постановке проблемы рационализации“.

⁵ G. Menz, „Irrationales in der Rationalisierung, Mensch und Maschine, Breslau 1928“ S. 261.

Эта формулировка проф. Менца не нравится Ерманскому, и он говорит: „При всей внешней некоторой близости этого определения к нашей концепции, оно, по существу, отличается той же беспомощностью, что и предыдущие рассуждения того же автора. Это определение можно охарактеризовать как „уравнение“ со многими неизвестными. В самом деле: что же такое не ошибочно появившийся и неизвестно откуда позаимствованный оптимум? и что такое „идеальный“ оптимум? И как он может быть „конструирован“? И дальше Ерманский задает вопрос проф. Менцу: как решит вопрос о рациональной степени интенсивности труда в этих предприятиях Менц на основе своей формулы, если потребовать от него решения не на глазок, а по-серьезному, потребовать, чтобы он не только определил, в каком из этих предприятий использование рабочей силы организовано рациональнее, но и в цифрах дать ответ на этот вопрос.

Ерманский ставит довольно резонные вопросы проф. Менцу: мы вправе предполагать, что если Ерманский так критически относится к Менцу за его формулировки об оптимуме, то он сам имеет формулировки более точные и в достаточной степени ясные.

Позвольте теперь перейти к самому Ерманскому и посмотреть, насколько точные он предлагает формулировки в отношении критерия рациональности и насколько эти формулировки правильны?

2. ЕРМАНСКИЙ „ПОПРАВЛЯЕТ“ МАРКСА

Если мы разберем методологические построения Ерманского, мы увидим прежде всего, что он приписывает себе заслуги в отношении целого ряда методологических разработок, которые ему не принадлежат, как например по вопросу относительно различия между производительностью труда и его интенсивностью. Эта постановка не Ерманского, а Маркса, и Ерманский ее приписывает себе совершенно зря, одновременно искажая и извращая Маркса.

Мы это докажем несколькими цитатами.

Ерманский пишет, что все рецензенты его работ подчеркивают между прочим огромное методологическое значение производимых автором различий между максимумом и оптимумом, между производительностью и интенсивностью труда. Можно полагать, что все это от Ерманского.

Дальше Ерманский в той же книге так говорит про Маркса: „Что Маркс исходил из предположения о неизменности интенсивности труда — тоже понятно: в то время, когда писался „Капитал“, интенсификация труда не занимала в жизни видного места. Вернее — занимала видное место абсолютная интенсификация труда (путем удлинения рабочего дня), но не относительная (в смысле того различия, о котором подробнее ниже). Достаточно отметить, что тогда не было еще ни многих технических методов этой интенсификации (обслуживание одним рабочим многих машин, современные конвейеры и пр.), ни экономических путей относительной интенсификации труда“ (с. 125).

Если бы все это было так, как пишет Ерманский, то можно было бы думать, что Ерманскому действительно принадлежит честь ряда методологических разработок. Проверим это и возьмем Маркса,

⁶ „Плановое хозяйство“ № 2, 1929, с. 207, 208.

причем не какие-нибудь новые письма, открытые Рязановым, а такую известную работу, как „Капитал“. Возьмем главу XIII I тома, параграф третий, пункт С, касающийся интенсификации труда. Мы читаем, прежде всего, следующее примечание: „Во французском издании Маркс делает здесь следующее замечание: „Под словом интенсификация труда я понимаю способ достигнуть повышенной напряженности рабочей силы“⁷.

Таким образом, уже здесь Марксом достаточно ясно определена интенсивность труда как повышенная его напряженность.

Дальше, в тексте этого пункта мы читаем: „При анализе абсолютной прибавочной стоимости речь шла прежде всего об экстенсивной величине (т. е. о расширении) труда, степень же его интенсивности (напряженности) предполагалась как величина данная. Теперь мы должны рассмотреть превращение экстенсивной величины в интенсивную, в выражение степени“⁸.

Необходимо констатировать, что либо Ерманский этих строк у Маркса не читал, что мало вероятно, либо он, прочтя их, постарался их не заметить, чтобы приписать себе методологические открытия.

В том же пункте у Маркса мы читаем: „Машина в распоряжении капитала становится объективным и систематически применяемым средством для того, чтобы выжать больше труда в течение данного времени. Это достигается двояким способом: увеличением скорости машины и увеличением размера механизма, который находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего“⁹.

Ерманский, таким образом, клеветает на Маркса, говоря, что тот „исходил из предположения о неизменности интенсивности труда“, ввиду отсутствия в его время многих технических методов этой интенсификации. Как видно из вышеприведенной цитаты, Маркс говорит и об обслуживании машин при увеличении их скоростей и об увеличении арены труда рабочего.

Отметим, кстати, что Маркс там же приводит следующую цитату, принадлежащую одному английскому фабриканту: „По сравнению с прежним временем труд на фабриках сильно возрос вследствие того, что значительно возросшая скорость машин требует от рабочего усиленного внимания и деятельности“.

Как будто достаточно ясно, и даже в любезных Ерманскому психофизиологических терминах.

Делая вид, что он придумал все методологические различия относительно интенсивности и производительности труда, Ерманский считает, что „по существу можно трудовую теорию стоимости изложить в энергетических терминах“ (с. 124), так как „в основе стоимости лежит расход энергии“.

Конечно, Маркса можно излагать правильно и неправильно, и Ерманский, несомненно, постарался сделать все возможное, чтобы исказить Маркса, переведя его теорию стоимости на энергетические термины.

Как выше было указано, Ерманский приписывает себе в виде заслуги то, что он показал различие между производительностью

⁷ К. Маркс, Капитал, т. I, Гиз, 1925, с. 388.

⁸ Там же, с. 388.

⁹ Там же, с. 391.

труда и интенсивностью труда. Отметим попутно, что Ерманский дополнительно запутал вопрос, введя еще третий термин—„успешность труда“.

Посмотрим, что у Маркса на сей счет написано и надо ли было Ерманскому выдумывать новый порох. В том же „Капитале“, в той же главе „Машины и крупная промышленность“ мы читаем: „Машина является наиболее могущественным средством для того, чтобы увеличить производительность труда, т. е. сократить рабочее время, необходимое для производства товаров“¹⁰.

А в главе XIV мы про производительность труда читаем, что она „окажется связанной с естественными условиями. Эти последние могут быть целиком сведены к природе самого человека, его расе и т. п. и к окружающей человека природе. Внешние природные условия экономически распадаются на два большие класса: естественное богатство средствами существования, следовательно, плодородие почвы, обилие рыбы в водах и т. п., и естественные богатства средствами труда, каковы действующие водопады, судоходные реки, дерево, металлы, уголь и т. д.“¹¹.

Из вышеприведенных цитат с несомненностью каждый установит, что не Ерманскому, а Марксу принадлежит достаточно ясное и четкое определение производительности труда и его интенсивности и что интенсивность труда является одним из факторов, который повышает производительность труда.

У Маркса это написано достаточно ясно и четко. Совершенно напрасно, таким образом, Ерманский приписывает себе честь открытия вещи, которая давно до него была открыта. Так как Маркс давно умер, то Ерманский может это спокойно делать, не боясь критики со стороны самого Маркса, но он получает ее со стороны тех, которые знают Маркса и читали книжку Ерманского.

3. ЕРМАНСКИЙ И БОГДАНОВ

Далее, до того, как Ерманский касается своего знаменитого „оптимума“, он разбирает принципы положительного подбора и принцип организационной суммы—эти два принципа, которые он считает, как и „оптимум“, лежащими в основе рационализации. Здесь Ерманский совершает действие, которое имеет соответствующее название в статьях об авторском праве. Он нигде не ссылается на то, что, в сущности говоря, эти положения изложены давно у А. Богданова. Надо было бы хоть для вежливости сослаться на Богданова. Правда, Богданов тоже умер, но ведь мы то живы; мы все читали Богданова и видим, что эти принципы заимствованы у Богданова.

Теперь—по существу этих принципов положительного подбора и организационной суммы. Что здесь конкретно дано? Имеется ли в формулировке этих принципов конкретное содержание или здесь только общие фразы?—Надо сказать, что принципы эти Ерманским не расшифрованы, а даны в виде общих фраз, в обобщенном, расширенном механистическом толковании, так что ничему путному научиться по этим принципам нельзя и ничего практически полезного из их формулировок извлечь невозможно. Например, сказано с ссылкой на

¹⁰ Там же, с. 381.

¹¹ Там же, с. 493.

Либиха: „Можно и ножницами сверлить дыры и клещами заколачивать гвозди“¹², но это будет, мол, плохо, а чтобы лучше сделать, говорит Ерманский, нужен положительный подбор. Лезвие ножа должно быть приспособлено к материалу, который он режет, ручка ножа должна быть приноровлена к руке, которая его охватывает. Подобранные должны быть и люди. Для этого имеется психотехника. Эти формулировки у Ерманского только общие фразы. Психотехника сама по себе, о ее специфических методах Ерманским пока ничего не сказано дальше, а то, что лезвие ножа должно быть подобрано к материалу, это ведь общая фраза, как и все общие фразы Ерманского о положительном подборе, ничем конкретно не расшифрованные и с дальнейшим изложением не связанные.

Для иллюстрации принципа положительного подбора приводится следующий пример.

Вот налицо груз, который мы будем передвигать. Если один будет тянуть в одну сторону, а другой—в другую, тогда предмет останется на месте. А если силы, приложенные к грузу, будут подобраны положительно, то груз будет передвигаться.

Это ведь азбучное положение из механики, которое незачем выдавать за какие-то особые принципы положительного подбора. Мы знаем из механики о сложении, разложении сил, о том, как составляется равнодействующая и т. д. Ничего нового Ерманский своими фразами о положительном подборе не вносит.

Возьмем дальше вопрос относительно организационной суммы. Ерманским дается такой пример: три плюс пять может быть больше восьми, а именно, если один человек работает подряд 8 часов и сделал некоторое количество изделий, другой человек работал 5 часов, а раньше, в течение трех часов делал подготовку к работе, заготовлял себе инструмент, то его работа более производительна. Получается схоластическая формула, ибо нельзя ведь складывать 3 часа одной работы и 5 часов другой. Если же говорится относительно пользы инструмента, то ведь любой же пионер знает, что с инструментом можно больше сделать, чем без инструмента. В дальнейшем изложении в книге уже ничего нет об организационной сумме. Несколько слов относительно принципа организационной суммы ничем конкретным не расшифрованы, носят общий характер и имеют схоластический привкус, который равно ничего не дает.

4. „ОПТИМУМ“ ЕРМАНСКОГО И ОБЫЧНЫЙ КОЭФИЦИЕНТ ПОЛЕЗНОГО ДЕЙСТВИЯ

Теперь позвольте перейти к главному козырю Ерманского—к его „оптимуму“. Как он понимает оптимум? Он так его расшифровывает: каждая работа дает некий полезный эффект: при работе человека или использовании машины мы получаем некую полезную работу, какую назовем буквой „R“. Чтобы эту работу „R“ произвести, мы должны истратить некоторое количество энергии „E“. Отношение „R“ к „E“ назовем через „ш“. Ерманский считает, что если сделать работу так, чтобы отношение „ш“ было наибольшее, то работа будет выполнена оптимально и значит рационально. Можно представить вопрос и иначе: отношение $\frac{E}{R} = n$ должно дать наименьшее значение для „n“

¹² „Теория и практика рационализации“, изд. 1-е. с. 4.

т. е. наименьшее количество затрат энергии, приходящееся на единицу полезного результата. Этот общий принцип оптимума Ерманский считает не только логической схемой: он говорит, что принцип оптимума он „применяет к ряду практических задач рационализации, в частности к тем проблемам рационализации мертвых факторов производства, которые входят в содержание I тома“ (с. XI).

Мы читаем и дальше: „Принцип оптимума есть не только общее руководящее начало рациональной организации, но и серьезное научное средство для разрешения важных практических задач организации труда“ (с. 35).

Мы, таким образом, вправе ждать, что получим от автора конкретные указания, каким образом эту общую мысль использовать для конкретных практических целей и получить от этого кое-что. Однако, если вы подумаете, что обещания Ерманского дать расшифровку в отношении мертвых факторов производства выполнены им, вы ошибаетесь. Где это дано? Там, где сообщается о мертвых факторах производства, о внутривозовском транспорте, о таре и т. п., вы этого не найдете. Там написано о Форде, конвейере, о рационализации силового хозяйства, но не показано, причем тут принцип оптимума, как его рассчитать, хотя в книге часто говорится об оптимуме. Получается что-то в роде заклинания змей словом „оптимум“. Но на самом деле сущность оптимума применительно к мертвым факторам производства не показана.

Нет у Ерманского ни одной конкретной формулы, что бы было видно, где же он конкретно, этот оптимум. Там, где Ерманский пытается кое-что дать, там у него получается обычный коэффициент полезного действия, а не оптимум.

Однако, Ерманский подчеркивает, что он просит не смешивать его оптимум и всякие прочие коэффициенты полезного действия. Он пишет: „Некоторые думают, что коэффициент „m“ есть то же самое, что коэффициент полезного действия. Тут явно перепутываются совершенно различные вещи“ (с. 30). И дальше он объясняет, как они перепутываются по отношению к человеку. А как эти различные, по Ерманскому, вещи перепутываются по отношению к мертвым факторам производства, он вообще не показал,—это он обошел молчанием. Тем самым Ерманский расписался в том, что там, где он дает свои общие фразы об оптимуме, там по отношению к мертвым факторам производства он не дает ничего. Там же, где в теории идет речь о КПД, там обычно конкретно показано, как конкретно этот КПД высчитывается.

Теперь дальше: поскольку Ерманский просит не смешивать его оптимум с КПД в отношении человека, посмотрим, прав ли он тут, и посмотрим, чем его формула является по отношению к человеку.

Тут у него получается чрезвычайно смелая трактовка. Он говорит, что если бы человек работал только собственными руками, тогда бы он (Ерманский) был согласен, что отношение того, что человек сделал, к тому, сколько энергии он затратил, не может быть больше единицы. Но поскольку человек применяет всякие машины, то коэффициент „m“ вовсе не тот, который применяется во всем мире и называется коэффициентом полезного действия. Ерманский говорит, что его коэффициент „m“ не только может быть больше единицы—он может расти и на деле растет беспредельно“ (с. 33).

Получается, по Ерманскому, такое положение, что можно истратить некоторое количество энергии, а произвести во вне работы в несколько раз больше, чем этой энергии истратено. Мы знаем закон сохранения энергии. Мы знаем, что ниоткуда взять энергию нельзя; Ерманский тут безнадежно запутался. Его запутало, очевидно, то, что он видел, как человек, работая при машинах, получает большую производительность труда. Ерманский решил на этой основе: все, что сделано, относится к той энергии, которую истратил человек. В результате Ерманский получил какую-то величину, большую, чем единица.

Он упустил из вида тот расход энергии, например электрической, которая истратилась в производстве, растворилась, чтобы потом дать соответствующий производственный эффект. Таким образом, как можно получить в результате производственного процесса больше, чем вы истратили энергии, остается совершенно непонятным. Мы можем утверждать, что там, где Ерманского можно понять, там у него под видом оптимума налицо обычный коэффициент полезного действия, а там, где Ерманский хочет видеть величины больше единицы, там у него получается метафизика, путаница, и дело совершенно неясно. Причем интересно следующее: там, где дело касается самых разнообразных сторон производства, Ерманский, как попугай, продолжает однако говорить: „оптимум“, „оптимум“. Вышла у него брошюра: „Трагедия расточительства в производстве“—сокращенное изложение его „Теории и практики рационализации“. Эта книжка составлена в виде писем. Возьмем письмо 3-е—дорогому Виктору: „Гораздо проще называть номер письма: раз ты скажешь „письмо № 5“, я уже не смеаю его с другими письмами и быстро найду № 5 среди других“¹³. Мысль совершенно правильная, что письма удобнее нумеровать, но оказывается, что и тут „оптимум“.

„Но ты чувствуешь ли, к чему сводится твое предложение? А сводится оно к принципу оптимума“¹⁴. Как, почему принцип оптимума—остается невыясненным. Так как оптимум—значит наилучшее, то можно конечно сказать, что лучше иметь письма нумерованными, чем если письма будут лежать в беспорядке; но причем тут толкование насчет формулы с величинами „R“ „E“ и „M“, непонятно.

У Ерманского далее написано, что нумерация писем приводит „к тому, чтоб при описании того письма, которое мы хотим указать, и при отыскании его тратить поменьше сил на достижение желательного результата“. Против этой формулировки спорить нельзя, но оптимум притянут здесь Ерманским за волосы, как и в других местах.

Так, например, в „Плановом хозяйстве“ Ерманский относительно сил природы, которые могут быть организованы разным образом, пишет: „Нерационально организованный комплекс сил не может долго выдержать напора окружающей среды и более или менее скоро дезорганизуется, разрушается“¹⁵. И дальше поясняется, что рациональная организация сводится к оптимуму. Я это привожу как пример. Если спросить Ерманского, почему бывает землетрясение, то в то время как геологи дадут конкретное объяснение этому явлению, Ер-

¹³ „Трагедия расточительства в производстве“, Гиз, 1929, с. 21.

¹⁴ Там же.

¹⁵ К постановке проблемы рационализации „Плановое хозяйство“ № 2, 1929.

манский скажет: „Не было оптимума“. И здесь у Ерманского получается голая абстракция вместо чего-то конкретного, подмен существа фразой.

Таким образом, на основе анализа всех работ Ерманского мы вправе утверждать, что в его „оптимуме“, там, где дело касается мертвых факторов производства, ничего конкретного не сказано. Ряд практических вопросов рационализации изложен им интересно. Но совершенно не видно, как это изложение должно быть объяснено принципом оптимума. Нет ничего, кроме голых фраз об этом оптимуме.

Часто все эти фразы являются пустым выстрелом, без всякого экономического содержания. Нам знакомо указание Кузьмы Пруткова, что, если в клетке сидит собака и написано „се лев, а не собака“, то не надо верить глазам своим. Так и с Ерманским: сколько бы он ни кричал об оптимуме, но у него в отношении мертвых факторов производства, кроме обычного коэффициента полезного действия, ничего нет.

Интересно отметить еще вот что. Один раз Ерманский пытался дать расписанную формулу оптимума—единственный раз. Возьмем эту формулу. Читаем: „Если с языка энергетике перейти на язык экономики, то можно сказать: во всяком хозяйственном предприятии коэффициент рациональности „ m “ не только может быть, он обязательно должен быть больше 1, иначе предприятие убыточно и прекратит свое существование. Если обозначить через P —количество продукции, C —цену единицы продукта, M —стоимость материалов, O —стоимость орудия труда, S —зарплату и накладные расходы, то

коэффициент „ m “ выразится в виде:
$$= \frac{P \times C}{M + O + S}$$
“ (с. 33—34). Зна-

менатель формулы изложен недостаточно грамотно. „ M “—стоимость материала складывается с „ O “—стоимостью орудий труда (почему?—Ведь орудия труда в производстве полностью не расходуются) и далее с „ S “—заработной платой, сложенной с накладными расходами. Так не принято делать. Мы обычно пишем: „Материал плюс зарплата плюс накладные расходы. Но идем дальше. Что такое в этом случае „ m “? Знаменатель—это расход, а числитель—продажная цена. Когда предприниматель выгодно продал, конечно, получилось больше единицы, но причем тут оптимум? Это—обычный коэффициент прибыльности.

Ерманский, очевидно, очень сожалел, что эту единственную формулу он дал, ибо во втором издании книжки он стыдливо выбросил эту формулу, но, выбрасывая ее, не имел мужества сказать, почему выбросил. Он должен был бы сказать, что выбросил потому, что, во-первых, выразился экономически неграмотно, а во-вторых, потому, что эта формула не имеет никакого отношения к его „оптимуму“.

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что все положения Ерманского относительно оптимума, применительно к мертвым факторам производства, это—пустышки, пустые фразы, в которых ничего конкретного нет.

5. ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕКА У ЕРМАНСКОГО

Перейдем к тому, что у Ерманского является его последним козырем, где, как кажется, он сильнее всего. Это там, где дело идет о человеке. Там, где дело касается человека, оптимума в отно-

шении человеческого фактора, там Ерманский более прочен с точки зрения количества приводимого им материала, однако не качества того материала.

Ерманский разбирает вопрос под углом зрения анализа расходования энергии работающим чековиком.

Первая справка, говорящая относительно способа изложения Ерманским вопроса. Ход мыслей его примерно таков. Применительно к живому человеческому труду нужно достижение оптимума, а именно, нужно так сделать, что если человек затратил собственную энергию „Е“, а работы произвел „R“, то отношение „Е“ к „R“ должно быть наименьшим. И получается, что это придумал Ерманский. И дальше он приводит в доказательство выводы физиологов. Ерманский забывает, что это постановка физиологов. Он должен был бы сказать: „То-то прочитал у физиологов и поэтому предлагаю“; у него же получается наоборот.

Так как мы не знаем ни одного физиологического опыта, который бы проделал сам Ерманский, так как он ссылается только на Амара, Атцлера, Леммана, Хербста и других, то было бы лучше так сказать: вот что физиологи говорят об оптимуме, я с ними согласен, но добавляю следующее. А у него выходит наоборот: в 1924 году он говорил с Атцлером и обратил его внимание на то, что тот забыл изучать скорость работы, и теперь Атцлер работает таким образом, как сказал Ерманский.

Маркса он поучает в могиле, а Атцлера он живьем поучает, когда бывает в Берлине.

Стоит взять работы Атцлера, чтобы увидеть, что там он конкретно указывает, с каких пор и он и до него другие физиологи занимались всеми теми вопросами, на которые ему Ерманский, по словам последнего, указал в своей беседе в 1924 году. Все эти физиологические исследования газообмена и энергетических расходов являются исследованиями и методами физиологов, к которым присоединился Ерманский. Хорошо ли, что Ерманский использовал исследования физиологов? Не плохо. Каждый из нас может все, что угодно, использовать (конечно, с соответствующей ссылкой): было бы хорошо взять работы Атцлера и других, их соответствующим образом использовать и дать теорию рационализации. Ерманский, однако, этого не смог сделать.

Для того, чтобы подкрепить свой авторитет, он ссылается на то, что наши советские учреждения, изучающие труд, начинают также в своих исследованиях применять принцип оптимума в его, Ерманского, понимании: Ерманский называет, например, Институт охраны труда и т. д. Он, однако, неправоммерно дает такие справки; мы знаем эти институты, знаем, что они занимаются изучением газообмена, применяют иногда толкование оптимума в понимании Атцлера, когда последний ставит, например, вопрос об оптимальном расположении предмета, над которым человек работает, в отношении человека, об оптимальном размере переносимого им груза, об оптимальной величине радиуса вращения и т. д. В этом стиле ставит вопрос Атцлер и наши институты; иначе ставит вопрос Ерманский, говоря о нормировании работы. Ерманский дает маленькую справку в сноске; так как он указал вначале, что все то, что он говорит, общепризнано, то у читателя получается такое впечатление, что раз и Институт охраны труда и другие институты толкуют оптимум, как Ерманский, то значит эта теория действительно общепризнана.

Как трактует Ерманский этот физиологический оптимум? Первая справка: Ерманский просит не смешивать его оптимум со всяким коэффициентом полезного действия; но и оказывается, что как раз в этом месте, где дело касается живого человека, где кажется, что тут самое сильное место Ерманского, здесь-то, оказывается, он безнадежно неверно цитирует физиологов. Возьмите Атцлера и его книгу „Körper und Arbeit“, на которую Ерманский часто ссылается:

Читаем: „Wenn sich aber der Wirkungsgrad bei weiter steigender Belastung wieder verschlechtert, so hängt das damit zusammen, das die optimale Belastung um so stärker steigt, je mehr neue Muskelgruppen zur Arbeitsleistung herangezogen werden“¹⁶.

Здесь совершенно ясно речь идет о коэффициенте полезного действия (Wirkungsgrad) работы человека при оптимальной нагрузке этого человека.

Итак, там, где Ерманский говорит относительно оптимума, сами физиологи говорят о коэффициенте полезного действия применительно даже к человеку. Ерманский хочет, видно, показать, что он выдумал новый порох, и поэтому все время пишет „оптимум“, отмежевываясь от коэффициента полезного действия.

Другой пример: Ерманский пишет про „практически важные исследования, произведенные на основе нашего принципа оптимума проф. Амаром в отношении работы напильником“ (с. 65).

Такое заявление Ерманского приходится, прежде всего, признать по меньшей мере странным, поскольку известно, что работы Амара, на которые ссылается Ерманский, ведутся им с 1913 года, т. е. задолго до того, как Ерманский начал заниматься рационализацией.

Далее, о терминах Ерманского. Вы можете подумать, что его оптимум, которым он истолковывает работу Амара, является чем-то новым. Оказывается, налицо опять-таки обычный коэффициент полезного действия, так что Ерманский совершенно напрасно, приводя таблицу из Амара, вводит свои знаменитые „R“, „E“ и „m“ там, где надо было бы поставить обычный коэффициент полезного действия.

Атцлер, приводя тот же пример из Амара, что и Ерманский относительно работы напильником, пишет: „Шово (1904) первый указал на значение скорости работы для ее экономичности. Вслед за ним Амар (1913) показал на одном примере, взятом из практической жизни, какой эффект достигается выбором правильного темпа работы. Он измерил расходы энергии при работе напильником и изменял скорость работы в пределах от 36 до 86 числа движений напильником в минуту. Оказалось, что коэффициент полезного действия... при числе движений 70 в минуту достиг максимальной величины в 9,4%, чтобы затем дальше упасть“.

Эти 9,4 приведены и Ерманским, но в графе с сакраментальными „R“, „E“ и „m“. Вполне ясно, таким образом, что во всех этих случаях речь идет об обычном коэффициенте полезного действия, а не о какой-то новой величине.

Но пусть определенная величина называется у Ерманского оптимумом вместо „коэффициента полезного действия“. Из-за этого одного спорить не стоило бы.

Но надо разобраться в том, как Ерманский толкует свой оптимум.

¹⁶ A t z l e r E., „Physiologische Rationalisierung“. „Körper und Arbeit“, Leipzig 1927, S. 448.

Мы имеем налицо узко-механистическое толкование коэффициента полезного действия „живой машины“, которое предлагается обязательным во всех случаях хозяйственной деятельности, причем Ерманский отвлекается от моментов социально-экономических и психологических, а при труде человека дело ведь не только в расходе его энергии.

Попробуем сейчас взять конкретный пример, который приводит тот же Ерманский в доказательство своего оптимума, и рассмотрим его с точки зрения хозяйственной, а не только физиологической. Приведем цитируемую Ерманским таблицу, в которой изложены итоги исследований Атцлера над работой человека, вращающего колесо при разных условиях.*

Число оборотов в минуту.	Радиус = 19,4 см.			Радиус = 28,4 см.			Радиус = 86,6 см.		
	Работа в килограммометрах на 1 оборот колеса.								
	6,5	14,30	22,10	9,75	19,50	29,25	13,00	24,38	37,75
6	—	—	—	—	—	—	24,0	—	—
9	—	—	—	18,0	17,9	—	24,4	16,9	—
12	20,9	17,6	19,8	17,1	14,7	17,0	18,2	13,1	—
15	—	15,5	—	—	13,1	—	—	—	—
18	16,4	12,6	16,1	17,0	12,2	13,0	15,4	12,8	13,6
23	15,2	12,2	14,5	—	—	—	—	—	—
24	—	—	—	15,7	12,1	13,6	14,7	12,9	12,7
28	12,7	11,2	13,2	—	—	—	—	—	—
30	—	—	—	14,9	12,3	13,6	14,6	12,7	12,7
33	13,0	10,7	12,6	—	—	—	—	—	—
36	—	—	—	14,1	12,3	13,8	14,4	12,5	13,1
38	13,4	11,1	12,4	—	—	—	—	—	—
42	—	—	—	13,8	12,3	12,3	15,8	12,7	13,2
43	13,3	11,9	12,4	—	—	—	—	—	—
48	13,7	11,7	13,0	14,0	12,8	15,5	16,9	14,7	12,9
53	14,5	12,1	13,5	—	—	—	—	—	—
54	—	—	—	14,5	12,9	—	18,0	18,7	13,9
60	15,9	12,8	14,9	16,5	17,5	—	19,6	—	—
70	—	—	—	—	19,7	—	—	—	—
73	—	—	—	—	29,4	—	—	—	—

* Atzger E., „Physiologische Rationalisierung“, „Körper und Arbeit“, Leipzig 1927, S. 441.

Вы видите из этой таблицы, что при разных радиусах вращения и разном числе оборотов в минуту, а также разной работе в *ккм*, затрачиваемой на один оборот колеса, изменяются данные таблицы, представляющие расход в малых калориях на один *ккм* полезной работы. При числе оборотов в минуту, равном 33, при радиусе вращения, равном 19,4 *см*, и работе на один оборот колеса — 14,3 *ккм*, расход энергии человека на один *ккм* полезной работы достигает минимальной величины — 10,7 малых калорий.

Эта таблица Атцлера, как и другие его исследования, представляет большой интерес, поскольку она старается найти для каждой работы наилучшие условия. Применительно к работе по вращению колеса. Атцлер находит наиболее удобные для исследуемых субъектов радиусы вращения колеса, высоту оси над полом, наиболее удобную нагрузку на один оборот колеса и т. д. Мысли, вообще говоря, правильные.

Но дальше стоит вопрос о том, с какой скоростью вращать колесо. Это уже вопрос и экономический, ибо, если человек будет вращать колесо быстрее, то он в час сделает больше оборотов, и с увеличением интенсивности его труда повысится, естественно, производительность этого труда.

У Атцлера сказано, что, если человек будет данное колесо вращать при радиусе вращения в 19,4 *см*, так нажимая на колесо, чтобы от одного оборота можно было получить 14,3 *ккм* работы, и если он будет делать в минуту 33 оборота, тогда на один *ккм* работы пойдет 10,7 малых калорий, и эта цифра есть минимальная; т. е., очевидно, для того субъекта, которого изучал Атцлер, такие условия работы давали наименьший расход энергии на один *ккм* работы, или наибольший коэффициент полезного действия. Так это толкует Атцлер. Мы спросим себя: обязательна ли эта скорость вращения колеса в производстве или необязательна.

Если исходить из Ерманского, что самый главный критерий рациональности заключается в его формуле $\frac{E}{R} = n = \text{оптимуму}$, то значит, что надо только так работать и не иначе.

Подойдем к вопросу по-хозяйственному. Оказывается, из таблицы видно, что если человек будет вращать колесо со скоростью не в 33 оборота, а даст в минуту 48 оборотов, т. е. даст больше на 50% оборотов и тем самым по характеру этой работы даст очевидно во вне полезной работы на 50% больше, то он будет тратить на один *ккм* работы не 10,7 малых калорий, а 11,7. Я спрошу вас: если мы с вами нормируем труд рабочего, почему нам запрещено взять не первую цифру, а другую и сказать: ты вращай колесо со скоростью 48 оборотов в минуту, т. е. пусть 1 *ккм* сделанной тобой работы обойдется нам на 11% дороже, пусть этот человек должен будет съесть пищи на несколько процентов больше, но зато производительность во вне будет больше на целых 50%. Кстати, эта самая цифра 11,7, которая в этой таблице кажется плохой цифрой, ибо она хуже „оптимума“ (10,7), она у самого Атцлера года два тому назад считалась наивыгоднейшей, что отмечает и сам Ерманский (с. 52, табл. II).

Дополнительные обследования привели однако Атцлера к величине 10,7%, т. е. вы видите, что сами колебания настолько незначительны, что они лежат в пределах точности физиологических исследований.

Тут, конечно, надо оговориться. Было бы совершенно неправильно полагать, что в этих рассуждениях можно так двигаться дальше и говорить: раз можно ввести 48 оборотов, почему не ввести 70 оборотов. Тут должна быть грань. Грань будет вот где: можно допускать такую скорость работы, при которой организм человека не потерпит в смысле нарушения его здоровья, в том смысле, чтобы утомление не перешло за соответствующие границы.

Человек, вообще говоря, при работе утомляется, и это нормально, но, очевидно, мы можем допустить только ту стадию утомления, при которой человек, устав после своей работы и отдохнув за время 16—17-часового перерыва, утром придет на работу без остаточного утомления. Таким образом, если использовать физиологические методы, мы будем добиваться работы с такой интенсивностью, при которой человек успеет за период отдыха вернуть себе работоспособность и не иметь остаточного утомления, которое бы накапливалось со дня на день. Но ведь ни Атцлер, ни тем более Ерманский, не показали, что если человек будет работать с такой скоростью, которая не совпадает с минимальной затратой энергии на единицу полезной работы, то у него утомление получится выходящим за допустимые размеры.

Поэтому мы и скажем, что нет хозяйственных оснований полагать, что мы обязаны работать только на грани цифр определенного коэффициента полезного действия и не позволять себе, чтобы было некое нарушение этого коэффициента.

Ерманскому, говорящему постоянно о „живой машине“, можно напомнить следующее: возьмем паровую машину, которая может работать при определенной нагрузке так, чтобы удельный расход пара был наименьшим.

Это не значит, что мы не можем себе позволить иногда использовать машину за пределами наибольшего коэффициента полезного действия, если это будет экономически и хозяйственно целесообразно. Мы не можем использовать машину в таких пределах, когда она начинает разрушаться, но мы применяем работу той же паровой машины в пределах, выходящих за так наз. коэффициент полезного действия для снятия так наз. пиковых нагрузок. Это оказывается экономически целесообразным.

Мы имеем право и в отношении человека так же сделать. Не обязательно работать таким образом, чтобы всегда оставаться в пределах КПД.

Дальше. Вся физиология своими формулами совершенно резонно подчеркивает, что она намечает оптимальные условия для отдельной работы, которые бы дали возможность человеку провести определенную работу с наименьшей затратой энергии. Но физиологи не устанавливают ни времени работы, ни длины рабочего дня. Вот, например, что говорит физиолог Арнольд Дурич, ссылаясь одновременно на психолога Липманна: „Было бы напрасным трудом на основании математических формул определять длину рабочего дня“¹⁷, т. е. сами физиологи считают, что это было бы неправильно. Ерманский же считает, что это резон.

Можно, таким образом, утверждать, что у Ерманского здесь общественное, социально-экономическое подменяется грубым физиологическим, механически используемой физиологией, причем получается отвлечение и от моментов чисто психологических.

¹⁷ Arnold Durig. Die Ermüdung im praktischen Betrieb. Atzler, Körper und Arbeit, Leipzig 1927, S. 540.

Благодаря внутренним стимулам, психологические моменты играют большую роль в повышении производительности труда, а Ерманский все строит исключительно на расходе физической энергии.

Позвольте еще справку о ходьбе. У Атцлера мы находим такие цифры в этом отношении. Если человек, определенный исследуемый им субъект, сделает в минуту 100 шагов при длине каждого шага в 70 см и скорости 70 м в минуту, то коэффициент полезного действия с точки зрения расхода энергии в калориях на один шаг будет наименьшим.

По Ерманскому выходит: „Ты, уважаемый Иванов, ходи обязательно с этой скоростью 70 м в минуту“.

Экономические соображения о той или иной скорости, какая необходима для достижения соответствующей цели, поставленной например перед курьером, оставлены Ерманским совершенно в стороне.

Я думаю, что выше достаточно доказана ошибочность всех тех положений, которые имеются у Ерманского в его теоретическом обосновании проблемы рационализации. Выходит, что теории-то у Ерманского и нет; поэтому в заглавии я поставил слово „теория“ в кавычках.

Есть мысли из Маркса, есть ссылки на физиологов и есть общий лозунг оптимума, который теорией однако не является. Есть кроме того ошибки, заключающиеся в фетишизировании предлагаемого им энергетического соотношения, в котором он видит цели рационализации, а не одно из средств, противопоставляя свои „техничко-организационные“ построения требованиям экономической целесообразности.

6. В ЧЕМ ВРЕДНОСТЬ „ТЕОРИИ“ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЕРМАНСКОГО

Позвольте перейти ко второй части доклада, значительно более короткой. В чем вредность „теории“ рационализации Ерманского?

Она путает и дезориентирует. Ерманский выступает против всякой интенсификации труда, выходящей за пределы его надуманных формул. Конечно, мы в советской стране боремся с чрезмерной интенсификацией труда, но Ерманский любит наш пролетариат больше, чем пролетариат сам себя любит, больше, чем наша партия его любит; у Ерманского свое особое рабочелюбие. При этом Ерманский не разбирается, где он пишет книгу—в СССР или за границей. Когда он разъезжает по Германии и там агитирует насчет оптимума, пусть он это делает; пусть рабочие Германии будут сагитированы и за оптимум, и против всякой вообще рационализаций, нам против этого возражать нет оснований.

Но одно дело учесть политическое значение его докладов в условиях заграницы, и другое дело учесть вред „теории“, которую он защищает для наших условий в СССР.

Какой точки зрения мы держимся?

Мы говорим, что нужно повышать производительность труда в основном введением машин, лучшей организацией, но мы стремимся усилить и интенсивность труда там, где это нужно, конечно, не выходя за пределы, где создается угроза здоровью рабочего. Но нигде никак не показано, ни физиологами, ни тем более Ерманским, что

если поработать немножко посильнее за пределами его формулы, то мы заболеем, или в смысле нашего утомления мы перейдем за соответствующую допустимую грань.

Мы сокращаем рабочий день. Очевидно, что 7 часов можно работать более интенсивно, чем работая 8 часов.

Мы в СССР для себя работаем. Тут и психологический момент играет роль в смысле нашей внутренней стимуляции, а не только то, сколько энергии мы затратили и сколько нужно съесть калорий пищи.

Ерманский по-своему понимает и введение 7-часового рабочего дня. Когда мы прочитали о введении у нас 7-часового рабочего дня, мы все естественно были очень рады. Ерманский рад по-своему: „Это—на нашей улице праздник“, (с. IX,) пишет он.

Он принял однако этот манифест, важнейший социально-политический, экономический документ только условно.

Он говорит: „Мы тогда делаем наблюдение при 5-часовом рабочем дне, затем при 6, потом при 7, 8, 9 и т. д. часах рабочего дня. Каждый раз мы измеряем „R“ и „E“, вычисляем „R“ и „m“ и отыскиваем ту продолжительность рабочего дня, при которой получится наибольшее „m“ или наименьшее „n“. Эта продолжительность и составит для данного типа человека и для данного вида работы рациональную норму рабочего дня“ (с. 41).

Отметим попутно, что Ерманский зачем-то собирается делать измерения относительно 9-часового рабочего дня, который после Октября отошел у нас в область предания.

И далее Ерманский продолжает: „Если результат наблюдений представляется в виде кривой (приводится соответствующая кривая—И. Б.) то можем считать установленной нормой 7-часовой рабочий день“ (с. 41).

А если у Ерманского вершина кривой окажется над цифрой 5, а не 7, он, очевидно, скажет: „Даешь пятичасовой рабочий день, плоха советская власть, ибо она ввела 7-часовой“. Это физиологизм, это грубый механицизм.

Разве мы вводим 7-часовой рабочий день потому, что у Ерманского или Атцлера выскочила та или иная цифра в формуле? Если прочитать Ерманского, можно подумать, что у нас потому догадались ввести 7-часовой рабочий день, что Ерманский нарисовал где-то графики оптимума.

Кстати, а разве мы работаем и затрачиваем энергию только в течение семи часов? А что мы делаем в остальное время, разве мы лежим и плюем в потолок; мы ведь все равно затрачиваем энергию, ведем ли общественную работу, читаем ли, ходим; поэтому вообще получается бессмысленность использования формулы Ерманского или он, Ерманский, должен был бы измерять нашу энергию в течение всех 24 часов.

Когда мы вводим 7-часовой рабочий день, когда мы затем введем шестичасовой день, как это нам диктуется программой нашей партии, мы это сделаем, исходя из многих политических, социально-экономических факторов, а не потому, что кто-то показал, что тут-то вершина физиологической кривой, что тут она идет вниз и т. д.

„Теория“ Ерманского еще плоха тем, что она категорически опорожняет применяемые ныне методы технического нормирования. Он выдвигает свой физиологический „оптимум“, как практический

будто бы метод, вытекающий из техники физиологических исследований, которые однако широкого применения в производственной практике иметь не могут.

С точки зрения самого Атцлера практическое значение физиологических исследований расценивается не так. Далее все аналогичные физиологические исследования оставляют так называемый умственный труд в стороне, ибо газообменом здесь ничего нельзя измерять.

Там же, где эти исследования могут быть применены, на них требуется много времени. Ерманский указывает, что тут можно взять пробу в несколько минут, но на каждый анализ уйдет 2 часа.

По опыту того института, где я до сих пор работал, я знаю, что одна наша лаборатория занималась этим делом — газообменом, — но мы в целый год успели изучить только 40 чел. рабочих.

Мы не опорочиваем тем самым значение физиологии, но опорочивание прочих методов нормирования и выставление методов, негодных с точки зрения практической, социально-экономической, приходится ставить в вину Ерманскому.

Застравши в выдуманном им „узком месте“ оптимума, Ерманский пропагандой своей „теории“ тормозит дело социалистической рационализации. Если бы он не написал ничего об оптимуме, было бы гораздо лучше. Пусть он выкинет из своей книги всю фразеологию об оптимуме и прочую „философию“; тогда описательный материал будет интересен. Говоря о вредности „теории“ Ерманского, надо отметить, кроме этого, и то, что он клянется Марксом и, таким образом, выдает за чистый марксизм все свои соображения. Я уже показал выше, что он искажает Маркса и компрометирует марксизм, выдавая свой оптимум за общепризнанное достижение марксистской мысли.

Замечу кстати, что когда Ерманский выступает за границу, а мне приходилось читать отчеты о его выступлениях, поскольку он направляет свои мысли против капиталистической рационализации, мы против этого ничего не можем иметь — он дает материал буржуазным критикам раскритиковать не только его, но и марксизм, чем эти критики попутно пользуются.

Ошибки Ерманского не случайны, мы его ошибки знаем в течение ряда лет, в течение которых с ним спорят все товарищи, ведущие работу по рационализации. Группа коммунистов-рационализаторов в частности с ним ведет споры ряд лет. Он, правда, делает иногда вид, что и коммунисты-рационализаторы и он в основных вопросах солидарны. Он забывает однако про все дискуссии с ним.

Ошибки Ерманского, повторяю, не случайны. Одна его ошибка из другой вытекает, вытекает из неправильной концепции, из ряда неправильных политических установок.

Недаром Ленин еще в 1923 году написал про Ерманского, что он „в скобках будет сказано, и отличается явным сочувствием меньшевизму и непригоден для составления учебника, подходящего для советской власти“¹⁸.

Ленин оказался прав, ибо хотя с тех пор прошло более 6 лет, все-таки Ерманский оставил и в своей новой книге много пунктов, которые для советской власти не годны.

¹⁸ Ленин, Лучше меньше, да лучше, „Правда“, 4 марта. 1923.

Недавно в VIII „Ленинском сборнике“ напечатана рецензия, которую Ленин начал писать в 1922 году на книжку Ерманского „Научная организация труда и система Тэйлора“. Ленин не успел закончить рецензии, она напечатана в виде отрывка, но уже по названию видно, что он хотел сказать о Ерманском. А называется рецензия так: „Ложка дегтя в бочке меда“. Ленин хотел, надо полагать, сказать, что в книжке много ценного материала, но политическая философия Ерманского — это та ложка дегтя, которая окончательно портит то положительное, что в книге есть.

Очевидно, что с перманентными теоретическими ошибками Ерманского нужно бороться самым решительным образом, разоблачая Ерманского там, где он своими неправильными установками дезориентирует читателя. Это нужно делать, очевидно, на базе марксистской методологии, противопоставляя ее той методологии, которую Ерманский выдает за марксистскую.

7. К ВОПРОСУ О МАРКСИСТСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ И РАЦИОНАЛИЗАЦИИ

Я мог бы на этом кончить, но я бы хотел сказать о том, как мы в подсекции техники Комкадемии понимаем марксистскую методологию социалистической рационализации.

Мы предполагаем, что марксистская методология социалистической рационализации, лежащая в основе политики партии и советской власти, исходит из того, что цели задаются не математическими формулами.

Мы себе цели сами ставим.

Мы себе поставили такую цель: построить социализм, повысить для этого производительность труда как важнейшее условие создания социалистического общества, достижения расширенного производства, быстрого построения социализма; улучшить одновременно условия труда и быта пролетариата — вот наша цель.

Если мы этой цели достигаем, то мы поступаем рационально, не достигаем — нерационально.

Вот критерий рациональности нашей хозяйственной деятельности, а не всякие надуманные формулы.

Семичасовой рабочий день лучше для рабочего, чем восьмичасовой, мы его поэтому и вводим, а не потому, что у Ерманского выскочила или выскочит какая-то формула.

Мы хотим догнать и перегнать в возможно более короткий срок в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны. Догнали и перегоняем — значит мы хозяйствуем рационально.

Мы ставим себе разные задачи: догнать на таком-то участке в 5 лет, на другом участке в 10 лет, и поскольку догоняем и перегоняем, мы действуем рационально, не догоняем и не перегоняем — действуем нерационально.

Для нас рационализация не есть что-то энергетическое, а есть нечто социально-политическое.

Теперь вы спросите: как же быть на предприятии. — На предприятии часто конкретно не видно, как же ты поймал социализм.

Но предприятие имеет свой план рационализации, который в меру успехов нашего планирования увязан с планом рационализации треста, отрасли промышленности, всего народного хозяйства. Обычно предприятию задается на столько-то повысить зарплату, на

столько-то снизить себестоимость; в последней величине сказывается, как в фокусе, повышение производительности труда.

Поэтому очевидно, что если предприятие имеет свой конкретный план рационализации, увязанный с общим планом рационализации народного хозяйства (в этом одно из отличий нашей социалистической рационализации от капиталистической рационализации — у нас есть план, а там нет), если это предприятие снижает себестоимость и при этом улучшает условия труда, значит предприятие действует рационально; очевидно это будет тем общим критерием рациональности, который будет у предприятия¹⁹.

В снижении себестоимости (не за счет качества, конечно) сказываются все частные рационализаторские мероприятия. Как снижается себестоимость? Это можно проверить по отдельным пунктам калькуляции.

Каждый хозяйственник, рабочий, техник находит те конкретные критерии, которые показывают, как снизить себестоимость по такому-то пункту калькуляции, причем тут будут конкретные, частные критерии рациональности, которые связаны с научными разработками применительно к данному конкретному частному фактору производства.

Будут и имеются частные критерии: относительно рационального использования данной машины, например токарного станка, дизеля и т. д. Вот далее другой частный критерий — какими партиями передвигать сырье и полуфабрикаты по заводу, чтобы поставить непрерывное поточное производство по его формулам и т. д.

При анализе организации производства, мы имеем и ряд частных критериев и более общий критерий рациональности, сводящийся к оценке достижения задачи максимального снижения себестоимости, при условии, очевидно, неснижения качества и при условии, чтобы условия труда и быта пролетариата улучшились и чтобы, в частности, длина рабочего дня была в тех рамках, каких требует общая политика нашей социалистической рационализации.

Вы спросите, как же быть с человеком, что считать рациональной организацией его труда?

При организации труда человека нужно добиваться такой интенсивности этого труда, при которой бы гарантировалось ненакопление утомления, т. е. чтобы человек успевал отдохнуть во время перерыва.

Мы конечно должны, используя перерывы между рабочими днями и днем отдыха, сохранять „человеческую машину“, причем на этих путях мы используем всякий материал психологических и физиологических исследований, в том числе конечно и разработки Атцлера и других физиологов.

Атцлер покажет, что человеку такого-то роста удобнее работать при такой-то высоте рукоятки над полом. Мы так и делаем.

Но что касается того, сколько часов работать и с какой скоростью — т. е. относительно нормы выработки, тут мы себе позволяем, кроме использования физиологии, иметь суждение и на базе моментов экономических.

¹⁹ В зависимости от целевых заданий могут быть и другие критерии рационального хозяйствования в предприятии — например, увеличить выпуск, не взвывая на себестоимость; работать на отечественном сырье и материалах, обходясь без импорта и др.

Я кончаю. Мы имеем отдельные частные критерии рациональности, отдельные формулы относительно использования машин, оборота капитала и т. д. Вопрос стоит о том (и это главная задача методологических разработок в области рационализации), чтобы найти взаимоотношение этих частных критериев рациональности друг с другом и с обеими задачами рационализации. С точки зрения одного фактора рациональным может оказаться одно, с точки зрения другого — другое. Что выгоднее? Как поступить? В данном районе сжигать, например, топливо и передавать энергию по проводам или куда-то возить топливо.

Такие вопросы возникают в большом количестве. Возникает ряд вопросов об установлении наиболее рациональной взаимозависимости разных факторов рационализации производства. Вопросу о том, как эти наиболее рациональные соотношения искать и наладить, мы предполагаем посвятить один из ближайших докладов.

КРЕДИТ И КОНЪЮНКТУРА

В 1928 г. вышел 173-й том „Записок союза социальной политики“ („Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 173, Konjunkturforschung und Konjunkturtheorie, München und Leipzig 1928, S. 370), (I). В нем помещены научные экспертизы одиннадцати авторов по вопросам теории и методологии конъюнктуры. Так как на очередном собрании союза социальной политики разбиралась тема о кредите и конъюнктуре, то статьи этого тома записок, написанные соответствующими „экспертами“, были изданы в качестве основного материала, подлежащего обсуждению.

В 1929 г. вышел 175-й том записок со стенографическим отчетом Цюрихского собрания союза, который, наряду с нашумевшей дискуссией по докладу Зомбарта о судьбах капитализма, содержит доклады и прения по проблеме кредита и конъюнктуры. („Schriften des Vereins für Sozialpolitik“, B. 175, München und Leipzig 1929, Verhandlungen in Zürich, S. 273—332), (II).

Наконец в финансовом издательстве вышел сборник („Кредит и конъюнктура“—статьи Гана, Шумпетера, Репке, Зингера и Лева, М. 1929, с. 112), (III), в котором помещены переводы некоторых статей из вышеуказанного 173-го тома и другие статьи немецких авторов по вопросам конъюнктуры. (В дальнейшем, цифры I, II, III, в скобках, означают ссылку на указанные книги).

В статьях этих сборников, которые должны были бы, судя по определению темы, касаться только частной проблемы взаимоотношений кредита и конъюнктуры, затрагиваются не только вопросы теории рынка и кризисов, но и важнейшие элементы всей экономической теории, методологические основания и социально-политические выводы, что делает эту дискуссию интересной для более широкого круга. Настоящая статья не претендует дать на этих немногих страницах сколько-нибудь полный обзор задетых в дискуссии вопросов; ее задача—осветить некоторые моменты, заслуживающие, на наш взгляд, наибольшего внимания. Мы остановимся 1) на так называемой монетарной теории конъюнктуры, 2) на некоторых методологических вопросах и 3) на некоторых выводах конъюнктурной политики. Но прежде сделаем несколько предварительных замечаний.

I

Участвующие в рассматриваемых сборниках исследователи—представители немецкой теоретической политэкономии. Перед ними встала в первую очередь необходимость определить свое отношение к работам конъюнктурных институтов, таких, как Берлинский, Венский, имеющих своими прообразами американские исследовательские институты Гарварда, Бэбсона и т. п. Как известно, существенной чертой конъюнктурных работ в САСШ является их эмпирическая установка, которая приводит к тому, что теоретические поло-

жения, будучи зачастую даже неосознанной предпосылкой, не получают в процессе научной работы дальнейшего развития. Продукция конъюнктуриста не принимает формы абстрактных построений, а обработанных таблиц и графиков, движение кривых заменяет движение понятий, и логика теории уступает первенство логике накопленных фактов. Для того, чтобы гряда сырых статистических цифр преобразовалась в согласованно изменяющиеся кривые, своим видом дающие картину колебательного движения хозяйства и обнаруживающие явление устойчивого отставания (лаг), надо подвергнуть первичный материал сложнейшей математико-статистической обработке. Эта работа становится плодом коллективного труда институтов, в которых объединены под общим руководством большие группы специалистов.

Солидные немецкие профессора теоретической экономики тоже проникаются уважением к этим не совсем им понятным творениям, и возникает уверенность, что поскольку тратятся огромные средства и применяются сложные приемы математического анализа, то ясно, что „здесь что-то есть“. Вполне понятно, что „свежеиспеченный доктор политической экономии, глядя на точнейшие счетные машины, бесконечные кадастры и т. п., с удовольствием констатирует увеличение шансов на хорошую должность“ (I, Моргенштерн, 340).

Все же немцы—„нация философов и теоретиков“—придают более скромное значение конъюнктурному наблюдению и уверены, что эмпирика американцев не может сама по себе заменить теорию. Конъюнктурной практике они отводят почетную, но служебную роль информатора и осведомителя. Роль статистической практики для теории оценивается довольно низко. „Значение конъюнктурной статистики заключается совсем не в том, чтобы обогащать или контролировать теорию“ (I, Гайек, 253). Общее отношение таково, что все авторы предупреждают: „Конъюнктурные институты не должны обобщать результатов своих наблюдений“ (II, Вольф, 381). Специальные вопросы статистической методологии оставлены без внимания¹, что же касается общей оценки применения математики, то и Грегори—полпред английских экономистов на собрании—заявляет: „Математическое уравнение или кривая ничего не говорят о причинах“ (II, 335). А Альтшуль, специально ратуя за употребление математического метода в политэкономии (I, 167—175); главное свое усердие употребляет для того, чтобы показать ограниченность возможностей математики в общественных науках и ее вспомогательное значение. „Для того, чтобы сделать ряд обозримым, надо изменения, происходящие быстро, привести в связь с такими, которые происходят медленно“. Это позволяет рассматривать факты как бы под объективом микроскопа“. Ни в чем другом, в сущности говоря, и не состоит задача математики вообще“ (II, Альтшуль, 359).

Очевидно, мало компетентные в тонкостях элиминирования тренда, сезонных колебаний и т. п., наши авторы спешат перейти к более теоретическим разделам. Под обстрел берутся теоретические основы англо-американцев. Большинство современных экономистов в САСШ считают изменения конъюнктуры в той или иной степени функцией движения кредита. Как ни различны те комбинации причин и фактов, которые приводятся в качестве объяснения проблемы цикла, но для всех их характерна ссылка на явления денежного обращения и циркуляцию кредита, как на последнее основание и исходный пункт динамики народного хозяйства. Некоторые исследователи категорически утверждают, что современная теория конъюнктуры возможна

¹ Критику методов эмпирико-статистического наблюдения см. напр. Anderson, Zur Problematik der empirisch-statistischen Konjunkturforschung, Bonn, 1929. В работе однако совершенно отсутствует экономическая критика.

только на базе кредитно-денежной теории и, более того, лишь на базе количественной теории денег. Что же касается практиков, то по заявлению Гана „в банковском мире Лондона монетарная теория конъюнктуры является чем-то, настолько само собой разумеющимся, что попытка поставить ее на обсуждение вызывает удивление“ (II, 353).

Немецкие экономисты не представляют такой относительно однородной массы. Следуя традициям психологической школы, Лифман с особым ударением подчеркивает значение, для образования конъюнктурных волн в предпринимательском и капиталистическом хозяйстве, изменчивости предпринимательской активности, коренящейся в духовной природе человека (I). Другие выступают как последователи классической школы. Но и в их среде, особенно среди занимающихся вопросами конъюнктуры, есть защитники кредитно-монетарных теорий. Не все объявляют себя стопроцентными сторонниками одной из них. Но в какой-либо степени акцептируя монетарный момент, они изъявляют согласие сделать его кардинальным положением своей системки. Хотя немецкие профессора никогда не были (и надо сказать по вполне достаточным основаниям) особо высокого мнения о теоретическом уровне американцев, но в настоящее время, вместе с приливом американских кредитов, наряду с ростом подражаний заатлантическим методам хозяйствования, все больше заимствуются американские идеи и теории. Репке полагает, что кредитно-теоретическая мысль в Германии двигалась до сих пор в узких рамках. Он считает, что идеям, которые давно получили право гражданства за границей после работ Мизеса и Шумпетера, пора найти признание и в Германии (III, 41). Перенимая богатейший опыт статистической практики наблюдений над конъюнктурой и обработки рядов, успешно перенимают и убогую теоретическую надстройку этих работ. Наиболее отчетливо этот процесс происходит в тех разделах теоретической экономики, которые ближе всего стоят к практике конъюнктурных институтов и к сфере непосредственных интересов хозяйствующих субъектов на рынке.

Изучение конъюнктуры в капиталистических странах выполняет служебную роль. Хозяйствующим субъектам-капиталистам хотелось бы в конъюнктурных институтах найти не только аппарат, могущий заменить несовершенные организации по собиранию сведений о рыночной обстановке (сообщения прессы, движение заказов, личные корреспонденты и личная оценка), которыми они обладали раньше. Выводы конъюнктурного исследования привлекаются и в качестве обоснования мероприятий государства по регулированию рынка, и на их основе строятся теории о возможности овладения конъюнктурой. Теоретики и политические деятели буржуазии уверяют, что они вскрыли механизм хозяйственной динамики и нашли средства для излечения кардинального недуга капиталистической системы—циклических колебаний и кризисов. „Известно, что Америка нам показала возможность практических успехов на пути стабилизации конъюнктуры“, уверяет Ланге (II, 363). „Под прямым впечатлением американского опыта борьба за признание денежной теории конъюнктуры приобрела для друзей и врагов стабилизации конъюнктуры большое реально-политическое значение“ (III, Лева, 95).

Тема о кредите и конъюнктуре, „стоящая в центре интересов политэкономии в большинстве стран“ (II, Диль, 276), стала стержневой и в немецкой литературе. За или против монетарной теории—этот спор является центральным в нашей дискуссии. В этом споре представлены самые крайние точки зрения. При этом защитники кредитно-денежных теорий оказываются верующими в успехи САСШ по организации капитализма, а их противники более скептически относятся к плановым попыткам американцев. Прозелит американской веры восхищен „большой наукой о творческом кредите, которую

может преподавать Америка. Я думаю,—говорит он,—Европа сделает хорошо, если будет от сердца приветствовать эту науку“ (II, Гонеггер, 380). Но скептик иронически отзывается об „американских пророках, которые вещают отсталым европейцам науку исцеления“ (II, Иер, 306).

Несмотря на принципиальный эклектизм большинства диспутантов, две линии выделяются достаточно четко, и нас в первую очередь должна заинтересовать эта полемика между „верующими“ и „скептиками“ вокруг монетарной теории конъюнктуры. Каков реальный базис огромной надстройки из моральных сентенций и политических векселей, которая выросла как результат завоеваний конъюнктурной практики и монетарной теории?

II

Когда заходит речь о монетарных или кредитно-денежных теориях, то мы в большинстве случаев имеем дело с довольно туманным комплексом идей. Неопределенность понятий, а также внутренняя противоречивость этих теорий дала возможность Леве поставить вопрос о том, существует ли вообще монетарная теория конъюнктуры? Его отрицательный ответ, как мы увидим ниже, имеет много оснований, но здесь мы ограничимся этими не вполне точными обозначениями монетарной и кредитно-денежной теорий, относя к ним всех, кто выдвигает денежно-кредитный аспект как важнейший при объяснении конъюнктуры.

У большинства монетаристов в качестве отправной посылки принимаются „старые непритязательные понятия“ количественной теории денег. Движение конъюнктуры отождествляется с изменением уровня цен. Последнее же стараются понять из уравнения обмена И. Фишера или из измененного уравнения Пигу-Кейнса. Напрасно уверяет Грегори: „Мы не наивные количественники, ибо таких никогда не существовало“ (II, 332); „склонность делать формальную схему уравнения обмена основой каузального объяснения неизлечима“ (III, Зингер, 74). Игнорируя многократные указания на процессы, вызываемые сдвигами в производстве на товарной стороне, вновь заявляют: „Совершенно ясно (!), что общее повышение цен не может произойти без изменений на стороне денег“ (II, Ган, 354). Репке думает найти выход из положения, принимая формулировку количественной теории, в которой количество и быстрота обращения денег заменены введенным Хоутри понятием „неиспользованных возможностей“ (III, 40—43). Но он только непоследователен, когда, отказываясь принять монетарную концепцию конъюнктуры и правильно подчеркивая, что из-за „количественно-суммарного метода мышления“ „кредитные инфляционисты не замечают, что суммарное противопоставление денежного и товарного потоков в данном случае (при экспансии кредита—А. Б.) ничего не говорит“ (III, 48,—сравни III, 55),—все же придерживается формулы количественной теории для случая „нормального“ денежного обращения. Критика положений количественной теории не представила особых трудностей. Скептики так осторожно формулируют свои выводы: „Количество денег мы должны брать не в его абсолютном объеме, а лишь как относительное количество в связи со всеми фактами хозяйства“ (II, Ледерер, 366); за формулами уравнений обмена остается только эвристическое значение: „их наибольшая ценность заключается в том, что попытка их применения с ясностью обнаруживает границы их применимости и вместе с тем недостатки лежавшей в их основе конструкции количественной теории“ (III, Зингер, 76).

Гайек (1) старался доказать порочность всех немонетарных теорий конъюнктуры, исходя из того, что так как определенная ступень развития денежного обращения и кредита всегда бывает условием возникновения ка-

питалистического цикла и кризиса, то именно количество денег является причиной нарушения состояния „равновесия“ хозяйства. Так как на основании этого общего условия отказываются делать „количество денег“ основной причиной движения конъюнктуры, то Гайек заявляет, что этот пробел совершенно обесценивает все немонетарные теории.

Однако, кроме подобных общих положений, развертывается и „аргументация по поводу“. Присмотримся к ней поближе.

Подробному обсуждению подверглись явления изменения нормы процента и связанные с ними последствия для хозяйственного развития. Немногие решаются считать изменения абсолютной высоты процента непосредственным толчком к подъему или депрессии. В этом отношении яркий образец беспочвеннейших абстракций в худшем смысле этого слова дает теория Штригля (I, 186 — 212). Для него основным двигателем конъюнктуры является процент в качестве элемента издержек производства. Одним изменением процента вызываются: тенденция к капиталовложению, структурные перераспределения отраслей производства, вытеснение новыми предприятиями старых и т. д. Единственно существенное в конъюнктуре это удорожание или удешевление кредита. Налицо однако множество фактов совершенно противоречивого движения конъюнктуры и уровня цен при тождественном изменении процента. Поэтому в качестве объяснения приводится различие между денежным и реальным (естественным) процентом, — тем процентом, который установился бы в соответствии с наличным спросом и предложением капиталов. На первый план в образовании колебаний конъюнктуры выдвигается „основной двигатель“ изменений объема кредитно-денежного обращения — „положительная или отрицательная разница между денежным и реальным процентом“ (III, Репке, 64). Репке в остроумно разработанном анализе дает даже схему цикла под этим углом зрения. Но к противоположным выводам приходят 1) берущие процент как элемент издержек и 2) рассматривающие только влияние процента на увеличение и уменьшение средств обращения. Тогда как для первых высокий процент в фазе подъема приводит к росту цен, для вторых низкий процент в повышательной волне цикла означает прилив капиталов на рынок, рост количеств средств обращения и рост цен. Таким образом связь устанавливается обратная. „Монетарные теоретики конъюнктуры говорят: уменьшение дисконта — рост цен; другие принимают, рассматривая учетный процент как элемент издержек, что увеличение дисконта приводит к росту цен“, „вопрос о влиянии дисконтной политики вообще не может быть однозначно решен“ (II, Коген, 369).

Лишь немногие замечают, что процент есть только вторичное явление и то, „насколько он оказывает влияние на хозяйственную жизнь, зависит исключительно от разрыва, существующего между нормой прибыли и высотой процента“ (I, Альтшуль, 178). Наших ученых прибыль почти не интересует. Они все время как бы изучают натуральное хозяйство, в котором нет прибыли, но процент существует. Ведь для Гайека (I — 278) „процент является достаточным регулятором хозяйственного развития в натуральном хозяйстве“!

В поисках причин цикла останавливаются на факте якобы недостаточности капиталов. Все еще всплывает старая задача о том, откуда взять капиталы для развития подъема. Надо отметить, что у рассматриваемых авторов прежняя постановка проблемы (Туган-Варановский, Шпитгоф) не встречает сочувствия. Довольно энергично опровергается положение о накоплении капиталов, происходящем в период депрессий за счет роста сбережений групп населения с фиксированным доходом. Причину прекращения подъема так же отказываются видеть в исчерпании этих накопленных капиталов. Накопляемые капиталы очень незначительны, и по исчислениям Кинга две

треть всего накопления в САСШ идет за счет самих предпринимателей (II, 296). Эйкен, весь доклад которого (II, 287—305) был посвящен этому вопросу, формулирует свой вывод: „... кредиты, из сбережений предпринимателей, не могут образовать капиталов, необходимых для расширенных инвестиций подъема“ (II, 297). Говорит, как это делает Ландауэр (II, 367), что капиталы получаются превращением краткосрочных кредитов в долгосрочные, нелепо, ибо „нельзя понять, как можно создать нужные для подъема добавочные капиталы, если изъять их из одного места и вложить в другое“ (II, Эйкен, 390).

Откуда же взять добавочные капиталы?

Узловым моментом дискуссии становится явление экспансии кредита. Так обозначаем мы круг вопросов у разных исследователей, называемых по-разному. Употреблять чужую терминологию кажется буржуазному профессору так же предосудительным, как „пользоваться чужой зубной щеткой“, и каждый из них видит первейшую обязанность науки в создании терминов. Но как бы его ни называли — литрогенезом (Зингер), циркуляторным кредитом (Репке), инфляционным кредитом (Ган), — характеристика явления заключается в выпуске банками добавочных платежных средств. Это „кредиты, которым не противостоят никакие реальные сбережения и которые скорее свободно создаются банками на основе и в пределах способности банковских средств обращения к циркуляции“ (III, Репке, 42). Необходимость расширения кредита Эйкен мотивирует, исходя из предположения о недостатке накопленных капиталов в период депрессий. „Так как кредитов, опирающихся на сбережения, нехватает, то существенной предпосылкой подъема становится добавочное создание кредита банками (II, 301). Итак источник создания капиталов найден!

Пока рассматривались нормальные фономены денежного рынка и обычные формы коммерческого кредита, то еще оставалась слишком прозрачной связь потока денежных средств, со всем процессом производства. Другое дело когда речь заходит о вновь созданном кредите. Возможность банков распоряжаться фондом средств обращения, возможность сотворения кредита, кажется неограниченной.

Восприняв американскую науку, немцы стали развивать и углублять ее в ученых диссертациях, и более искусные в искусстве дефиниций выдвинули даже законченную теорию инфляционного кредита Гана. Приверженцы американцев тоже считают „решающей в теории конъюнктуры проблему возможности расширения средств обращения“ (II, Мизес, 318). Поэтому Мизес предлагает называть монетарную теорию точнее — „теорией циркуляторного кредита“ (II, 319).

Будучи здесь последовательным, Мизес не видит никаких условий, которые обуславливали бы и циклический характер движения конъюнктуры, эту ее существеннейшую особенность, — вне причин, лежащих в изменении объема средств обращения. Тогда как Ган (III, 12) цикличность связывает с движением процента, для Мизеса именно эта „сверхэмиссия банков характеризует регулярность возвращения конъюнктуры“ (II, 320). Как мы видим, расширением кредита хотят объяснить все явления конъюнктуры.

Положения монетаристов подверглись жесточайшей критике со стороны скептиков. Атака на методологические основания (об этом ниже) сопровождалась детальной критикой отдельных частей теории. Выступавшие в прениях практики (Пер и др.) констатировали, что „вопрос о добавочном кредите практически имеет очень небольшое значение“ (II, Дербург, 329). Течение конъюнктуры должно обуславливаться другими причинами, а не теми незначительными, не всегда совпадающими с фазами цикла, изменениями

сферы кредита, которые имеют место. Но и вне зависимости от вопроса о величине эмиссии были приведены многочисленные доказательства тому, что кредит отнюдь не является первичной причиной цикла, что и приводит к тезису Ледерера — „расширение кредита, а следовательно и расширение денежной массы вызывается самим процессом хозяйственной жизни“ (II, 366). Расширение кредита является последующим звеном цепи, звеном, рефлектирующим в ответ на изменения в соотношениях накопления и потребления (Репке), на переход техники на новую ступень (Леве) и т. п. „Экспансия кредита, осуществляемая через посредство „творческой“ деятельности банков по выпуску банкнот и по созданию депозитов, находит свои пределы, во-первых, в закономерностях денежного обращения и, во-вторых, — в наличии уже циркулирующих или потенциальных реальных капиталов“. Производственные отношения в узком смысле этого слова определяют возможность развития того типа социальных связей, который находит свое внешнее выражение в движении ссудных капиталов³.

Новейшая стадия капитализма — эпоха финансового капитала — принесла с собой развитие акционерной формы и придала особую роль ссудному капиталу. Но эпоха финансового капитала, дав новый материал для иллюстрации старых положений, не привела к прояснению теоретического сознания буржуазии. Рассмотренные выше аргументы дают лишь описание некоторых явлений конъюнктурной действительности и даже их авторами принимаются с большой натяжкой в качестве причинного объяснения. Изменение процента показывает, почему движение капитала изменило направление, но само это изменение не в меньшей мере требует объяснения. Не дает каузального объяснения и различие, устанавливаемое между реальным и денежным процентом, ибо всякий раз, когда уровень цен остается стабильным, говорят, что передвижка денежного процента идет нога в ногу с изменениями процента реального, и наоборот. Исследование конъюнктуры, которое нуждается в анализе реального процента, не может быть произведено этим путем. Так же и сложная категория ссудного капитала, вытекающая из особых функций кредита в эпоху империализма, не смогла быть раскрыта во всей ее специфичности вульгарной политэкономией. Как раз суть проблемы экспансии кредита заключается в установлении условий, определяющих ее возможность.

Монетарные теоретики обращаются к поискам „конечных причин“. Почти все они не только привлекают в качестве дополнительных факторов явления из области товарооборота, процесса производства и распределения доходов, но в большинстве случаев делают эти неденежные моменты предпосылками своих теорий. Полумонетарист Репке, в конечном счете, приходит к отношению между потреблением и накоплением как к последней причине кризисов. Наиболее же яркий защитник кредитно-денежной теории Мизес, объясняя колебания конъюнктуры периодическими изменениями в эмиссионной деятельности банков, эту последнюю ставит в зависимость от меняющейся политики руководителей хозяйственной жизни (II, 322), т. е. в конце концов исходит из психологического объяснения — „из периодической глупости или злой воли руководителей банков“, ответственных за денежную и кредитную организацию“ (II, Леве, 340). Также и у других монетаристов фигурируют всякие конечные причины, кроме денежных. Поэтому Леве заявляет: „В результате изучения больше чем столетней истории денежной теории конъюнктуры получается вывод, который на первых порах приводит в смущение: Не существует никакой денежной теории конъю-

³ Трахтенберг, Современный кредит и его организация, ч. 1, с. 234.

юнктуры“ (III, 99). Так обстоит с теорией монетаристов. Обратимся теперь к некоторым методологическим положениям.

III

Мы видели выше, что непосредственный эмпиризм американцев,—предложение заменить теоретические изыскания простым изложением того, что говорят ряды,—не встретил сочувствия у наших ученых. Они сохранили позицию теоретического индуктивизма. Эйкен ставит себе в заслугу отсутствие всякой теоретической системы и сообщает, что он „думал притти к теоретическим результатам из анализа фактического положения“ (II, 387). Обобщение индукции занимает почетное место в рассматриваемых работах. Синтетические же положения поражают убожеством содержания, и среди них попадаются такие универсальные „законы“, как закон борьбы за существование, закон действия и противодействия и т. п. Отсутствие теоретической системы, и в первую очередь теории стоимости, непонимание того, что „разрешение конъюнктурной проблематики в определенном смысле исторически условно“ (II, Лева, 338), делает нежизненными абстрактные положения. Неспособность создать удовлетворительную теорию конъюнктуры коренится „в бесцветности, чтобы не сказать бессодержательности, понятия о стоимости и невозможности из него найти удовлетворительное объяснение тому, как в народном хозяйстве регулярно добывается прибыль“ (II, Генель, 377). „Действительная теория кризисов возможна только в рамках целостной теоретической системы“, пишет Лифман (I, 43); но он добавляет, что таковой не существует, если не считать... его собственной.

Очевидно, поскольку нет научной системы взглядов, не может быть и научного, т. е. причинного, объяснения явлений. Многие монетаристы считают денежную сторону единственной причиной конъюнктуры. Этот „наивный Ursachenmechanismus должен быть окончательно погребен“, заявляет Лева (II, 340). Вместо него пропагандируется функционализм. Каузальное изучение призывают заменить функциональным.

Кредитный инфляционизм Ган защищает несколько своеобразно. Оказывается, принять кредитно-денежную теорию цикла можно, лишь отказавшись от выяснения действительных причин конъюнктурных колебаний. „Было не мало споров,— пишет Ган,— по вопросу о том, является ли действительно кредитная экспансия причиной подъема конъюнктуры или она представляет из себя только сопутствующее ему или даже обусловленное им явление“ (III, 11). Но сам Ган считает эти споры излишними. Он приводит рассуждения Митчеля о законах и причинности, рассуждения, в которых наивный агностицизм переплетен с упрощенным махизмом. Митчель считает, что достаточно описания вместо объяснения, что важно установление функциональной связи, что понятие причины ненаучно и т. п., т. е. Митчель излагает весь букет сомнительных доводов, приводимых релятивистами против всякого научного, причинного объяснения.

Тем не менее можно отметить, что буржуазная наука делает робкие шаги в своем продвижении к научному объяснению, главным образом на позициях функционализма. Вне зависимости от того, считают ли теоретики свои построения каузальным объяснением или только функциональным выявлением связей, их работа имеет некоторую ценность, поскольку она более или менее удачно описывает и классифицирует факты, устанавливает эмпирические закономерности и функциональные зависимости. Многие удовлетворяются этим результатом своих трудов. Другие же продолжают доиски-

ваться конечных причин..И тогда — собрание бесчисленных теорий представляет мозаичную картину противоречивейших положений.

Это не мешает пишущим о конъюнктуре перебивать на все лады утверждение о превосходстве динамической теории конъюнктуры над статической теорией политической экономии. Законы политической экономии (подразумеваются бессодержательные теоремы англо-американской, математической и др. школ) справедливы лишь для статической системы. Статическая система лежит якобы в основе всей теоретической экономики, и последняя неспособна объяснить динамические явления конъюнктуры. Уже „периоды повышения конъюнктуры являются типическими отклонениями от теоретической системы статистического хозяйства...“ (III, Шумпетер, 20). С видом превосходства рассуждают о косных классиках и неподвижном Марксе⁴. Эта точка зрения попадает в цель, поскольку она направлена против внеисторических законов потребления, обмена и распределения, фабрикуемых апологетами капитализма, но она не задевает классиков, которые на заре расцвета капитализма не боялись смотреть в глаза будущему. Вот почему законы Рикардо так динамичны. Достаточно напомнить закон дифференциальной ренты и те волны изменений во времени, которые Рикардо связывал с его действием⁵. Нечего и говорить об абсурдности этого упрека, брошенного по адресу Маркса, вся история которого является теорией движения капиталистического общества к замене его социалистическим.

Конъюнктурные авторы, ругая теоретическую политическую экономию, по существу нападают на ее „неподвижные“ абстракции. Вместо того чтобы теоретически исследовать глубинные течения хозяйственного моря, они удовлетворяются наблюдением за рябью на поверхности и считают себя „динамичными“. У скептиков есть интересные методологические замечания. Диль в заключительном слове говорит: „Господа монетарные теоретики кредита... проводили только симптомы вещей, но не последние причины“ (II, 391); и еще у Ледерера — „они увидели и анализировали только внешнюю сторону, оболочку, поверхностный цикл движения денег, но забыли при этом внутреннюю связь с хозяйственным организмом“ (II, 365). Взамен Леве намечает контуры „теории моделей“ (II, 340—342) — необходимо ступенчатое изучение конъюнктуры на разных стадиях абстракции. Каждую из трех ступеней абстракции Леве связывает с определенной категорией причин — „существенных“, „свойственных“ и „случайных“. Денежные причины к „существенным“ он не относит.

Несмотря на отдельные верные замечания скептиков, большинство из них не сумело поставить вопроса об исторической обусловленности конъюнктуры. Репке в большой степени приближается к сущности проблемы, когда подчеркивает в противоположность монетаристам, что „в общем хозяйственном процессе... степень и характер взаимных влияний (явлений) не могут быть определены точнее, чем это обнаруживается в свободном рыночном обмене капиталистического хозяйства“ (III, 57). Несмотря на ссылку на стихийное условие обмена, и он демонстрирует неспособность понять природу капиталистического хозяйства, когда заявляет: „Не может существовать другой, более высокой экономической цели, чем произвести все, что люди и производительные силы могут создать, чтобы обеспечить сотням тысяч хотя бы физиологический минимум средств существования. Эта высшая норма хозяйственной деятельности не может нарушаться...“ (III, 50). Здесь Репке рассматривает капиталистическое общество не как формацию, основным

⁴ У нас например Кондратьев, К вопросу о политике и т. д., „Социалистическое хозяйство“ № 2 за 1924 г.

⁵ Б л ю м и н, Субъективная школа и т. д., т. 1, с. 195.

принципом которой является борьба хозяйствующих субъектов за прибыль, а как организацию, занятую удовлетворением потребностей своих членов. После этого ему легко по „логике здравого смысла“ принять „самоочевидную“ теорию Сел — Рикардо о невозможности всеобщего перепроизводства (III, 51).

Есть авторы, которым не чуждо понимание некоторых особенностей социальной формы капитализма. Лифман пишет: „Совершенно правильно усматривать основание кризисов, как это делают Диль и многие другие, также и в анархии раздробленного процесса производства“ (I, 60). Более того — буржуазные и социалистические противники (монетарной) теории убеждены, что колебания конъюнктуры будут избегнуты только тогда, когда капитализм — хозяйство с антагонистическими отношениями распределения — будет изменен другой хозяйственной системой“ (I, Альтшуль, 181). Исходя из этих соображений, делается правильное заключение о принципиальной неосуществимости попыток уничтожить колебания конъюнктуры в рамках существующего хозяйственного строя. „Пока остается конкуренция, продолжает существовать элемент нестабильности в кругообороте капиталистического менового хозяйства“ (II, Лева, 346). „Пока поддерживается теперешний хозяйственный порядок, волнообразные движения (конъюнктуры) остаются, вопреки всякой конъюнктурной политике“ (I, Лифман, 76).

Монетаристы, которые, не задумываясь, рассматривают капитализм как хозяйство „вообще“ и считают конъюнктуру чисто денежным феноменом, повторяют Хоутри: „Если регулировать кредит в соответствии с резервами, то можно цикличность держать в границах“ (II, 373). Но для них, верующих в возможность стабилизации конъюнктуры, возникает вопрос: нужна ли стабилизация? Перед нами опять две группы исследователей: одни считают стабилизацию конъюнктуры возможной и желательной, другие — возможной, но нежелательной. Последние развертывают аргументацию, которая, с другой стороны, приводит к скептикам, к подчеркиванию неотъемлемости элементов риска и смены шансов на прибыль при капитализме. Покончить с циклическими колебаниями — значит „покончить с принципами частной инициативы и с принципом продукции на основе закона предельной полезности, проявляющегося в процессе хозяйственной конкуренции“ (III, Шумпетер, 32). Поэтому разумной банковской политике вменяется в задачу не уничтожение конъюнктурных колебаний, а лишь их смягчение.

IV

Скептики однако не ограничились критикой монетарной теории и констатированием принципиальной невозможности планового капитализма. Они преследуют „верующих“ и дальше. Если возможность овладения конъюнктурой считать данной и принять, что в руках центральных органов кредитной системы сконцентрированы рычаги, достаточные для управления хозяйством, то еще остается выяснить, можно ли точно установить направление, по которому должны быть двинуты эти рычаги, и момент, в который необходимо привести их в действие. Встает проблема прогноза, которая не ограничивается вопросами статистической техники и которая не сводится к удачному выбору показателей и более или менее точной обработке статистических рядов. Развернутая критика веры в прогноз включает в себя кроме общеэкономической критики также и детальную проверку методов прогноза с точки зрения статистической закономерности помощью теории вероятностей и др. Сейчас уже имеется обширная литература по проблеме прогноза⁶,

⁶ В первую очередь книга Моргенштерна, *Wirtschaftsprognose*, 1929. См. обзор литературы в статье С. А. Первухина, *Экономические барометры и пути конъюнктурного прогноза*, „Плановое хозяйство“ № 6 1929.

но и в рассматриваемых работах она не оставлена в тени. Вывод Вольфа— „конъюнктурное наблюдение... делает возможным только хозяйственный диагноз, но не прогноз“ (II, 384)—приобретает тем больший вес, что можно сослаться на заявление одного из виднейших участников работы по построению барометров, американского экономиста Снайдера. „Что касается надежности предсказаний,—пишет Снайдер,—то вряд ли можно сказать, что мы ушли далеко от дней пророчества Беннера“ (популярный американский прорицатель 80-х г. прошлого века—А. Б.)⁷. Невозможность прогноза конъюнктуры чисто статистическим путем является в руках скептика лишним доказательством того, что все заверения о царстве организованного расцвета никак не обоснованы.

В ответ на бесконечные указания на Америку один из скептиков, Лева, писал: „Ход американского хозяйства означал бы действительный переворот в нашем опыте только в том случае, если можно было бы поручиться за длительность современного состояния этого хозяйства“. Разрешение этого вопроса принесет дальнейшее развитие американского хозяйства—редкий случай, когда в экономической области теория может получить проверку“ (III, 104). Прошел очень небольшой период, и высокая конъюнктура в САСШ была исчерпана. Кризис, развернувшийся в ноябре 1929 г., ясно показал пределы возможностей регулирующего воздействия на хозяйство. Среди мероприятий, задерживавших неизбежный перелом, не последнюю роль играли операции федеральной банковской системы, которые, умело направляя поток добавочных средств, искусственно стимулировали спрос и поддерживали подъем. Но не одни кредитно-денежные воздействия решали дело. Высокая конъюнктура не в меньшей мере могла так долго удержаться благодаря другим мерам конъюнктурной политики. Сюда надо отнести в первую голову техническое переоборудование промышленности и непосредственное воздействие на отношения распределения, регулирование рынка труда путем запрета иммиграции и т. п. (II, Лева; I, Альтшуль, 181). Затягивая повышательную фазу нормального цикла, противодействуя нарастающим элементам кризиса, эта политика, конечно, не могла отменить законов капиталистического цикла и предотвратить неизбежный крах. Наступил кризис, и „чудо американского процветания“ пришел конец.

Значит ли это, что вместе с разоблачением этого чуда разоблачена монетарная теория конъюнктуры, в значительной мере расцветшая под благодетельными лучами американского просперити? Конечно это ни в какой мере не так. Кредитно-денежные теории, пользующиеся наибольшим вниманием у новейших исследователей, отнюдь не являются достижением последнего времени и результатом более углубленного понимания сферы кредита и более совершенного статистико-экономического анализа. В действительности монетарные теории в равной степени принадлежат прошедшему буржуазной науки, и та критика, которой подверг монетарные теории Маркс, относится и к новейшим теориям (на это указывает и Альтшуль—II, 360). Вне зависимости от развития банковской и статистической техники, кредитно-денежные элементы хозяйства всегда выдвигались в качестве основных, первичных, определяющих. Вульгарность буржуазной экономики проявляется здесь в том, что, когда она пытается уйти от грубого эмпиризма и описания и начинает доискиваться „причин“, то она или распыляется в электической мешанине факторов (лучший образец чему—Вольф, I), или, заявляя о необходимости видеть за отношениями вещей отношения людей, обращается к „субъекту“

⁷ См. в статье С. Snyder'a в—„Wirtschaftstheorie der Gegenwart“, Berlin 1928, В. IV, S. 27.

и его переживаниям (Лифман, I), или в конце концов возвращается к излюбленной области вещных отношений и продолжает, не понимая существа денег, из прихотливого поведения этого мифического субстрата выводить законы движения остальных, таких же вещных категорий—капитала, товара и т. п.

Закрывая дискуссию, Диль говорил: „Мое впечатление таково, что позиции чисто монетарных теоретиков конъюнктуры расшатана“ (I, 392). Он имел достаточно оснований делать подобное заявление. Но что противопоставило денежно-кредитным теориям? Каждый из выступавших, подчеркивая определенные моменты, высказывая подчас очень интересные мысли, давал разработку отдельных вопросов, оставался по преимуществу эклектиком. Заявку на последовательность сделал Лифман. Он видит причину конъюнктуры в особенностях человеческой психики. „Определенная волнообразность хозяйственной деятельности является уже следствием человеческой природы“ (I, 63). Поэтому „последние основания конъюнктурных колебаний носят до-хозяйственный характер“ (I, 66). Насколько обоснованы его претензии, можно судить уже по тому, что никто не занялся его психологическими теориями, если не считать нетребовательных практиков. Они вслед за Лифманом повторяли: „Глубочайшие истоки конъюнктуры я вижу в массовых психических явлениях хозяйствующего человечества“ (II, Иер, 315). Леве делает упор на изменения техники и процессы, происходящие в производстве; Репке считает основными отношения между накоплением и потреблением и т. д. Все же никто не выдвинул в противовес монетаристам развернутой теории конъюнктуры, которая, исходя из анализа процесса воспроизводства, рассматриваемого как единство процесса производства, обмена и распределения, удовлетворительно объяснила бы явления кризиса и определила действительную роль кредитно-денежных элементов. Приобретает значение наименьшее заявление Мизеса (II, 324) о том, что, пока не создано ничего лучшего, он предпочитает придерживаться денежно-кредитного объяснения.

Беспомощность конъюнктуристов сказалась как в эклектичности их теоретических построений, так и в неспособности сделать теорию действительным орудием конъюнктурной политики. Бесплодное теоретизирование призвано только затуманить действительную природу антагонистического капиталистического общества. В своей статье об иностранных кредитах и конъюнктуре (I, 213—247) Репке, при изложении конкретного вопроса, говорит в общих фразах о благах американских капиталов. Разрыв между теорией и практикой дает о себе знать. Монетарные теоретики величаво заявляли о близости их построений к жизни. Мы видели, какова цена этого величия. Их противники скромнее. Полушутя, полусерьезно они признаются— „хозяйству не нужна наука, и управление им не нуждается ни в какой науке о хозяйстве“ (II, 385). Игра немцев в понятия, оказывается не лучше игры в „дыфири“ американцев. Нужно ли еще что-либо добавить к этой оценке беспомощности буржуазной науки!

А. Берштейн